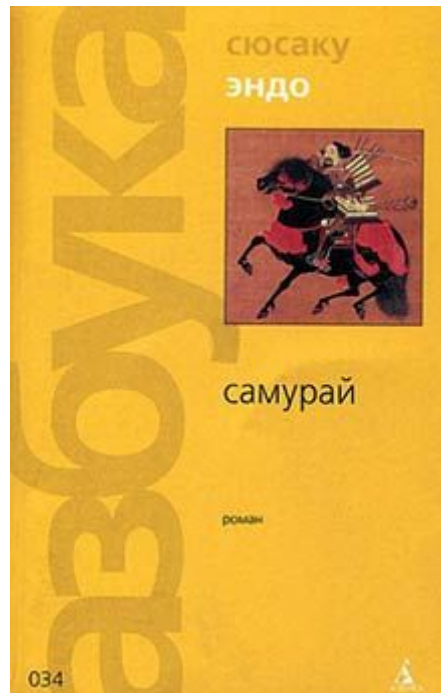

Сюсаку Эндо Самурай

Scanned & recognized by Shadow

*«Эндо С. Самурай»: Азбука-классика; Санкт-Петербург; 2004
ISBN 5-352-01081-3*

Аннотация

Знаменитый исторический роман современного классика японской литературы. Действие происходит в начале XVII в., вскоре после установления в Японии сёгуната. Группа самураев и католических миссионеров путешествует с ответственной миссией из Японии в Мексику, затем в Мадрид и Ватикан.

Приключения героев служат увлекательным фоном для их глубокой нравственной эволюции, движимой конфликтом синтоистского, буддистского и христианского мировоззрений.

Сюсаку Эндо Самурай

Глава I

Шел снег.

Вечером, когда небо потемнело и сквозь разрывы в тучах на каменистое дно пересохшей речушки едва пробивались слабые лучи, снегопад неожиданно прекратился. В воздухе плясали лишь редкие снежинки.

Снег запорошил одежду Самурая и его крестьян, рубивших деревья, и, падая на лицо и руки, тут же таял, словно подтверждая бренность жизни. Люди, не обращая никакого внимания, молча работали топорами с еще большим усердием. В вечерней дымке, среди кружащихся снежинок, все вокруг казалось серым.

Наконец закончили работу и взвалили на спины вязанки хвороста. Они готовились к наступающей зиме. Засыпанные снегом фигурки цепочкой, точно муравьи, вдоль речки спускались в долину, носившую название Ято.

В долине, окруженной холмами, покрытыми увядшей зеленью, стояло три деревни. Все дома в них были расположены так, что холмы были сзади, а окна обращены к полям – это позволяло, не выходя из дому, видеть путников, появлявшихся в долине. Приземистые дома, крытые соломой, выстроились в ряд, и в каждом под потолком подвешены плетеные из бамбука настилы, где сушили дрова и хворост. В домах стояла вонь и было темно, как в хлеву.

Самурай знал все, что делается в этих трех деревнях. После смерти отца деревни и земли как наследнику были пожалованы ему правителем края. И теперь он – глава рода – должен был по первому же приказу посылать крестьян на работы в замок, а в случае войны, возглавляя их, немедленно прибыть в поместье своего военачальника господина Исиды.

Дом Самурая хотя и был побогаче крестьянских, но состоял всего лишь из нескольких крытых соломой строений. От обычного крестьянского он отличался только лишь наличием амбара, конюшни да земляным валом вокруг усадьбы. Правда, вал не смог бы уберечь во время сражения. На северном склоне сохранились развалины крепости, принадлежавшей прежнему владельцу этих земель, войско которого было разбито Его светлостью, но теперь, когда смута в Японии улеглась и Его светлость стал одним из самых могущественных даймё [1] в Митиноку [2], для рода Самурая нужда в таком замке отпала. Хотя крестьяне принадлежавших Самураю деревень относились к господину с должным почтением, ему приходилось наравне с ними и в поле работать, и выжигать уголь в горах. А жена Самурая помогала ходить за скотиной. Подать, которую платили его три деревни князю, была непомерно высока – шестьдесят пять канов [3]: шестьдесят с заливных полей и пять с суходольных.

Вьюжило. Следы Самурая и его людей тянулись длинной цепочкой. Никто попусту не болтал, двигались молча, как покорные быки. Когда они подошли к деревянному мостику, носившему название Две Криптомории, Самурай увидел застывшего, как изваяние, своего слугу Ёдзо, также, как и он сам, запорошенного снегом.

– Прибыл ваш дядюшка.

Самурай кивнул и сбросил с плеч вязанку у ног Ёдзо. У Самурая, как и у крестьян этого края, было широкоскулое лицо с глубоко посаженными глазами, и пахло от него так же, как и от них, – землей. И как все крестьяне, он был немногословен и не выказывал своих чувств, но всегда расстраивался, когда приезжал старик. Хотя после смерти отца Самурай стал главой рода Хасэкура, он, прежде чем принять важное решение, был вынужден советоваться с дядей. Дядя вместе с его отцом участвовал в многочисленных сражениях Его светлости. У Самурая сохранились воспоминания детства: дядя, раскрасневшись от сакэ, говорил ему, сидя у очага:

– Смотри, Року! – И показывал темно-коричневый шрам на бедре.

---

¹ Даймё – феодальный князь.

² Митиноку – древнее название района Тохоку.

³ 1 кан – 3,75 кг.

Это было пулевое ранение – он очень им гордился, – полученное в битве Его светлости с князем Асина при Суриагэхаре. Однако за последние несколько лет дядя сильно сдал и каждый раз, появляясь в доме Самурая, напивался и принимался жаловаться на судьбу. А протрезвев, уходил жалкий, как побитая собака, волоча раненую ногу.

Оставив своих людей, Самурай по тропинке направился к дому. С серого неба падали снежинки; вскоре перед ним черным пятном возникла усадьба – дом, амбар и другие постройки. Из конюшни в нос ударил запах прелой соломы и навоза: лошади, услышав шаги хозяина, стали бить копытами. Прежде чем войти в дом, Самурай старательно стряхнул с себя снег. У очага дядя, вытянув больную ногу, грел у огня руки, а подле него в почтительной позе сидел старший, двенадцатилетний сын Самурая.

– Это ты, Року? – спросил дядя и закашлялся, прикрыв рот рукой, – наверное, вдохнул дым из очага.

Увидев отца, Кандзабуро вздохнул с облегчением и, поклонившись, убежал на кухню. Дым поднимался к закопченному потолку. Этот покрытый копотью уголок у очага был местом, где еще при отце, а теперь и при нем обсуждались и решались самые важные вопросы, где улаживались споры между жителями деревни.

– Я ходил в Нунодзаву и виделся с господином Исидой. – Дядя снова откашлялся. – Господин Исида сказал, что о землях в Курокаве ответа из замка еще не поступало.

Самурай молча ломал сухие ветки для очага. Их сухой хруст помогал ему сносить причитания дяди. Молчал он вовсе не потому, что ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Просто не привык показывать владевшие им чувства и терпеть не мог противоречить. Особенно тяжело ему бывало от разговоров дяди, изо всех сил цеплявшегося за прошлое, которого не вернешь.

Одиннадцать лет назад, когда Его светлость выстроил новый замок и город и перераспределял владения, он пожаловал семье Самурая долину Ято с тремя деревнями вместо земель в Курокаве, которыми они владели испокон веку. Пришлось переселиться на эти скудные земли – и все это во исполнение плана Его светлости поднимать пустоши, но у отца Самурая были свои предположения на этот счет. По его мнению, причина заключалась в том, что, когда Хидэёси ^[4] подчинил князя, недовольные этим феодальные дома Касай и Одзаки подняли восстание и кое-кто из дальних родственников семьи Самурая оказался втянутым в него. Потерпевших поражение отец Самурая не преследовал и дал им бежать – Его светлость, возможно, припомнил это и в наказание лишил земель в Курокаве. Так полагал отец.

Сухие ветки трещали в очаге, словно это отец и дядя роптали на несправедливость. Дверь кухни раздвинулась, и Рику, жена Самурая, принесла сакэ и суп из мисо ^[5] в мисочках, сделанных из высушенных листьев магнолии. Взглянув на дядю и мужа, молча ломавшего ветки, она сразу поняла, о чем идет разговор.

– Слышишь, Рику, – повернулся к ней дядя, – придется и дальше жить на этой дикой земле.

Так он называл долину Ято. По ней протекала речушка, в которой было больше камней, чем воды, на скудных полях удавалось выращивать немного риса, а кроме него только гречиху, просо и редьку. К тому же зима наступала здесь раньше, чем в Курокаве, где они жили прежде, и была намного суровее. Всю эту местность – и холмы и лес – укутывал слепяще-белый снег, и люди, укрывшись в темных домах, слушая долгими зимними ночами вой ветра, с нетерпением ждали прихода весны.

– Эх, если бы война! Если бы только началась война, мы бы уж показали себя, и наши заслуги зачлись, – снова запричитал дядя, потирая худые колени.

Однако прошли те времена, когда Его светлость только и делал, что воевал. Западные провинции еще сохраняли независимость, но восточные уже подчинились власти Токугавы ^[6], и даже

---

⁴ *Тоётони Хидэёси* – правитель Японии, продолжавший вслед за феодалом Одой Нобунагой объединение страны (1582–1598). Он привлек к себе крупных феодалов, предоставив в их распоряжение огромные территории. Тех же даймё, которые продолжали сопротивляться, он покорил силой. Хидэёси не был сёгуном и не добивался этого звания. В 1585 г. он принял звание регента (кампаку), а в дальнейшем – звание канцлера. В истории он остался известен как Тайко (так назывался кампаку после передачи этого звания своему наследнику).

⁵ *Мисо* – густая масса из перебродивших соевых бобов, служащая приправой.

⁶ Провозглашенный в 1603 г. сёгуном Токугава Иэясу и его наследники завершили объединение Японии в централизованное государство, и в феодальной Японии прекратились междоусобные войны и установился длительный мир.

Его светлость, один из могущественных даймё Митиноку, уже не мог по собственной воле распоряжаться своими войсками.

Самурай и его жена – теперь уже оба – ломали сухие ветки и терпеливо слушали ворчание дяди, пытавшегося вином и хвастовством своими заслугами заглушить не находившее выхода недовольство. Они уже столько раз слышали его причитания и так привыкли, что воспринимали их как неизбежное зло.

Поздно ночью Самурай послал двух слуг проводить дядю. Сквозь приоткрытую дверь были видны разрывы в тучах, освещенных таинственным лунным светом: снег кончился. Собаки лаяли, пока фигура дяди не скрылась из виду.

В Ято боялись не столько войны, сколько голода. Еще были живы старики, помнившие, какие беды принес голод.

В том году зима была на редкость мягкая, напоминавшая скорее весну: горы на западе заволакивал туман, и их почти не было видно. Но в конце весны, когда начался сезон дождей, лило без конца, и даже лето выдалось такое промозглое, что утром и вечером невозможно было выйти из дому без теплой одежды. Посевы на полях гибли, не успев взойти.

Запасы кончились. Жители деревень Ято стали есть корни лиан, которые они выискивали в горах, рисовые высевки и солому, шедшие на корм лошадям. А когда и этого не стало, начали забивать таких нужных в хозяйстве лошадей и собак; варили даже древесную кору и травы, чтобы хоть как-то заглушить голод. Когда все подчистую было съедено, крестьяне, покинув деревни, разбрелись кто куда в поисках пищи. Тех, кто падал в пути от голода, даже самые близкие оставляли умирать на дороге, не в силах помочь. Трупы пожирала шакалы и клевали вороны.

С тех пор как семья Самурая поселилась в этих местах, такого страшного голода не бывало, но все равно отец приказал крестьянам заготавливать каштаны, желуди, просо и хранить в мешках на настилах под крышей. И теперь каждый раз, видя в деревенских домах мешки, Самурай вспоминал не вечно брюзжащего дядю, а молчаливого отца, который был намного умнее своего брата.

Но даже отец не мог забыть те тучные земли, доставшиеся его семье от предков.

– В Курокаве можно было пережить даже самые неурожайные годы... – говорил он иногда.

Там были обширные поля, с которых – только приложи руки – собирали богатый урожай. А на этой скудной земле росли лишь гречиха, просо да редька, но даже их не хватало, чтобы есть досыта каждый день. Ведь нужно было еще и платить подать Его светлости. Бывали дни, когда и в доме Самурая приходилось есть ботву. А крестьяне даже дикий лук ели.

Однако Самурай, несмотря на сетования отца и дяди, не испытывал к этой дикой земле неприязни. Это была его земля, которая перешла к нему после смерти отца как к наследнику, и на ней он и его крестьяне, такие же широкоскулые, с глубоко посаженными глазами, молча, точно волы, трудились с раннего утра до поздней ночи, и между ними не возникало ни ссор, ни распрей. Обрабатывая скудные поля, они аккуратно платили подать, даже если самим нечего было есть. Разговаривая с крестьянами, Самурай забывал о своем более высоком положении и лишь ощущал, что между ними существуют тесные узы. Своим единственным достоинством он считал терпение, но крестьяне были еще терпеливее, чем он.

Иногда Самурай, взяв с собой старшего сына Кандзабуро, поднимался на холм к северу от дома. Там сохранились заросшие травой развалины замка, выстроенного владевшим в давние времена этой землей самураем, и теперь во рвах, заросших кустарником, в земляных укреплениях, засыпанных опавшей листвой, можно было найти зернышки риса, разбитую чашку. С продуваемой ветром горы они смотрели на долину, на деревенские дома. Жалкая земля. Дома, точно прикившие к ней.

«Это моя земля, – шептал Самурай. – Если больше не будет войн, я, как и отец, проживу здесь всю свою жизнь. А после смерти мой старший сын унаследует ее и проживет такую же жизнь, которую прожил я. И дети его детей тоже никогда не уйдут отсюда».

Нередко Самурай ходил вместе с Ёдзо на маленькое озеро у подножия горы ловить рыбу. Поздней осенью на озере, заросшем тростником, можно было увидеть среди темно-коричневых уток нескольких белых длинношеих птиц. Это были лебеди, которые прилетали сюда из-за моря, из далекой страны, где властвовали морозы. С наступлением весны перелетные птицы, взмыв в

небо над Ято, покидали эти края. Каждый раз, следя за их полетом, Самурай думал о том, что они повидали страны, в которых ему самому никогда в жизни не побывать, но он им не завидовал.

Господин Исида послал за Самураем. Он хотел поговорить с ним и вызвал в Нунодзаву.

В давние времена его род враждовал с родом нынешнего князя, но теперь господин Исида был одним из самых преданных ему старших вассалов.

Самурай, взяв с собой Ёдзо, рано утром выехал из Ято и к полудню прибыл в Нунодзаву. Лил холодный дождь. Вокруг замка, обнесенного крепостной стеной, тянулся ров, заполненный водой: от дождя по воде расходились бесчисленные круги. После недолгого ожидания в приемной к Самураю вышел господин Исида.

Коренастый, полный, в парадной накидке-хаори, господин Исида улыбаясь появился перед Самураем, сидевшим в почтительной позе, опершись руками о поблескивавший пол, и сразу спросил его о здоровье дяди.

– Вчера он снова был у меня со своими вечными жалобами, – насмешливо улыбнулся господин Исида.

Самурай смущенно потупился. Когда отец или дядя обращались с прошением о возврате земель в Курокаве, господин Исида неизменно передавал их прошения князю. Но недавно Самурай узнал от него, какое великое множество подобных прошений стекается туда, в замок, и лежит горами в ожидании решения Совета старейшин. За исключением особых случаев Его светлость, как правило, отказывает в просьбе.

– Он старик, я понимаю его состояние. – С лица господина Исиды моментально слетела улыбка. – Войны кончились. Найфу [⁷] придает огромное значение Осаке, такую же позицию занимает и Его светлость, – сказал он резко.

Неужели, подумал Самурай, он вызвал меня только ради того, чтобы высказать это? Видимо, хотел объяснить мне, что обращаться с подобными прошениями в дальнейшем бесполезно.

Сердце Самурая сжалось от тоски. Сам он уже успел привязаться к Ято, но все равно не мог забыть земель, пропитанных потом предков. И сейчас, услышав от господина Исиды, что от этого нужно навсегда отказаться, он вспомнил покойного отца. Вспомнил он и жалкого, ворчливого дядю.

– Как это ни трудно, нужно убедить старика. Он никак не может взять в толк, что времена меняются.

– Совет старейшин не выступает именно против твоей семьи. Другие мэсидаси [⁸] тоже обращались с прошениями о возврате старых земель, и это вызывает озабоченность Совета старейшин. Но стоит удовлетворить каприз хотя бы одного, как весь порядок будет нарушен.

Самурай продолжал сидеть потупившись, положив руки на колени, и молча слушал господина Исиду.

– Однако сегодня я позвал тебя для другого, – неожиданно изменил он тему, явно избегая разговора о Курокаве. – В скором времени я ожидаю распоряжения относительно тебя. Я сообщу тебе. Так что будь готов.

Самурай никак не мог понять, к чему клонит господин Исида. Когда немного спустя, поклонившись, он стал пятиться к двери, господин Исида задержал его и начал рассказывать о том, какая оживленная жизнь в Эдо. С прошлого года все даймё получили приказ участвовать в строительстве замка в Эдо. Его светлость тоже взял на себя определенные обязательства, в связи с чем высшие сановники, такие как господин Исида, господин Ватари и господин Сираиси, будут отныне попеременно направляться в Эдо.

– Ох как сурово сёгун преследует в Эдо христиан! Приезжая туда, я всякий раз вижу, как их связанными везут по городу...

Самурай знал, что найфу, отец нынешнего сёгуна, издал указ, запрещающий христианство во всех владениях, находящихся под его властью. В результате чего верующие переселяются в западные и северо-восточные провинции, где пока еще такого запрета нет. Ему приходилось слышать и

---

⁷ Найфу – титул, который принял фактический правитель страны до 1616 г. Токугава Иэясу, после того как в 1605 г. передал титул сёгуна своему сыну Хидэтаде.

⁸ Мэсидаси – самурай, который в случае войны обязан явиться с дружиной к своему военачальнику.

о том, что христиане работают на золотых приисках во владениях Его светлости.

Пленных христиан, которых видел господин Исида, провозили по городу на лошадях, украшенных бумажными флажками, к месту казни. Они спокойно переговаривались с зеваками, глядевшими на процессию, – не было похоже, чтобы они боялись смерти.

– Среди них были и падре – южные варвары. Ты когда-нибудь видел христиан или падре?

– Никогда.

Самурай без всякого интереса и сочувствия слушал рассказ господина Исиды о христианах-узниках. Его и само христианство нисколько не занимало. Оно никак не было связано с утопающей в снегу Ято. Жители Ято умирали, так ни разу и не увидев верующих, бежавших из Эдо.

– Ты уж прости, что придется ехать обратно в такой дождь.

Господин Исида был по-отечески добр и заботлив. На пороге Самурай накинул на себя раскисший от дождя соломенный плащ. Ёдзо ждал его с собачьей преданностью. Этот слуга, на три года старше своего хозяина, с рождения воспитывался в семье Самурая и выполнял всю домашнюю работу. Самурай, возвращаясь домой, представлял себе ночную Ято. Снег, выпавший несколько дней назад, покрылся ледяной коркой и сверкает во тьме, дома крестьян тихие, точно вымершие. А его жена Рику и остальные домочадцы не спят, сидят вокруг очага и ждут его возвращения. Собаки, заслышав шаги, залают, в конюшне, пахнувшей прелой соломой, разбуженные лошади станут переступать с ноги на ногу.

Запах прелой соломы наполнял тюрьму, где сидел Миссионер. Он смешался с запахом пота и мочи верующих, которые совсем недавно еще находились здесь, и временами становился невыносимым. Со вчерашнего дня Миссионер высчитывал, сколько у него шансов остаться в живых. Он спокойно и невозмутимо размышлял об этом, точно купец, следящий, какая из чаш с золотым песком перевесит. Спасти его могут только услуги, которые он способен оказать властителям этой страны. Например, каждый раз, когда прибывало посольство из Манилы, его использовали как переводчика, так как никто из оставшихся в Эдо католических миссионеров не мог сравниться с ним в знании японского языка. Если скаредные японцы и в дальнейшем намерены торговать с Манилой или Новой Испанией⁹, находящейся на другой стороне Тихого океана, им не следует сбрасывать его со счетов – ведь он может выступить посредником в переговорах. «Я умру, если будет на то Твоя воля, Господи, – гордо, точно сокол, вскинул голову Миссионер. – Но, Господи, ведь Тебе ведомо, как необходим я японской Церкви».

Да. Он нужен Господу, так же как и властителям этой страны. На лице его появилась торжествующая улыбка. Миссионер был уверен в своих силах. Будучи главой францисканской общины в Эдо, он полагал, что провал миссионерской деятельности в Японии на совести иезуитов, выступающих против его ордена. Они всегда интриговали, но никогда не были настоящими дипломатами. За шестьдесят лет своей миссионерской деятельности они прибрали к рукам земли в Нагасаки, где располагают административной и судебной властью, что, конечно же, вызывало беспокойство у правителей Японии и посеяло семена недоверия.

«Будь я епископом, никогда не вел бы себя так глупо. Будь я архиепископом Японии...»

При этой мысли он покраснел, как девушка. Покраснел, понимая, что в его душе еще горел пламень мирской гордыни, честолюбия и тщеславия. В его страстном желании стать епископом, который возглавит всю миссионерскую деятельность в Японии, была, конечно, немалая доля и личного честолюбия.

Отец его был влиятельным человеком – членом городского совета Севильи, один из предков – вице-королем Панамы, другой – Верховным инквизитором. Дед участвовал в завоевании Вест-Индии. Прибыв в Японию, Миссионер понял, что он, потомок таких знаменитых людей, превосходит умом и талантом окружавших его священников. Даже если бы ему пришлось служить найфу и сёгуну, у него хватило бы изворотливости и красноречия, чтобы, не раболепствуя, привлечь этих хитрых, коварных японцев на свою сторону.

Но козни иезуитов все время мешали ему в полной мере проявить свой незаурядный талант, унаследованный от предков. Видя, что иезуиты оказались бессильны подчинить себе Хидзэси и

---

⁹ В 1517–1518 гг. состоялись экспедиции испанских конкистадоров к берегам полуострова Юкатан. Завоеванную территорию назвали «Новая Испания» за сходство, которое имели дома этой страны, сложенные из грубого камня, с испанскими домами. Впоследствии это название закрепилось за Мексикой.

найфу и только восстановили против себя буддийское духовенство, занимавшее сильные позиции в эдоском замке, и вызвали у высшей знати неприязнь и подозрения, он, стыдясь своего честолюбия, не мог побороть желания стать епископом.

«Миссионерская деятельность в Японии – это сражение. Если же сражением командует глупец, кровь солдат льется напрасно».

Именно поэтому он должен сделать все, чтобы остаться в живых и продолжать свою деятельность в этой стране. Ради этого он скрывался – хотя и знал, что за это время пятерых верующих уже схватили, но приложил все усилия, чтобы избежать их участи.

«Если я не нужен Тебе, о Господи, – шептал он, потирая затекшие ноги, – скажи мне. Я ведь совсем не цепляюсь за жизнь – Тебе это известно лучше, чем кому-либо».

У его ног промелькнуло что-то темное, пушистое. Это была крыса, устроившая здесь нору. Прошлой ночью он слышал, как она, тихо шурша, прогрызала дыру в углу. Каждый раз, просыпаясь от этого звука, он тихо молился о пятерых христианах, скорее всего уже казненных. Своей молитвой он хотел облегчить муки совести – ведь ему пришлось покинуть их в беде.

Издали донесся звук шагов, и Миссионер, поспешно подобрав ноги, выпрямил спину. Он не хотел, чтобы стражник, приносящий еду, увидел его поникшим. Даже в тюрьме он не мог позволить себе, чтобы японцы его презирали.

Шаги все приближались. Услышав, как в замке поворачивается ключ, Миссионер изобразил на лице улыбку. Еще на воле он думал о том, что и смерть он обязан принять с улыбкой.

Дверь со скрипом отворилась, и по сырому полу разлился свет, похожий на расплавленное серебро. Моргая, Миссионер обратил улыбающееся лицо к двери и увидел там не стражника, а двух чиновников в черном.

– Выходи! – важно приказал один из них. И в уме Миссионера этот приказ слился с радостным словом «свобода».

– Куда мы идем? – спокойно спросил он, стараясь сохранить улыбку, хотя ноги его слушались плохо.

Чиновники неприветливо молчали. Они шагали важно, как это всегда делают японцы в таких обстоятельствах, и Миссионеру, уверовавшему, что его освобождают, их торжественная напыщенность казалась нелепой детской игрой.

– Смотри!

Один из чиновников неожиданно остановился и, обернувшись, кивнул на окно коридора, выходящего во внутренний дворик. Посреди двора, откуда уже начало уходить солнце, были расстелены циновки, стояла кадка с водой, а подле нее – два стула.

– Понял, что это?

Другой чиновник громко рассмеялся и провел ребром ладони по шее:

– Вот это что.

С наслаждением глянув на застывшего Миссионера, он усмехнулся:

– Дрожит, южный варвар!

Миссионер сцепил руки, изо всех сил стараясь одолеть охватившее его чувство унижения и злости. Уже два дня его донимали угрозами мелкие японские чиновники, и каждый раз это больно ранило его самолюбие, но Миссионеру, обладавшему повышенным чувством собственного достоинства, было невыносимо даже намеком показать, что он их боится. Колени у него дрожали все время, пока его вели в здание, стоявшее напротив тюрьмы.

Наступил вечер, и там уже было пусто. Чиновники велели ему сесть прямо на пол в полутемной комнате и исчезли, а Миссионер, точно ребенок, стянувший конфетку, испытал тайную радость от сознания, что он свободен.

«Ну вот. Все идет, как я и думал».

Только что пережитое чувство унижения исчезло, и к нему вернулась обычная уверенность в себе – он не ошибся, его предположения сбываются.

«Мне настолько доступны мысли японцев, будто я потрогал их рукой», – прошептал он.

Он знал, что японцы сохраняют жизнь всем – даже тем, кого ненавидят, – кто может им пригодиться; а его знание языков необходимо правителям этой страны, ослепленным жадной выгодной торговлей. Только поэтому найфу и сёгун, ненавидя Христа, позволяют жить в этом городе миссионерам. Найфу изо всех сил стремится построить порт, не уступающий Нагасаки, – для торговли с дальними странами. Особенно его привлекает торговля с Новой Испанией, лежащей дале-

ко за морем, и он уже неоднократно отправлял послания испанскому правителю Манилы. Миссионера часто вызывали в эдоский замок – переводить эти письма на испанский и ответы – на японский.

Однако самого найфу он видел лишь однажды. Сопровождая посланца из Манилы, прибывшего с визитом в эдоский замок, он увидел в темном зале аудиенций величественного старика, сидящего в бархатном кресле. Не произнося ни слова, старик бесстрастно слушал беседу членов Совета старейшин с посланцем и так же бесстрастно смотрел на привезенные ему богатые подарки. Однако бесстрастное лицо и бесстрастные глаза старика надолго остались в памяти Миссионера и вселили в него чувство, похожее на страх. Этот старик и был найфу, и Миссионер подумал, что именно таким и должно быть лицо у политика.

Вдруг до Миссионера донесся из коридора звук шагов и шуршание одежды.

– Господин Веласко.

Подняв голову, он увидел, что на почетном помосте уже сидит знакомый ему торговый советник – Сёдабуру Гото, а чиновники, которые привели его сюда, стоят поодаль. У Гото было характерное для японца широкоскулое лицо. Некоторое время он внимательно смотрел на Миссионера, а потом сказал со вздохом:

– Вы свободны. Чиновники допустили досадную оплошность.

Миссионер торжествовал. Он с удовлетворением посмотрел на унижавших его чиновников. Всем своим видом он как бы говорил, что прощает им их прегрешения.

– Однако, господин Веласко... – Шурша одеждой, Гото встал и с брезгливостью посмотрел на него. – Как христианскому падре вам запрещается жить в Эдо. И если бы влиятельное лицо не ходатайствовало за вас, даже представить трудно, что бы с вами произошло.

Торговый советник дал понять Миссионеру, что о его тайных сношениях с верующими известно. Владений других даймё это не касается, но на территории, подвластной найфу, с этого года строжайше запрещено строить храмы и служить мессу. И его оставляли в этом огромном городе не как священнослужителя, а как переводчика.

После того как Гото удалился, чиновники, не скрывая недовольства, указали Миссионеру на дверь, но не ту, через которую вышел советник.

Его усадили в паланкин, и он вернулся к себе домой в Асакусу. Рядом с его жилищем была небольшая роща, черневшая под ночным небом. Неподалеку от его дома прокаженные, до которых никому не было дела, основали поселок, и еще два года назад здесь располагалась небольшая лечебница, построенная францисканцами. Но лечебница была разрушена, и в единственной оставшейся от нее крохотной хибарке и было разрешено поселиться ему вместе с совсем юным падре Диего и с одним корейцем.

Сидя рядом с Диего и корейцем, потрясенными его неожиданным возвращением, он с жадностью поглощал рис с вяленой рыбой. В роще щебетали птицы.

– Никого другого японцы не освободили бы так быстро.

Услыхав слова прислуживавшего ему Диего, Миссионер лишь слабо улыбнулся, но в душе испытал удовлетворение и гордость.

– Меня освободили не японцы. – Поучая Диего, он изобразил на лице не то смирение, не то высокомерие. – Я нужен Господу. Это Он освободил меня. Чтобы я выполнил Его волю.

«Господи, – молился про себя Миссионер, не отрываясь от еды, – Ты ничего не вершишь напрасно. Вот почему... Ты оставил меня в живых».

Он и не заметил, что в его молитве сквозила гордыня, неподобающая священнику.

Через три дня Миссионер в сопровождении корейца отправился к торговому советнику, чтобы отблагодарить за освобождение. Знатные японцы любили виноградное вино, поэтому он не забыл захватить в подарок несколько бутылок – из тех запасов, которые он использовал для причастия.

У советника был посетитель, но он не заставил Миссионера ждать в другой комнате, а приказал проводить к себе. Когда Миссионер вошел, он слегка кивнул ему, не прерывая разговора, – было ясно, что он хотел, чтобы Веласко присутствовал при беседе.

В разговоре то и дело мелькали географические названия – Цукиноура, Сиогама. Советник и полный пожилой мужчина не спеша беседовали о том, что Цукиноура станет портом, который превзойдет Нагасаки.

Рассеянно поглядывая в сад за окном, Миссионер внимательно слушал. Благодаря знаниям, приобретенным за три года службы переводчиком, он смог, хотя и туманно, уяснить, о чем говорили японцы.

Последние несколько лет найфу был одержим идеей основать на востоке порт, не уступающий Нагасаки. Нагасаки был слишком далеко от Восточной Японии, подвластной непосредственно найфу, и, если бы могущественные даймё острова Кюсю подняли мятеж, им бы удалось легко захватить его. Кроме того, среди даймё Кюсю были князь Симадзу и князь Като, поддерживавшие осакский дом Тоётоми, неподвластный влиянию найфу. Так обстояло дело с точки зрения внутренней политики. А с точки зрения внешней найфу не нравилось то, что корабли из Манилы и Макао приходили лишь в нагасакский порт. Он хотел вести прямую торговлю с Новой Испанией, и не через Манилу. Это была одна из причин, почему ему нужен был на востоке страны порт, через который шла бы торговля с Новой Испанией. В Канто был порт Урага, но, возможно, из-за стремительного морского течения корабли, пытавшиеся войти в него, часто разбивались о скалы. Поэтому найфу приказал могущественному даймё на северо-востоке страны – где Куросиво подходит к самым берегам Японии – подыскать бухту для порта. Видимо, Цукиноура и Сиогама рассматривались как возможные места для этого.

«Почему, однако, советник хочет, чтобы я слышал их разговор?»

Миссионер исподлобья, тайком следил за выражением лиц собеседников. Словно перехватив его взгляд, Гото повернулся к нему.

– Господин Исида, вы, видимо, знаете господина Веласко... Как переводчику ему разрешено жить в Эдо... – представил он Миссионера коренастому, полному мужчине.

Тот слегка поклонился.

– Вы бывали на северо-востоке?

Миссионер, не отнимая ладоней от колен, отрицательно покачал головой. За долгие годы он усвоил правила поведения японцев, их этикет.

– В провинции господина Исиды, в отличие от Эдо, – в голосе советника слышалась насмешка, – христиан не преследуют. Там, господин Веласко, вы сможете ходить с высоко поднятой головой, никого не опасаясь.

Миссионеру, разумеется, это тоже было известно. Найфу запретил христианство на подвластной ему территории, но, опасаясь мятежа обращенных в новую веру, он не принуждал других даймё следовать его примеру и снисходительно относился к тому, что верующие, изгнанные из Эдо, находили убежище в западных и северо-западных провинциях.

– Господин Веласко, вы когда-нибудь слышали о Сиогаме или Цукиноуре? – неожиданно спросил советник. – Это весьма удобные бухты.

– Вы хотите превратить их в порты, подобные Ураге?

– Да, предполагаем. В этих бухтах, возможно, будут строиться огромные корабли, как у южных варваров.

У Миссионера перехватило дух. Насколько ему было известно, до сих пор в Японии были лишь небольшие торговые суденышки, имевшие разрешение сёгуната на торговлю, которые копировали сиамские и китайские парусники. Строить же огромные галеоны, способные пересекать океан, было негде, да и японцам не хватало умения. Но даже если бы и удалось их построить, не было людей, владевших искусством кораблевождения.

– Кто же будет строить эти суда? Японцы?

– Не исключено. Сиогама и Цукиноура – морские бухты, туда легко доставлять прекрасный лес.

«Почему советник выдает мне такие важные секреты? – думал Миссионер. Он искал ответа на свой вопрос, быстро переводя взгляд с одного господина на другого. – Скорее всего они собираются использовать команду того корабля».

В прошлом году буря выбросила на берег неподалеку от Кисю галеон испанского посланника, прибывшего из Манилы, с которым он встретился в эдоском замке как переводчик; починить его оказалось невозможным, и он был оставлен в Ураге. Посланник с командой терпеливо ждали прихода судна, которое бы забрало их. Возможно, японцы хотят с помощью испанских матросов построить собственный корабль, такой же как тот галеон.

– Решение уже принято?

– Нет, нет. Идея существует лишь в самом общем виде.

Произнеся это, советник стал смотреть в сад. Миссионер понял, что это означает. Ему давали понять, что пора удалиться, и он, поблагодарив за освобождение, покинул комнату.

Прощаясь с находившимися в приемной чиновниками, которые с поклонами провожали его, он думал: неужели японцы действительно хотят пересечь Тихий океан и достичь Новой Испании?

«Эти люди точно муравьи. Они не остановятся ни перед чем».

Миссионер представил, как муравьи, когда перед ними возникает лужа, жертвуя собой, превращаются в мост, по которому их товарищи перебираются через нее. Японцы – и в самом деле полчище упорных черных муравьев!

Правитель Манилы вежливо отклонял просьбу найфу о прямой торговле с Новой Испанией, чего тот добивался уже много лет. Испанцы желали сохранить за собой монополию торговли на бескрайних просторах Тихого океана.

Однако, если собираются использовать испанскую команду для постройки корабля, Миссионер будет совершенно незаменим как переводчик на переговорах. Теперь он начал понимать, почему четыре дня назад Гото выпустил его из тюрьмы. Гото намекнул тогда, что кое-кто замолвил за него словечко: не исключено, что это был один из членов Совета старейшин, выдвинувший такой план. Вполне возможно, тот самый Исида. Бог может использовать кого угодно, японцы же используют лишь тех, кто им бесспорно необходим. Только потому, что японцы считают его полезным для выполнения своих планов, они сперва припугнули его, а потом помогли. Это их любимый метод.

Ни Диего, ни корейцу Миссионер не рассказал ничего о сегодняшней беседе. В глубине души он не уважал своего младшего товарища, с его постоянно красными, кроличьими глазами, такого же, как он, священника-францисканца, прибывшего с ним в Японию из Манилы. Еще в бытность семинаристом Миссионер не мог побороть в себе презрения к тупоголовым, ни на что не способным товарищам. Он понимал, что это дурное качество, но избавиться от него не мог.

– Пришло письмо из Осаки.

Диего достал из кармана поношенной монашеской рясы распечатанное письмо и четки – поднял на Миссионера глаза, словно опухшие от слез.

– Иезуиты снова клеветают на нас.

Он поднес письмо к свече, пламя которой трепетало как мотылек, и развернул – на бумаге желтели пятна от дождя, чернила кое-где расплылись. Оно было написано недели три назад отцом Муньосом, которому подчинялся Миссионер; он сообщал, что в Осаке растет ненависть к найфу, что правитель Осаки одного за другим перетягивает на свою сторону вассалов князей, разбитых в сражении при Сэкигахаре [10].

После этой преамбулы отец Муньос извещал Миссионера, что глава иезуитской общины в Кинки направил в Рим письмо, осуждающее методы миссионерской деятельности францисканцев:

«То, что францисканцы поддерживают отношения с японцами-христианами, несмотря на запрет миссионерской деятельности в Эдо, вызывает ненужное раздражение найфу и сёгуна и в данный момент наносит ущерб евангелической работе даже в тех районах, где сохраняется свобода вероисповедания, утверждают иезуиты».

Сдерживая нахлынувшее возмущение, Миссионер небрежно бросил письмо Диего:

– Самонадеянные болваны!

От волнения щеки и шея Миссионера всегда покрывались красными пятнами. Иезуиты клеветали на них не впервые. Они всегда писали тайком на францисканцев доносы в Рим. Ими владела зависть. С тех пор как шестьдесят три года назад на японскую почву ступил святой Ксавье, вся миссионерская деятельность в этой стране сосредоточилась в руках иезуитов. Но десять лет назад буллой Папы Климента VIII была разрешена миссионерская деятельность и других конгрегации – и тогда иезуиты, снедаемые ревностью, ополчились на всех остальных.

– Иезуиты забыли, что это они – причина всех бед, обрушившихся на христианство в Японии. Пусть подумают о том, кто навлек гнев покойного тайко.

Диего смущенно смотрел красными глазами на Миссионера. Нет, подумал Миссионер, глядя на него, советоваться с этим жалким человеком бессмысленно. Хотя он в Японии уже три года, но даже как следует говорить на языке этой страны не научился; единственное, на что он способен, –

---

¹⁰ Решающее сражение 20 сентября 1600 г. принесло победу Токугаве Иэясю.

тупо, как баран, изо дня в день выполнять указания всех, кто стоит выше него.

В течение нескольких десятилетий иезуиты завладели землями в Нагасаки и доходами с них оплачивали свою миссионерскую деятельность. Они не обладали там лишь военной властью, но добились права взимать налоги и вершить суд. Когда тайко, покоривший Кюсю, узнал об этом, он пришел в ярость и издал указ о запрещении христианства – это всем известно. Так начались черные дни христианства в Японии, но иезуиты уже забыли об этом.

– Однако, – нерешительно сказал Диего, – что мне ответить в Осаку?..

– Напиши, что иезуиты могут обо мне уже не беспокоиться, – резко ответил Миссионер. – Я должен немедленно покинуть Эдо и направиться на северо-восток.

– На северо-восток?

Ничего не ответив оторопевшему товарищу, Миссионер вышел из комнаты. Войдя в кладовую, высокопарно именуемую молельней, он задул свечу, которую держал в руке, и преклонил колени на твердом дощатом полу. В эту неудобную позу он становился всякий раз еще со времени учебы в семинарии, когда ему приходилось сдерживать гнев уязвленного самолюбия. Ноздри щекотал запах чадившей свечи, в темноте слышалось шуршание тараканов.

«Кто бы ни осуждал меня, Тебе известны мои способности, – шептал он, сжимая лоб ладонями. – Именно потому, что я Тебе нужен, Ты вызволил меня из тюрьмы. Ты выдержал клевету саддукеев и фарисеев. Я буду стоек, как Ты, выдержу клевету иезуитов».

Тараканы ползали по его грязным босым ногам. Он слышал, как в роще щебечут птицы, как кореец запирает дверь лачуги.

Японцы строят галеон...

Перед его глазами снова возникло полчище черных муравьев, переправляющихся через лужу. Японцы во имя выгод от торговли с Новой Испанией в конце концов переправятся через океан, как переправляются через лужу черные муравьи. Значит, нужно использовать их алчность ради распространения веры, думал Миссионер.

«Они получают выгоду, мы – свободу распространения веры».

Успешно осуществить такое предприятие иезуитам не под силу. На это не способны ни доминиканцы, ни августинцы. Этого не смогут сделать и такие ни на что не годные монахи, как Диего. Миссионер был убежден, что только он, и никто другой, может осуществить задуманное. Нужно лишь растопить лед подозрительности японцев. Ни в коем случае нельзя допустить повторения ошибок, совершенных иезуитами.

«Будь я епископом...»

Он услышал этот голос тайного честолюбия, которого неизменно стыдился. Если бы он стал епископом, которому дано руководить распространением веры в Японии, то в течение ближайших лет ликвидировал бы все ошибки иезуитов, думал Миссионер.

В ясные дни на побуревших склонах гор в Ято поднимались дымки – это выжигали уголь. Приближалась долгая зима, и крестьяне работали с утра до ночи. Когда рис и просо были убраны со скудных полей, женщины и дети начинали веять зерно. Рис шел в уплату подати, а не для собственных нужд. Прямо на полях сушили сено, скошенное в перерывах между уборкой. Его подстилали в конюшне. Солома же в голодное время шла в пищу – ее рубили и толкли в каменной ступе.

Самурай, как и крестьяне, в рабочей одежде, «хангири», обходил долину, наблюдая, как трудятся его люди. Он то и дело окликал их, беседовал, а иногда работал плечом к плечу, складывая дрова вокруг усадьбы. Такие поленицы-изгороди назывались в Ято «кидзима».

Случались и радости, случались и горести. Этой осенью в деревне умерло два старика, семьи были бедные, их похоронили у подножия горы и на могилы положили лишь по большому камню. В землю воткнули старые серпы, которыми они пользовались при жизни, рядом с камнями оставили щербатые чашки – таков был обычай в Ято. Самурай часто видел, как дети ставили в них полевые цветы, но так хоронили только в сытые годы. Когда же случались неурожаи, старики просто исчезали, и никто не знал, куда они подевались, – об этом Самураю рассказывал еще отец. В это время года устраивалось празднество Дайсико в честь великого буддийского учителя, когда варили в котлах пресные клецки с колосками мисканта. В такой день к усадьбе Самурая приходили крестьяне и, низко кланяясь, приветствовали его; их угощали клецками, и они, поев, расходились по домам.

В один из ясных дней пришел приказ от господина Исиды направить к нему из Ято двух человек. Получив приказ, Самурай, прихватив Ёдзо, поехал в деревню к дяде.

– Слышал, слышал. – Лицо дяди расплылось в улыбке. – Говорят, в горах Огацу валят криптомерии на постройку боевого корабля. Приближается сражение с Осакой.

– Боевого корабля?

– Да.

Самурай еще не рассказывал ему о своем разговоре с господином Исидой. Ему не хотелось снова выслушивать бесконечные причитания. Но если сейчас настали мирные времена и о войне не может быть и речи, зачем же тогда Его светлости строить военный корабль? Самурай недоумевал. Возможно, в Совете старейшин подготовлен какой-то тайный план.

– Року, тебе нужно самому поехать в Огацу и на месте все выяснить.

Голос дяди дрожал от возбуждения, будто сражение вот-вот должно начаться. У Самурая не было никакого желания отправляться в путь, который займет почти два дня, но он привык слушаться старших и на этот раз тоже молча кивнул. Все увидеть собственными глазами и во всем убедиться самому – только так удастся успокоить старика, который не в силах осознать, что времена изменились, подумал он.

Выбрав в деревне двух юношей для господина Исиды, Самурай на следующий день снова сел на коня. Огацу была одной из бухт, которые, словно углубления между зубьями пилы, окаймляли побережье провинции Рикудзэн. Выехав рано утром из Ято, они лишь поздним вечером добрались до побережья – снег, валивший с облачного неба, лепил прямо в лицо. Пришлось остановиться на ночлег в бедной рыбацкой деревушке Мидзухама. Весь вечер шумело море, и юноши время от времени бросали растерянные взгляды на Самурая. По словам рыбаков, в горах близ Огацу уже собрались люди и началась валка леса.

На следующее утро они покинули Мидзухаму. Хотя и распогодилось, дул резкий ветер, море было холодным, волны, пенясь, обрушивались на берег. Юноши, знобко ежась, покорно плелись за лошадью. Наконец в море возник остров, и они увидели тихую бухту. На горе уже стояли лачуги для рабочих, издали доносился визг пил – валили деревья. В бухте, защищенной с одной стороны островом, а с другой – горами, было безветренно, на воде тихо покачивались плоты.

Самурай вошел в контору, и там записали имена юношей, которых он привел, но тут вбежал запыхавшийся слуга и сказал, что прибывает господин Сираиси. В конторе поднялся переполох, чиновники выбежали наружу, чтобы устроить торжественную встречу.

Самурай тоже вышел. Вскоре показалась процессия – медленно приближалось десятка полтора всадников. Среди них было несколько южных варваров, которых Самурай увидел впервые. Он не мог оторвать глаз от этих необычных людей, даже забыл поклониться.

На южных варварах была дорожная одежда, какую носил и Самурай, – видимо, им дали ее в Японии. Лица у них были красные, наверное от вина, щеки заросли светлой бородой, они удивленно смотрели на гору, откуда доносился стук топоров. Один из них знал японский и переговаривался со своими попутчиками.

Когда процессия проезжала перед выстроившимися в ряд чиновниками, один из всадников вдруг назвал имя отца Самурая.

– Не сын ли ты Городзаэмона? – спросил господин Сираиси. Самурай смущенно поклонился. – Я много слышал о тебе от господина Исиды. Нам с твоим отцом нелегко пришлось в сражениях при Корияме и Куботе.

Самурай почтительно слушал господина Сираиси. Половина чиновников присоединилась к процессии, скрывшейся уже в лесу, а остальные с завистью смотрели на Самурая, удостоившегося внимания господина Сираиси, принадлежащего к дому Его светлости.

Самурай, стараясь не проявлять открыто своей радости, начал готовиться к отъезду. Ему удалось выяснить, что в бухте собираются строить не боевой корабль, а судно, на котором вернуться в свою страну южные варвары, потерпевшие в прошлом году крушение близ Кисю. Южные варвары, которых он только что видел, как раз и были командой того корабля, и сейчас по их указаниям строится судно – такое же, как и то, на котором они приплыли. На обратном пути Самурай снова заночевал в Мидзухаме и на следующий день возвратился в Ято. Дядя, ожидавший его с великим нетерпением, внимательно выслушал племянника, и на его исхудавшем лице выразилось разочарование, но теплые слова, сказанные господином Сираиси, видимо, вселили в него надежду, и он заставил племянника несколько раз повторить свой рассказ в подробностях.

Осень кончилась, наступила зима. Ято покрыл снег, ночами ветер наметал большие сугробы. Целыми днями работники Самурая, усевшись вокруг очага, вили веревки. Плели веревки для закрепления груза к седлу, веревки для подпруг и для поводьев и недоузтков. Жена Самурая, Рику, бывало, устраивалась у очага и рассказывала младшему сыну, Гондзиро, сказки. В такие минуты Самурай тоже слушал жену, молча ломая сушняк. Это были сказки об оборотнях, о человеке, обманутом лисой, которые ему еще в детстве рассказывали покойные бабушка и мать. Ничего не менялось в Ято.

Наступил Новый год. По обычаю, в этот день подносили богу урожая моти [¹¹], готовили красную фасоль, которую в обычное время себе не позволяли. На Новый год снег не шел, но ночью, как обычно, с пронзительным воем задул ветер.

В полутемном зале на почетном месте восседали высшие сановники Его светлости. Суровые бесстрастные лица японцев напомнили Миссионеру лица будд, которые он видел в храмах Киото, но, прожив в этой стране много лет, он знал, что бесстрастное выражение лица не означало, что японец ничего не замышляет.

Рядом с ними на низкой скамейке – на это было дано специальное разрешение – сидел главный строитель – испанец, которого привезли из Эдо. В отличие от Миссионера сидеть по-японски он не умел. В некотором отдалении, глядя прямо перед собой, замер в неподвижности, положив руки на колени, писец из замка.

После долгого обмена приветствиями, которые старательно переводил Миссионер, перешли к главной теме разговора.

– Длина корабля восемнадцать кэнов. Ширина – пять с половиной, высота четырнадцать кэнов, один сяку и пять сунов [¹²].

Сановников больше всего интересовал внешний вид галеона.

– Он будет двухмачтовый, главная мачта – высотой пятнадцать, вторая – тринадцать хиро [¹³], корпус корабля будет покрыт лаком.

Переводя эти слова главного строителя, Миссионер думал о том, как собираются японцы использовать такой корабль. Сановники пожелали узнать, чем японские торговые суда отличаются от галеона. У галеона соотношение длины к ширине позволяло увеличить скорость движения под парусами, а для быстрой маневренности, в зависимости от направления ветра, помимо прямых парусов используются и треугольные. Сановники, особенно сидевший в центре господин Сираиси, с напряженным вниманием слушали переводившиеся им ответы главного строителя, видимо, им было очень интересно; а когда объяснения закончились, лица их снова застыли в бесстрастности, точно подернутое ряской бездонное болото.

Его светлость уже отправил из своих владений в Огацу двести плотников и сто пятьдесят кузнецов, но для того, чтобы ускорить постройку судна, требовалось в два раза больше. Главный строитель сказал еще, что не хватает и подсобных рабочих.

– Он говорит, что осенью часто бывают штормы, поэтому, считая, что плавание до Новой Испании займет месяца два, желательнее назначить отплытие на начало лета, – перевел Миссионер.

Высшие сановники были не в состоянии представить себе, сколь велик океан. В течение долгого времени для японцев море воспринималось как огромный, заполненный водой ров, защищающий их страну от вторжения чужестранцев. Они не имели ни малейшего представления, где находится Новая Испания. Но теперь узнали, что далеко за морем существуют богатые земли, где живут разные народы.

– Все будет доложено Его светлости. О рабочих можете не беспокоиться, – сказал господин Сираиси, благосклонно выслушав главного строителя.

Остальные сановники хранили молчание. Главный строитель горячо поблагодарил за доброжелательность.

---

¹¹ *Моти* – рисовые лепёшки.

¹² *1 кэн* – 1,82 м; *1 сяку* – 30,3 см; *1 сун* – 3,03 см.

¹³ *Хиро* – то же, что кэн; мера длины, принятая у моряков.

– Не стоит благодарности. Как я уже много раз говорил, мы весьма заинтересованы в постройке большого корабля, – засмеялся в ответ господин Сираиси.

Такая заинтересованность объяснялась тем, что японцы стремились заручиться обещанием вице-короля впредь направлять суда к Новой Испании непосредственно во владения Его светлости. Князь рассчитывал с согласия найфу построить удобный порт, не уступающий Нагасаки. Выдвигалось одно-единственное условие: возвращающиеся на родину члены экипажа должны передать вице-королю Новой Испании пожелания Его светлости.

Главный строитель ответил, что они с радостью выступают в качестве посредников. Более того, он любезно сказал, что в Новой Испании порадовались бы японским товарам, особенно меди, серебру, золоту, добываемым во владениях Его светлости, и японские суда с таким грузом будут встречены с радостью. Главное – построить удобный порт, куда могли бы заходить галеоны. К счастью, замеры, произведенные в течение этой недели в бухтах Кэсэнума, Сиогама и Цукиноура, показали, что они вполне для этого пригодны. Господин Сираиси и другие сановники с удовлетворением кивали. Заговорили о климате и населении Новой Испании.

В этот день снова шел снег. Закончив беседу, главный строитель встал со скамейки и, прощаясь, низко, по-японски, поклонился; молодой слуга, дожидавшийся его в коридоре, раздвинул фусума [14].

– Господин Веласко, задержитесь немного, – попросил один из сановников.

Когда главный строитель в сопровождении слуги вышел из зала, господин Сираиси поблагодарил Миссионера за его перевод.

– Вам пришлось немало потрудиться, весьма признателен. – На его лице появилась лукавая улыбка. – Как вы считаете, он был искренен?

Миссионер замаялся, не зная, что именно он имеет в виду.

– Главный строитель утверждает, что Новая Испания тоже заинтересована в японских судах. Вы не думаете, что он лукавит? – спросил господин Сираиси, согнав с лица улыбку.

– А как полагаете вы, господин Сираиси? – в свою очередь спросил Миссионер, стараясь разгадать истинные мысли собеседника.

– Мы этому не верим.

– Почему же?

Миссионер недоверчиво посмотрел на сановников. Ему было прекрасно известно, что японцы, совершая сделки, сохраняют выражение лица, полностью скрывающее их истинные мысли.

– Совершенно естественно. Страна, откуда вы родом, господин Веласко, получает такие огромные барыши только потому, что строит корабли, способные пересекать безбрежное море, а испанские капитаны – искусные мореходы. Вряд ли Испания захочет делиться своими барышами с другой страной. Она вряд ли обрадуется, если это безбрежное море станут бороздить японские суда.

– Коль скоро вы все понимаете, мне добавить нечего, – невесело усмехнулся Миссионер. – Но тогда почему вы тем не менее строите большой корабль?

– Господин Веласко, мы действительно хотим завязать торговые отношения с Новой Испанией. Все корабли с Лусона, из Макао, стран южных варваров прибывают в Нагасаки, а в Эдо, где резиденция найфу, и уж тем более во владения Его светлости не заходят. Хотя в провинции Рикудзэн [15], находящейся во владениях Его светлости, есть удобные порты, корабли Новой Испании должны плыть в Японию только через Филиппины. А уж от Лусона, как нам известно, пользуясь морским течением, прибывают прямо на Кюсю.

– Совершенно верно.

– Что же нам делать? – Господин Сираиси, словно попав в затруднительное положение, нервно постукивал пальцами. – Скажите, падре, у вас нет никаких мыслей о том, как установить прямые торговые связи между провинцией Рикудзэн и Новой Испанией?

Услыхав непривычное в устах японца слово «падре», Миссионер потупился. Он не хотел, чтобы все увидели, как он взволнован. В Эдо его еще ни разу не называли «падре». Ведь жить там ему было разрешено не как священнику, а только как переводчику. И вот сейчас господин Сираи-

¹⁴ Фусума – раздвижные перегородки в японском доме.

¹⁵ Рикудзэн – современная префектура Мияги.

си умышленно назвал его «падре». На улице шел снег, царила тишина.

Сановники молчали и пристально смотрели на него.

– У меня нет никаких идей. Я... и в Эдо, и здесь... всего лишь переводчик.

– Как в Эдо – не знаю. А здесь, господин Веласко, вы прежде всего падре, хотя и выступали в качестве переводчика, – тихо сказал господин Сираиси. – Во владениях Его светлости христианство не запрещено.

Он был прав. Множество верующих, изгнанных из Эдо и других территорий, подвластных непосредственно найфу, в поисках таких мест, где их не будут преследовать за веру, бежали во владения Его светлости. Большинство из них работало там на золотых приисках. Здесь священникам не было нужды скрываться, как в Эдо. А христианам не было необходимости выдавать себя за буддистов.

– Господин Веласко, вам бы не хотелось пригласить сюда падре из Новой Испании?

Господин Сираиси говорил ласково и приветливо. Чтобы не поддаться его заискивающему голосу, Миссионер так сильно сжал руки, что даже вспотели ладони. Он был очень самолюбив, и насмешка японца была бы ему крайне неприятна.

– Вы смеетесь надо мной? Я вам не верю.

– Хм, почему же?

– Когда-нибудь по приказу найфу и во владениях Его светлости запретят христианство.

Сердитый голос Миссионера рассмешил господина Сираиси и сановников.

– Нет, этого никогда не случится. Уж во всяком случае, во владениях Его светлости найфу никогда не запретит христианство. Такова точка зрения и найфу, и Его светлости.

– Вы хотите сказать, что во владениях Его светлости христианство не будет запрещено и разрешат новым падре прибыть сюда? Но за это Новая Испания должна согласиться на торговлю с Японией?

Испытывая еще большее раздражение, Миссионер выпрямился. Раздражение вызвали не японцы, а собственная доверчивость. Он досадовал на себя за то, что поддался сладким речам господина Сираиси.

– Неужели Новая Испания не заинтересована в торговых отношениях с нами?

– Не знаю. – Миссионеру хотелось, чтобы в глазах сановников появилась тревога, хотелось вызвать у них растерянность. – Видимо, ничего не удастся сделать, – покачал он головой. – Миссионер, наблюдая за тем, что испытывают сейчас сановники, сидевшие рядом, точно статуи будд в полутемном храме, радовался их тревоге. – Сведения о казнях христиан в Эдо благодаря иезуитам уже достигли через Лусон и Макао даже Новой Испании. Хотя вы и говорите, что во владениях Его светлости христианство разрешено, там этому так легко не поверят.

Миссионер не упустил случая очернить иезуитов. Он нащупал больное место японцев, и они снова умолкли. Раньше их молчание было уловкой, а теперь, подумал Миссионер, свидетельствовало о растерянности.

– Еще вот что. – Он как бы давал надежду сопернику, которому только что нанес удар. – Для того чтобы Испания, являющаяся метрополией, признала такое торговое соглашение, существует лишь один способ: нужно, чтобы Его святейшество Папа принудил к этому испанского короля... Лицо господина Сираиси неожиданно застыло. Для этих сановников, родившихся и выросших в Тохоку, слова Миссионера были выше их понимания. Находясь вдали от христианского мира, они ничего не знали ни о существовании Папы Римского, ни о его неограниченном авторитете. Миссионер должен был объяснить, что отношения между Папой и европейскими монархами напоминают и даже превосходят те, которые существуют между Сыном Неба, императором Японии, и феодальными князьями.

– Однако Папа почитается гораздо больше, чем император в Японии, – сказал он.

Слушая объяснения Миссионера, господин Сираиси и сановники, постукивая пальцами, молчали, прикрыв глаза. Падавший мягкий снег еще больше усугублял тишину, воцарившуюся в зале; сановники, покашливая, ждали решения господина Сираиси.

Миссионер явственно ощущал их растерянность. Эти люди, которые только что пытались провести его, сами теперь пребывали в полной растерянности. Пользуясь этим, он выложил свою козырную карту.

– Наш орден... – самоуверенно начал он, – пользуется сейчас особым доверием Папы.

– Что же из этого следует?

– Из этого следует: через францисканцев можно передать Папе послание Его светлости. В нем должно быть сказано, что только во владениях Его светлости к христианам относятся доброжелательно, а также разрешают прибытие новых падре, строительство церквей...

Миссионер хотел уже было сказать: «Обратитесь с просьбой, чтобы меня назначили епископом», но вовремя прикусил язык.

На мгновение он, как всегда, устыдился своего честолюбия, но сразу подумал: «Я стремлюсь к этому не из тщеславия и эгоизма. Я хочу стать епископом ради того, чтобы сохранить в этой стране христианство. Только я способен победить коварных японцев».

Глава II

Двадцатый день третьей луны.

Погода скверная. Дождь. Проверяли оружие. Засыпали в бочки порох.

Двадцать первый день третьей луны.

Дождь. Начато строительство трех флигелей.

Двадцать второй день третьей луны.

Погода скверная. Прибыли господин Сираиси, господин Фудзита и господин Харада Саба-носкэ. Беседовали о необходимости отправки корабля в страну южных варваров.

Двадцать третий день третьей луны.

Господин Сираиси и господин Фудзита встретились в парадной зале с южным варваром Веласко. Это высокий, краснолицый, длинноносый человек лет сорока. Рот вытирает куском белой тряпки.

Двадцать пятый день третьей луны.

Погода хорошая. Утром – баня. Затем беседа. Присутствовали господин Сираиси и господин Исида.

Двадцать шестой день третьей луны.

Погода хорошая. Господин Исида изволил отбыть.

(Из замкового дневника посещений)

Неожиданно пришло известие, что приглашенный на беседу в замок господин Исида на обратном пути заедет в Ято. Крестьяне взялись за работу: посыпали песком наледь, заваливали землей топкие места, расчищали подъезды к усадьбе Самурая. Его жена Рику, командуя работницами, переворачивала дом вверх дном, приводя комнаты в порядок.

На следующий день погода, к счастью, улучшилась, небо прояснилось, и Самурай с дядей направились к въезду в Ято, чтобы встретить господина Исиду со свитой. С тех пор как Самурай стал хозяином Ято, господин Исида, возвращаясь из замка, еще ни разу не заезжал в его поместье. Поэтому Самурай пребывал в крайнем волнении, полагая, что случилось нечто весьма серьезное, и лишь дядя, памятуя слова господина Сираиси, которых удостоился в Огацу его племянник, был весел и оживлен, что огорчало и раздражало Самурая.

Господин Исида бодро поздоровался с дядей и Самураем и, вслед за встречавшими, въехал в усадьбу, но в отведенную ему комнату не прошел, а устроился у очага.

– Лучшее угощение – это тепло, – пошутил он, желая, видимо, разрядить обстановку.

Поев вареного риса в кипятке, поданного Рику, господин Исида стал любезно расспрашивать о делах и, с удовольствием потягивая горячий отвар, в котором плавали рисинки, сказал неожиданно:

– Я привез вам сегодня хорошее известие. – Но, заметив, как загорелись глаза дяди, продолжил, уже обращаясь непосредственно к нему: – Нет-нет, не известие о войне. Не нужно мечтать о сражениях. Выбросите из головы мысль, что только война позволит вам вернуть земли в Курокаве. – Переведя взгляд на Самурая, он закончил, подчеркивая каждое слово: – Можно иначе послужить Его светлости. Появилась блестящая возможность отличиться – больше, чем на войне. Тебе должно быть известно, что в Огацу строится огромный корабль. На нем поплывут в далекую страну, именуемую Новая Испания, южные варвары, выброшенные на берег в Кисю. Вчера в замке господин Сираиси неожиданно назвал твое имя: тебе приказано отправиться в эту Новую Испанию в качестве посланника Его светлости.

Самурай никак не мог понять, о чем говорит господин Исида, и растерянно смотрел ему в

лицо. Дыхание у него перехватило, он был не в силах вымолвить ни слова. Колени дяди подрагивали. Эта дрожь передалась и Самураю.

– Ясно? Побываешь в стране, именуемой Новая Испания.

Господин Исида повторил название «Новая Испания», которое Самураю ни разу в жизни не приходилось слышать. Словно в мозгу толстой кистью кто-то выводил слова: «НО-ВА-Я ИС-ПА-НИ-Я».

– Господин Сираиси, как мне известно, недавно в Огацу разговаривал с тобой. На заседании Совета старейшин он дал понять, что, вполне возможно, твою просьбу удовлетворят. Короче, если ты покажешь себя с самой лучшей стороны и выполнишь возложенную на тебя миссию, то по возвращении это поможет тебе вернуть земли в Курокаве.

Дядя дрожал всем телом. Было видно, как трясутся у него колени. Самурай оперся руками о колени и опустил голову. Наконец колени дяди перестали дрожать.

– Все это может показаться тебе сном, – с улыбкой сказал господин Исида, однако улыбка тут же исчезла с его лица. – Но проспать, упустить такую возможность нельзя, – добавил он решительно.

Голос господина Исиды доносился до Самурая точно из далекого, неведомого мира. Запомнил он лишь то, что кроме тридцати с лишним человек команды южных варваров на корабле поплывут четверо японских посланников, их слуги, пятнадцать японских матросов и более ста купцов. Корабль будет намного крупнее самой большой китайской джонки и сможет в течение двух месяцев доплыть до Новой Испании. В качестве переводчика японцев будет сопровождать падре – южный варвар, он будет повсюду сопровождать японскую миссию и окажет ей необходимую помощь. Новая Испания – владение Испании; замысел Его светлости, поддержанный самим найфу, состоит в том, чтобы завязать торговые отношения с этой страной и основать в Сиогаме и Кэсэнуме порты, не уступающие Сакаи и Нагасаки.

Самурай не знал, понял ли его престарелый дядя хоть что-нибудь из разговора. Ему самому все, о чем рассказал господин Исида, казалось дурным сном. Он жил в крохотной долине Ято и хотел умереть здесь; Самурай никогда не думал, что ему придется плыть на огромном корабле в страну южных варваров. Он не мог поверить в реальность происходящего.

Наконец господин Исида попрощался и, сев на коня, ускакал. Свита поспешила за ним. Самурай с дядей, провожая гостей до выезда из Ято, молча следовали за ними. После того как всадники скрылись из виду, они, не проронив ни слова, вернулись в усадьбу. Перепуганная Рику, которая из кухни слышала весь разговор, куда-то скрылась. Казалось, что у очага все еще сидит господин Исида. Тут же расположился, скрестив ноги, дядя и долго молчал, потом издал тяжелый вздох, похожий на стон.

– Что же это такое, ничего не понимаю... – пробормотал он.

Самурай и сам ничего не понимал. Для такой важной миссии в замке было достаточно вассалов Его светлости более высокого ранга – его домочадцы, ближайшие родственники... Он никак не мог взять в толк, почему выбор пал на него, самурая такого низкого звания.

«Неужели по рекомендации господина Сираиси?»

Если это так, то скорее всего потому, что господин Сираиси помнит и ценит заслуги его отца в сражениях при Корияме и Куботе. Самурай опять вспомнил своего отца.

Из кухни выглянула бледная Рику и, подойдя к очагу, посмотрела на дядю и Самурая.

– В далекую страну южных варваров – вот куда направляется Року, – сказал дядя, обращаясь не к Рику, а скорее к самому себе. – Большая честь, очень большая честь. – Потом, пытаясь заглушить беспокойство, пробормотал: – Если он хорошо послужит, могут вернуть земли в Курокаве... Сам господин Исида это сказал.

Рику вскочила и убежала на кухню; Самурай понял, что она с трудом сдерживает слезы.

Еще было темно, когда Самурай открыл глаза. Тихо посапывали во сне младший сын Гондзиро и Рику. Перед его глазами еще плыл сон, который он только что видел. Ему снилось, как в морозный зимний день он охотится на зайцев. Над снежной равниной волнами прокатывается разрывающий холодный воздух грохот ружейных выстрелов Ёдзо. Стаи птиц носятся в голубом небе. Их крылья ярко белеют в небесной синеве. С приходом зимы Самурай всегда видит в небе Ято этих белых птиц, но не знает, из какой страны прилетают они сюда. Знает лишь, что из каких-то далеких земель, из каких-то далеких стран. Может быть, даже из Новой Испании, куда ему пред-

стоит отправиться.

Но почему выбрали именно его? Этот вопрос вертелся в его голове, пока он лежал во тьме. Его род был незнатным и, хотя служил еще отцу Его светлости, особых заслуг не имел. Поэтому было совершенно непонятно, почему выбор пал на него, Самурая. Дядя глуп: он считает, что благодаря рекомендации господина Сираиси, но уж кто-кто, а господин Исида должен был знать, годен ли Самурай, не обладающий ни особыми талантами, ни особым красноречием, для выполнения столь ответственного поручения.

«Единственный мой талант, – думал Самурай, – безропотно, как и мои крестьяне, сносить все невзгоды, что обрушиваются на меня. Видимо, это и было оценено господином Исидой».

Сын заворочался во сне. Самурай с ужасом представил, как покинет свою семью и Ято. Эта долина была для него тем же, что раковина для улитки. И вот теперь его силой вырывают из этой раковины. Может статься... может статься, он погибнет в пути и уже никогда не вернется сюда. Его вдруг охватил страх: он больше не увидит детей и жену.

В бухте, в которой отражались вершины гор, тихо колыхались на волнах плоты. Слышалось ржание лошадей. Множество бревен громоздилось и на берегу. Это были дзельквы, спиленные в окружавших бухту горах Кэндзё, и криптомерии, которые привозили сюда на лодках с полуострова Одзика. Дзельквы предназначались для киля строящегося корабля, кипарисовик, доставлявшийся из Эсаси и Кэсэнумы, шел на мачты.

Беспрерывно слышался стук молотков, звон пил; мимо Миссионера со скрипом проезжали запряженные волами повозки, груженные бочками с лаком для покрытия корпуса корабля.

Плотники, точно муравьи, облепившие остов корабля, напоминающего скелет какого-то мифического животного, работали не покладая рук.

Миссионер только что переводил нескончаемый спор между испанской командой и японскими матросами. Испанцы, ни во что не ставя японских матросов, с ходу отвергали любое их предложение. Японцы настаивали на том, что для спуска корабля на воду нужен наклонный скат, по которому можно будет столкнуть его в море. Миссионер прекрасно владел японским, но не знал многих специальных терминов, употреблявшихся в этом споре.

Наконец спорщики пришли к согласию, и Миссионер, совершенно обессиленный, удалился. Было около полудня, все, кроме него, могли спокойно погреться и отдохнуть на солнышке, а он должен был обойти всю верфь.

Там трудилось больше десятка христиан, которых использовали для черных работ. Во время дневного перерыва он служил для них мессу, причащал, исповедовал. Все без исключения верующие были из Эдо, где запретили христианство; после того как там началось преследование христиан, они бежали на северо-запад, во владения князя, нанимаясь на золотые прииски. Они, точно муравьи, издали чующие запах сладкого, стали стекаться в Огацу, прослышав, что туда прибыл Миссионер.

Небо было ясное, но ветер холодный. В Эдо, наверное, уже зазеленела ива, а здесь дальние горы еще кое-где покрыты снегом и леса совсем безжизненные. Весна еще не наступила.

Остановившись около одного из верующих, Миссионер спокойно ждал, пока тот закончит работу. Наконец засыпанный опилками мужчина – в лохмотьях, лоб его был повязан скрученным куском ткани, чтобы пот не заливал лицо, – подошел к нему.

– Падре, – окликнул он Миссионера.

«Да, теперь я не просто переводчик, а пастырь этих несчастных верующих», – подумал Миссионер.

– Падре, я бы хотел исповедаться.

Груда бревен и досок заслоняла их от ветра. Мужчина встал на колени, Миссионер прочел на латыни исповедальную молитву и, прикрыв глаза, стал слушать.

– Я грешен. Язычники насмеяются над христианской верой, но я не спорю с ними и позволяю издеваться над Дэусом, потому что не хочу, чтобы товарищи отвернулись от меня.

– Ты откуда приехал?

– Из Эдо, – робко ответил мужчина. – В Эдо христианство уже запрещено.

Миссионер стал говорить, что каждый христианин должен являть собой свидетельство существования Всевышнего. Однако мужчина, слушая его, с грустью смотрел на море.

– Успокойся, – сказал Миссионер, положив руку ему на плечо. – Скоро настанет день, когда

никто не будет смеяться над твоей верой.

Отпустив грехи, Миссионер вышел из-за груды бревен. Мужчина, поблагодарив его и неуверенно потоптавшись, ушел. Миссионер знал, что тот снова впадет в такой же грех. Мастеровые с подозрением относились к христианам, которым пришлось искать здесь убежища. Давно ушли в прошлое те времена, когда даже самураи и торговцы спешили принять крещение. Во всем случившемся повинны иезуиты! Если бы они проявили сдержанность и мудрость и не восстановили против себя власти, то золотое время продолжалось бы и поныне... «Будь я епископом...»

Сев на валун, с которого открывался вид на бухту, Миссионер снова предался мечтам.

«Будь я епископом, никогда бы не поссорился с властями Японии, как это сделали иезуиты. Я сделал бы так, чтобы христианская вера приносила им выгоды, за что получил бы свободу распространять веру. Миссионерская деятельность в этой стране не так проста, как в Гоа или Маниле. Она требует изобретательности и дипломатичности. Я использую любые средства, которые позволяют укрепить мужество в бедных верующих».

Он вспомнил своих знаменитых предков. Он мог гордиться, что в его жилах течет кровь таких людей.

«С этими коварными японцами...»

Чтобы распространять веру в Японии, нужно было прибегать к хитростям. Над бухтой, забитой плотами и бревнами, с громкими криками носились морские птицы, то взмывая ввысь, то едва не касаясь воды. Миссионер мысленно представил себя в пурпурной епископской мантии, но мечта его оплодотворялась не обычным честолюбием, а долгом – нести Слово Божье.

«Господи, – молился он, прикрывая глаза от соленых брызг прибоя, – если я могу послужить Тебе...»

Хибара, которую чиновники отвели Миссионеру здесь, в Огацу, стояла у самой бухты, в значительном отдалении от лагун плотников и подсобных рабочих. В ней была одна-единственная крохотная комната, в которой он и спал, и молился.

В ту ночь море шумело сильнее, чем обычно. Миссионер только что слушал его рокот, когда возвращался в хибару по темному побережью, зажав в руке письмо от отца Диего из Эдо. Он высек огонь и зажег свечу; колеблющееся пламя, со струившейся к потолку ниточкой черного дыма, запечатлело на бревнах его огромную тень. В тусклом свете он распечатал письмо, и перед его глазами всплыло плаксивое лицо глуповатого Диего.

«Прошел уже целый месяц, как вы покинули Эдо. Положение здесь не ухудшилось, но и не улучшилось. – Почерк у Диего был совсем детский, какими-то корявыми, мелкими буквами он заполнял весь лист бумаги. – По-прежнему христианство запрещено, и нас здесь терпят только потому, что правителю известно, что, кроме нас, никто не возьмет на себя заботу о прокаженных. Но рано или поздно нас тоже изгонят отсюда, и мы вынуждены будем бежать на северо-запад.

К сожалению, я не могу сообщить вам ничего отрадного. Иезуиты из Нагасаки снова отправили осуждающие вас письма в Манилу и Макао. По их словам, вы, прекрасно зная о гонениях на христиан в Японии, предпринимаете шаги, направленные на то, чтобы побудить Его святейшество Папу способствовать установлению торговых связей между Японией и Новой Испанией. Они утверждают, что ваши действия чрезвычайно опасны для распространения христианства в Японии, и если они будут продолжаться, из Манилы и Макао в Японию по-прежнему будут направляться ничего не ведающие об этой стране молодые миссионеры, что, несомненно, вызовет гнев найфу и сёгуна. Иезуиты уже не раз посылали донесения в Макао, в которых содержались обвинения в ваш адрес. Очень прошу вас, действуйте осмотрительно, учитывая все это...»

Пламя свечи искажало черты Миссионера. Ему удавалось справляться с овладевавшим им порой искушением совершить плотский грех, но побороть буйный нрав он был не в силах. Болезненное самолюбие – их семейная черта – приносило ему временами немало страданий. Его лицо покраснело от гнева.

«То, что иезуиты испытывают ко мне зависть, вполне понятно: найфу и сёгун держат их на почтительном расстоянии, им не удалось добиться благосклонности японских правителей – вот в чем все дело».

Веруя в того же Бога, служа той же Церкви, они – потому только, что принадлежат к другому ордену, – питают к нему отвратительную зависть, клеветают на него – этого он не мог им простить. Вместо того чтобы вступить с францисканцами в открытый бой, достойный мужчин, иезуи-

ты лгут, интригуют, как евнухи при дворе китайского императора.

Шум моря, словно распалая его гнев, становился все громче. Миссионер поднес свечу к письму Диего. Язык пламени лизнул бумагу, исписанную детскими каракулями, она побурела и с треском, точно трепетали крылышки тысяч мотыльков, вспыхнула и сгорела. Письмо, вызвавшее гнев Миссионера, исчезло без следа, но сердце его не обрело покоя. Сложив ладони, он опустил на колени и стал молиться.

«Господи, – шептал он. – Господи, Ты же знаешь, кто Тебе верный слуга в этой стране, они или я. Обрати меня в камень – для этих бедных японских верующих. Как Ты назвал камнем одного из своих учеников».

Миссионер и не заметил, что то была не молитва, а поношение недругов, нанесших удар по его самолюбию.

– Падре.

Из темноты послышался голос, и он открыл глаза: в дверном проеме тенью вырисовывался человек. Миссионер помнил лохмотья, которые были на нем. Это был тот самый человек, которого он исповедовал днем за грудой бревен. Мужчина смотрел на Миссионера с той же грустью, как и в тот раз.

– Входи.

Страхнув с колен пепел сгоревшего письма, Миссионер встал. Грустное лицо мужчины чем-то напоминало лицо Диего с красными, словно опухшими от слез глазами. Не переступая через порог, человек стал заунывным голосом умолять, чтобы Миссионер взял его с собой в плавание, он готов на какую угодно работу. Его изгнали из Эдо, и он пришел сюда, но только из-за того, что он христианин, все сторонятся, ругают его, и если он останется здесь, новой работы ему ни за что не найти.

– Мы, христиане, только об этом и мечтаем, – скулил он.

Миссионер покачал головой:

– Нет, вы не должны уплывать отсюда. Если вы покинете эту страну, кто же будет опорой для священников, которые вскоре приедут сюда? Кто возьмет на себя заботу о них?

– Падре еще долго не смогут приехать...

– Нет, очень скоро во владения Его светлости из Новой Испании приедет много священников. Вы об этом еще ничего не знаете, но Его светлость обязательно это сделает.

«Пройдет немного времени, я вернусь в эту страну, и вместе со мной будет много священников – ради пришедшего ко мне человека, ради себя самого я обязан свершить это, – прошептал Миссионер. – И тогда меня сделают епископом. Главой всех миссий в Японии».

Поглаживая рукой дверную раму, мужчина слушал Миссионера с еще более грустным лицом, чем прежде. Свеча совсем оплыла, и взметнувшееся высоко пламя осветило спину уходившего.

– Прощай. Расскажи о том, что я говорил, всем своим товарищам. Скоро вашим мучениям придет конец. Я обещаю это.

Плечи и спина мужчины, как и днем, были усыпаны опилками.

Крестьяне, собравшиеся в передней, ждали появления Самурая. Это были выборные трех деревень долины Ято. Они сидели на корточках, временами кашляя и шмыгая носом.

Когда из глубины дома в сопровождении Ёдзо вышли дядя и Самурай, кашель и шмыганье сразу же прекратились.

Самурай устроился на возвышении у очага и внимательно оглядел крестьян. На их лицах оставили свой след годы, снежные вьюги, голод, непосильный труд. Лица, привыкшие к терпению и покорности... Из этих крестьян ему предстояло выбрать слуг – они должны отправиться с ним за море, в Новую Испанию, которая им даже во сне не снилась. Согласно приказу из замка, каждый член миссии мог взять с собой не более четырех человек.

– Мы хотим сообщить вам хорошую весть, – самодовольно заявил дядя, не дав Самураю раскрыть рта. – Я думаю, вы уже слышали об огромном корабле в Огацу. По приказу Его светлости он отправляется в далекую страну южных варваров. – Дядя с гордостью посмотрел на племянника. – На этом корабле поплывет Рокуэммон. В качестве посланника Его светлости.

Однако крестьяне продолжали тупо смотреть на Самурая и дядю, не выказывая ни волнения, ни восхищения. Они были похожи на старых, ко всему привычных собак, безучастно наблюдав-

ших за движениями хозяина.

– Что же касается тех, кто будет сопровождать Рокуэмона... – дядя кивнул на Ёдзо, которому в отличие от крестьян разрешали сидеть не в передней, а в углу комнаты, у очага, – с Ёдзо мы уже говорили. Об остальных трех мы решили так: по одному из каждой деревни.

Лица сидевших на корточках крестьян застыли, точно у мертвецов. Так бывало и прежде. Каждый год, когда нужно было выделять людей на государственные работы по приказу Его светлости, собиравшиеся здесь крестьяне застывали на мгновение, после того как Самурай произносил их имена.

– Путешествие долгое, поэтому особенно трудно будет тем, у кого здесь останутся жены и дети. Об этом тоже подумайте как следует, когда будете выбирать, кому ехать.

Самурай, сидевший рядом с дядей, думал о том, сколько горя придется хлебнуть этим крестьянам. Они, как и он сам, прочно приросли к Ято, словно моллюск к раковине. Им придется вытерпеть и это, как выстаивают в снежную бурю, согнувшись и низко опустив голову.

Крестьяне, прижавшись друг к другу, точно перепелки в садке, совещались тихими голосами. Их едва слышная беседа длилась бесконечно долго, а Самурай и дядя все это время молча наблюдали за ними. Наконец от трех деревень Ято были назначены Сэйхати, Итискэ и Дайскэ, не имевшие ни жен, ни детей.

– Пока Рокуэмон не вернется, мы будем заботиться об их родных.

Остальные вздохнули с облегчением. Снова кашляя и шмыгая носом, они поклонились и покинули переднюю. Но запах земли и пота остался.

– Не робей! – Дядя с притворной бодростью похлопал Самурая по плечу. – Нелегко приказывать такое. Но ведь это же все равно что сражение. От тебя зависит, вернут нам земли в Курокаве или нет. Рику тоже придется трудно – готовить тебя в дорогу, уложить вещи. Когда Его светлость соберет посланников?

– Через десять дней. Он даст нам все необходимые указания.

– Прошу тебя, Року, береги себя во время путешествия.

Самурай сидел потупившись, но ему было горько. Все мысли дяди сосредоточены на потерянных землях. Смысл жизни для него – вернуть их. Однако и сам Самурай, и крестьяне, которые только что ушли, не хотели перебираться на новое место. Они желали одного – остаться жить в Ято и умереть здесь.

– Пойду взгляну, как там лошади.

Сделав знак Ёдзо, Самурай спустился в прихожую и вышел наружу. Лошади в конюшне, почуяв хозяина, забили копытами и заржали. Нюхая запах прелой соломы, он оперся спиной о жердь и повернулся к слуге.

– Благодарю тебя, – мягко сказал он. – Значит, едешь со мной?

Кроша соломинку, Ёдзо кивнул. Он был на три года старше Самурая, и в его волосах уже пробивалась седина. Глядя на него, Самурай неожиданно вспомнил свое детство, когда Ёдзо учил его ездить верхом, ставить силки на зайцев. Он научил его стрелять, плавать. Ёдзо, широкоскулый, с глубоко посаженными глазами, был ему верным товарищем с детских лет, когда они вместе косили, заготавливали на зиму дрова, он обучил Самурая всему, что могло пригодиться в жизни.

– Не понимаю, почему меня выбрали посланником? – пробормотал Самурай, поглаживая морду лошади. Он обращался не столько к Ёдзо, сколько к самому себе. – Какие опасности поджидают нас в этом путешествии? Что это за страна?.. Если ты поедешь со мной, я буду чувствовать себя уверенней.

Словно устыдившись своей минутной слабости, Самурай усмехнулся. Сдерживая переполнявшие его чувства, Ёдзо отвел взгляд и, войдя в денник, стал молча сгребать в угол грязную подстилку, стелить свежую солому – работая, он словно старался побороть страх и тревогу, не зная, что ждет его в предстоящем путешествии.

Через десять дней Самурай и Ёдзо верхом отправились в замок Его светлости. Господин Си-раиси должен был передать указания каждому из членов миссии. Дорога от Ято до замка занимала полтора дня; миновав несколько деревушек, таких же бедных, как и в Ято, они выехали на широкую равнину. Здесь уже чувствовалась весна: пригревало солнце, в рощах кое-где виднелись белые цветы магнолий, на еще не вспаханных полях играли детишки – собирали цветы и плели из них гирлянды. Самурай впервые отчетливо осознал, что он уезжает в далекую, неведомую страну.

На холме, за которым заканчивалась равнина, темным утесом, точно военный корабль, врезался в небо замок Его светлости. Раскинувшийся у подножия холма призматический город окутывала легкая дымка. Подъехав к городским воротам, они увидели рынок, где торговцы, прямо на земле разложив свои товары, начиная от сковород и котлов и кончая маслом, солью, бумажными тканями, посудой и другой утварью, громкими криками зазывали покупателей. Самурай и Ёдзо, привыкшие к тихой жизни в Ято, были оглушены этим столпотворением и шумом. Переправившись через реку, над которой летали белые цапли, по крутой дороге поднявшись к замку, они оказались у массивных железных ворот, охраняемых стражниками с пиками. Им пришлось спешиться.

Низкий ранг не давал Самураю права войти в главную башню замка без специального разрешения. Подойдя к указанному ему строению на территории замка, он увидел во внутреннем дворе уже прибывших туда остальных посланников. На скамеечках сидели трое: Тюсаку Мацуки, Тародзаэмон Танака и Кюскэ Ниси, имевшие тот же ранг, что и Самурай. Они поклонились друг другу, не скрывая беспокойства и напряжения.

Во дворе стояло еще шесть скамеек. Вскоре раздалась шага, и служители привели трех южных варваров в странных одеяниях. Длинноносые, похожие на воронов, они уселись напротив посланников. И тут вошел господин Сираиси в сопровождении двух высших сановников.

Прежде чем сесть, господин Сираиси удовлетворенно посмотрел на почтительно склонившегося Самурая и приветливо кивнул ему. Потом торжественно представил южных варваров. Это были старшие офицеры испанского судна, два года назад выброшенного на берег у Кисю. Одного из южных варваров, сидевшего с краю, Самурай помнил. Это был переводчик, который в Огацу сопровождал господина Сираиси и разговаривал с японцами.

– Вы не должны посрамить Его светлость. Вам надлежит взять с собой пики, знамена и даже одежду для сопровождающих вас слуг, чтобы не стать посмешищем в Новой Испании. – Господин Сираиси бросил взгляд на переводчика. – Во всем следуйте указаниям господина Веласко.

Южный варвар, которого назвали Веласко, с чуть заметной самодовольной улыбкой взглянул на Самурая и его товарищей. Улыбка словно бы говорила, что без него японские посланники ничего не добьются в Новой Испании.

Посланникам и сопровождающим их слугам было приказано на третий день пятой луны собраться в Цукиноуре. В эту бухту приведут корабль, а уж оттуда он выйдет в море.

После того как каждый из посланников получил приказ, в комнате для гостей было подано сакэ. Господин Сираиси, покидая двор, окликнул Самурая и сделал ему знак задержаться.

– Рокуэмон, впереди немалые трудности, но ты должен выполнить свой долг. Это мы с господином Исидой рекомендовали тебя. Не забывай и о землях в Курокаве. Если ты успешно выполнишь возложенную на тебя миссию, то Совет старейшин, возможно, вернется к этому вопросу. Но пока не говори об этом дяде.

Самурай почтительно слушал господина Сираиси. Он был от всей души благодарен ему за теплое участие.

– В стране южных варваров, – господин Сираиси говорил совсем уж странные вещи, – живут иначе, чем в Японии. Чтобы выполнить миссию, ты не должен упорно следовать японским обычаям. Если то, что в Японии считается белым, у южных варваров считается черным, принимай за черное. Если в глубине души ты не согласен, обязан делать вид, что согласен.

В тот день Самурай повел Ёдзо по городу. У самого замка выстроились богатые дома высших сановников, дома торговцев были сосредоточены на Большой, Южной, Рыбной, Глухой улицах; множество храмов было разбросано по всему городу. Ёдзо, сложив ладони, кланялся перед каждым храмом. Самурай прекрасно понимал, что он испытывает при этом.

Детям он купил игрушечных лошадок, жене – гребень. Когда он покупал ей подарок, перед глазами вдруг возникло лицо жены, и неожиданно для себя Самураю стало стыдно перед Ёдзо, он даже покраснел.

День ото дня на душе Самурая становилось всё тяжелее. Его неотступно терзала мысль о долгом морском путешествии, о том, что ему придется отправиться в неведомую страну южных варваров. Для него, как для всех жителей здешних мест, было невыносимо жить вдаль от Ято. Но всякий раз, когда становилось совсем невмоготу, он вспоминал слова господина Сираиси и к нему снова возвращалась бодрость духа.

Наступала весна – это ощущалось во всем. Побеги хвоща уже пиками торчали из земли, кое-

где виднелись стебли подбела. Все в этой долине, еще с детских лет ставшей неотъемлемой частью его жизни, он будет с нежностью вспоминать на корабле, думал Самурай. Этот пейзаж он долго не сможет увидеть. Те же печальные мысли посещали его и по вечерам, когда, сидя у очага, он смотрел на жену и детей. Держа на коленях младшего сына, Гондзиро, он говорил ему:

– Отец уезжает в далекую страну. – Хотя малыш ничего не мог понять. – Отец уезжает в далекую, далекую страну и привезет подарки Кандзабуро и Гондзиро.

Он рассказывал Гондзиро сказку, которую когда-то слышал от матери.

– Давным-давно, – покачивая сына на коленях, он словно рассказывал сказку самому себе, – когда наступила весна и стаял снег, лягушка из нашей деревни и лягушка из соседней деревни решили взобраться на вершину холма. – Гондзиро начал клевать носом, но Самурай продолжал: – Давным-давно лягушка решила отправиться в путешествие и, усевшись на лошадь, за спиной барышника, отправилась в путь...

Огромная комната, которая называлась Соколиным залом, была темной и холодной. Единственное, что привлекало внимание, – четырехстворчатые фусума, на которых был изображен сокол с пронзительным взглядом. Раньше Миссионеру тоже случалось бывать в таких же мрачных холодных залах в эдоском замке и дворцах богатых вельмож, и каждый раз у него возникало чувство, что в этой тьме, подобно теням, витают тайные мысли японцев.

– С нижайшим поклоном обращаемся к великому Владыке мира, Его святейшеству Папе Павлу V.

Старик писец зачитывал послание князя. В отличие от высших сановников, которые, как и в прошлый раз, сидели на возвышении справа и слева от господина Сираиси, голова у него была выбрита и одет он был во все черное, как буддийский священник.

– Веласко, брат ордена святого Франциска, прибыл в нашу страну, чтобы проповедовать христианство. Посетив наши владения, он посвятил нас в таинства христианской веры, и мы, впервые познав смысл этого учения, решили без колебаний следовать ему.

То и дело спотыкаясь, писец продолжал читать послание князя:

– Питая уважение и любовь к братьям ордена святого Франциска, мы полны желания строить храмы, отдавать все силы тому, чтобы укреплять добродетель. Мы с радостью сделаем в нашей стране все, что Ваше святейшество посчитает необходимым для распространения веры Христовой. Мы с радостью предоставим средства и земли для строительства храмов.

Слушая сиплый голос писца, Миссионер посматривал на господина Сираиси и сановников, но по их каменным лицам невозможно было определить, о чем они думают.

– Новая Испания находится далеко от нашей страны, но мы тем не менее испытываем горячее желание установить с ней отношения и весьма надеемся, что Ваше святейшество поможет нам в осуществлении этих намерений.

Писец медленно положил свиток на колени и поднял голову, как обвиняемый в ожидании приговора. Господин Сираиси, приложив руку ко рту, несколько раз кашлянул.

– У вас нет возражений, господин Веласко?

– Все хорошо. Хотелось бы только обратить ваше внимание на два момента. Прежде всего, когда обращаются с приветствием к Папе, принято добавлять традиционную фразу. Она звучит так: «Мы смиренно припадаем к стопам Вашего святейшества».

– Неужели мы должны писать, что Его светлость целует ноги Папе?

– Так принято.

Миссионер говорил непреклонно, тоном, не допускающим возражений. Сановники возмущенно подняли головы, но господин Сираиси лишь невесело усмехнулся.

– Второе замечание касается того места, где говорится о посылке в ваши владения падре, – продолжал наступать Миссионер, воспользовавшись минутной растерянностью Сираиси. – Здесь нужно специально указать, что речь идет только о священниках, принадлежащих к ордену францисканцев. В противном случае наш орден не сможет передать Папе ваше послание.

Миссионер хотел сказать, что следует изгнать из Японии иезуитов и отдать распространение веры в этой стране в полное распоряжение францисканцев, но он понимал, что чрезмерная откровенность неуместна.

– Это очень важно.

– Мы сделаем такое добавление, – согласился господин Сираиси. Для него, так же как и для

остальных японцев, и иезуиты, и францисканцы были одинаковыми христианскими падре, и его нисколько не интересовало различие между ними. – Вы уверены, что это послание дойдет до Папы? – спросил он едва ли не заискивающе.

Действительно, без Миссионера ни один из его сановников не смог бы ничего сделать для достижения цели. После того как огромный корабль прибудет в Новую Испанию, посланники, не знающие языка и обычаев этой чужой страны, окажутся беспомощными как дети. И лишь Веласко может помочь им.

– Уверен. Если будет необходимо, я сам отправлюсь в Рим и вручу послание Папе.

– Вы поедете один?

– Нет, возьму с собой кого-нибудь из посланников.

– Поедете туда из Новой Испании?

– Да. Так будет надежнее.

Миссионер уже давно решил: чем отправлять послание через посредников, разумнее самому в сопровождении японцев прибыть к Папе. Сейчас, высказав наконец заветную мысль, он еще больше укрепился в своем намерении. Он возьмет с собой японца и отправится в Рим. Римляне будут глазеть на людей из далекой страны, и высшее духовенство воочию убедится, каких успехов он добился в Японии. Ради того, чтобы стать епископом...

– Ну что ж. – Господин Сираиси, снова приложив руку ко рту, кашлянул. Он, видимо, хотел немного подумать, прежде чем ответить. – В таком случае... вам лучше всего взять с собой Рокуэмона Хасэкуру.

– Господина Хасэкуру?

Миссионер припомнил лицо одного из посланников, с которым он увиделся во внутреннем дворе замка. По-крестьянски широкоскулое, с глубоко посаженными глазами, лицо человека, готового вынести любые испытания. Он почему-то решил, это именно он – Рокуэмон Хасэкура.

Словно стараясь подольститься к Миссионеру, господин Сираиси с похвалой отозвался об огромном корабле, постройка которого близилась к концу, и с улыбкой сказал, что, если бы был помоложе, сам поплыл бы посмотреть на Новую Испанию.

Беседа закончилась. Натянуто улыбаясь, сановники провожали взглядом Миссионера. Когда звук шагов затих, господин Сираиси иронически посмотрел на писца:

– Ну и несет же от этого южного варвара. Сколько лет он живет в Японии?

– Больше десяти, – почтительно ответил писец.

– Больше десяти? Неужели он хочет обвести нас вокруг пальца? – Господин Сираиси поглаживал левую руку, сжатую в кулак.

День отплытия приближался. В Ято царила суэта, как это бывало прежде, когда отец и дядя отправлялись на войну. Поскольку Самурай был главой рода, попрощаться с ним прибыли даже родственники, жившие в дальних деревнях, по очереди приходили помогать и крестьяне. В передней было сложено множество тюков.

В тот день с раннего утра во дворе усадьбы стоял невообразимый гам. На лошадей, приведенных из конюшни, навьючивали поклажу, конюшня и ворота были украшены сосновыми ветками, как на Новый год, в комнатах разложены сушеные каштаны [16]. Когда сборы были закончены, Самурай сел у очага, выпил из фаянсового кувшинчика, который принесла жена Рику, три глотка священного вина, настоящего на листьях мисканта, и передал его дяде. От него кувшинчик перешел к Рику, а от Рику – к старшему сыну Кандзабуро, потом дядя разбил его о земляной пол в прихожей. В доме Самурая было заведено поступать так в день отправки на войну.

Во дворе ржали лошади. Самурай поклонился дяде, потом пристально посмотрел на Рику. Не отрывая от нее взгляда, погладил по голове детей. Ёдзо, закончив приготовления, ждал Самурая во дворе с пикой в руке; Сэйхати, Итискэ и Дайскэ – трое юношей, отобранных деревенскими стариками, – стояли у навьюченных лошадей; за воротами собрались крестьяне, чтобы проводить отъезжающих.

Сев в седло, Самурай снова поклонился дяде. За ним стояла Рику, по лицу которой было видно, какие страдания доставляет ей отъезд мужа. Самурай с улыбкой кивнул Гондзиро, которого

---

¹⁶ Считается, что сушеные каштаны приносят удачу.

держала на руках служанка, и стоявшему рядом Кандзабуро. Он подумал в этот момент, как сильно изменятся дети, когда он вернется домой.

– Береги себя, – крикнул дядя, и Самурай тронул поводья.

Погода была ясная. В Ято уже пришла весна. В рощах зацвели белые цветы, в поле пели жаворонки. Самурай смотрел на этот пейзаж, который он так долго не увидит, стараясь получше его запомнить.

Они выбрали ту же дорогу, по которой Самурай ездил однажды в Огацу. Весть об отплывающем огромном корабле уже распространилась во владениях Его светлости, поэтому на всем пути их встречали люди. Одни предлагали попить горячей воды, другие благодарили за то, что они взяли на себя такую тяжелую миссию. Когда Самурай ехал в прошлый раз по этой дороге, была еще зима, а сейчас повсюду цвели цветы, на полях крестьяне погоняли неторопливых быков. На следующий день вдаль показалось море, освещенное теплыми лучами весеннего солнца, по небу плыли мягкие, похожие на вату, облака.

Наконец Самурай и его попутчики увидели на горизонте огромный корабль. И крик восхищения вырвался у них из груди.

Темный корабль напоминал огромную крепость. Серые паруса на двух высоченных мачтах надуты ветром. Похожий на острое копьё бушприт устремлен в голубую даль, волны взбивают пену у бортов.

В полном молчании они взирали на корабль. Он был гораздо могущественнее и внушительнее любого боевого корабля Его светлости, которые им приходилось до этого видеть. Послезавтра он примет на борт посланников и их попутчиков и станет вершителем судеб этих людей – сейчас Самурай ощутил это с особой остротой. Он теперь ясно осознал, что тихой жизни в Ято пришел конец. И ощутил душевный подъем и волнение, словно и в самом деле отправлялся на войну.

«Вот это да, вот это да... Такой корабль построить!»

Имея низкий ранг мэсидаси, Самурай лишь несколько раз, и то издали, видел Его светлость, обычно пребывавшего в главной башне замка. Он был для него недостижим. Но в тот момент, как Самурай увидел огромный корабль, в его мозгу сразу же всплыли слова: «служить Его светлости». Для него корабль олицетворял князя, олицетворял могущество. Верноподданного Самурая переполняла радость оттого, что он отдает себя в полную власть Его светлости.

В Цикиноуре собралось множество людей, как тогда в Огацу. На окруженном с трех сторон горами крохотном побережье, напоминавшем узкую лошину, грузчики тащили к лодкам тюки, предназначавшиеся для погрузки на корабль, чиновники тростями указывали, что куда нести. Когда Самурай и его попутчики пробрались через толпу, чиновники вежливо поздоровались и поздравили их с прибытием.

У храма, где отвели помещение Самураю, стояли стражники. От них он узнал, что остальные посланники – Тюсаку Мацуки, Тародзаэмон Танака и Кюскэ Ниси – уже прибыли, а испанская команда будет размещена в храме близлежащей деревни. Окна помещения, где поселили посланников, выходили прямо на бухту. Но корабль загораживала гора, и его не было видно. В бухте сновали тяжело груженные лодки, направляясь к мысу, за которым стоял корабль.

– Какой огромный груз, – заметил самый молодой, Кюскэ Ниси. – Ведь на корабле, как я слышал, поплывет больше ста человек купцов, рудокопов и мастеровых.

Самурай и Тародзаэмон Танака недоверчиво слушали восторженные рассказы Кюскэ Ниси о грандиозном предприятии Его светлости. Тюсаку Мацуки стоял в стороне и, скрестив руки, смотрел на бухту. А Ниси торжественно говорил о том, что купцов взяли на корабль, чтобы продавать в той стране разные японские товары и заключать торговые сделки; рудокопов, кузнецов и литейщиков – чтобы обучиться принятым у южных варваров горному и литейному делу. Самурай, разумеется, знал, что во владениях Его светлости есть золотые прииски, богатые залежи руды, но то, что такие люди отправятся с ними на корабле, слышал впервые. Уже лежа в постели, он стал убеждать себя, что его миссия не имеет со всем этим ничего общего – он обязан лишь доставить послания в Новую Испанию и Ватикан. В ту ночь он долго не мог заснуть от шума волн и громкого биения сердца.

Утром в день отплытия на морском ветру хлопало натянутое на берегу бухты полотнище с фамильным гербом Его светлости. Посланники, прежде чем сесть в лодку, которая должна была доставить их на корабль, почтительно попрощались с господином Сираиси и двумя другими саноуками, прибывшими из Сиогамы на военном корабле. Господин Сираиси напутствовал обод-

ряющими словами каждого из посланников, а когда подошел Самурай в сопровождении Ёдзо и трех других слуг, сказал ему, подымаясь со скамьи и держа в руках шкатулку, завернутую в золотую парчу:

– Рокуэмон, здесь послания князя. – И вручил шкатулку Самураю.

Самурай с трепетом принял из его рук шкатулку.

Лодка с посланниками, медленно удаляясь от берега, вдоль перерезающей бухту скалы направлялась в открытое море. Самурай со шкатулкой в руках и четверо его попутчиков, не в силах произнести ни слова, безмолвно смотрели на выстроившихся по обеим сторонам белого полотнища чиновников и стражу. Они думали о том, придет ли их встречать сюда столько же людей, когда они через много лет возвратятся живыми на родину и вновь войдут в эту бухту.

Не успела лодка выйти из бухты, как перед их глазами возник огромный корабль, который они впервые увидели позавчера. Нос корабля, высившегося точно крепостная стена, бушприт, копьем врезающийся в голубое небо, аккуратно свернутые паруса, рей, с которых свисали бесчисленные фалы... Выстроившаяся на палубе испанская команда и японские матросы смотрели вниз, на приближающуюся лодку.

Один за другим посланники поднялись по раскачивающейся веревочной лестнице на борт. Корабль был трехпалубный, по верхней, точно муравьи, сновали японские матросы. На второй был люк, который вел в трюм. Прибывшие спустились в свои каюты. Посланникам была выделена каюта в носовой части корабля. В ней еще пахло свежим лаком. Слугам пришлось пройти в большую каюту, где должны были разместиться и купцы. Это было забитое ящиками помещение с обнаженными потолочными балками.

Посланники, войдя в каюту, некоторое время молчали, прислушиваясь к шуму на палубе. Это, топя, поднимались на борт купцы, которые провели ночь в Одзике. Сквозь небольшое оконце были видны крохотные островки Тасиро и Адзи. Но бухту увидеть не удалось.

– Интересно, отбыли уже сановники? – сказал Ниси, прижимаясь к окошку.

Ниси поднялся на палубу, остальные последовали за ним. Все на корабле было для них в новинку, и они боялись оставаться в одиночестве.

Самурай, пробравшись сквозь толпу купцов, встал рядом со своими слугами и стал смотреть на горы Одзика, с которыми вот-вот должен был расстаться. Их покрывала яркая майская зелень. Может быть, он в последний раз видел этот японский пейзаж. Неожиданно перед его взором стали всплывать холмы и деревни Ято, его собственный дом, конюшня, лицо Рику, и он с болью подумал: интересно, что сейчас делают дети? С верхней палубы донеслись громкие крики. Это испанская команда гортанными голосами пела какую-то песню. Несколько японских матросов поднялись на мачты и по указанию испанской команды распускали огромные паруса, похожие на гигантские флаги. Снасти стонали, крик чаек напоминал кошачье мяуканье. Но вот незаметно для всех огромный корабль развернулся и лег на курс. Под шум бьющих в борт волн Самурай подумал: начинается новая жизнь.

Глава III

Корабль вышел из Цукиноуры, небольшого порта на полуострове Одзика, в пятый день пятого месяца. Галеон, который японцы называют «Муцу-мару», а испанская команда – «Сан-Хуан-Баутиста», качаясь, плывет по холодному Великому океану на северо-восток. Надутые паруса напоминают луки. В утро отплытия я, стоя на палубе, неотрывно смотрел на острова Японии, где прожил целых десять лет.

Десять лет – мне горько об этом говорить, но христианство до сих пор не укоренилось в Японии. Японцы ни умом, ни любопытством не уступают ни одному из европейских народов, но, как только речь заходит о нашем Боге, они закрывают глаза и затыкают уши. Иногда эта страна представляется мне островом несчастий.

Однако я не падаю духом и не теряю надежды, семена Божьего учения в Японии посеяны, просто выращивали их без должного усердия. Орден иезуитов, который долгие годы владел правом распространения вероучения в этой стране, не задумывался о том, что это за почва, не подбирал пригодные для нее удобрения. Я многому научился на ошибках иезуитов и, что очень важно, знаю японцев. Если бы меня сделали еписко-

пом, я бы не повторил их ошибок.

Три дня назад Японские острова скрылись из виду. Однако, как это ни удивительно, за нами следуют неизвестно откуда взявшиеся чайки, они то летят, почти касаясь гребней волн, то садятся на мачты. «Сан-Хуан-Баутиста» плывет к сороковым широтам, но пока мы едва удалились от японского острова Эдзо. Ветер благоприятствует нам, морское течение помогает кораблю плыть.

Как только мы вышли в открытое море, качка усилилась. Она, конечно, не шла ни в какое сравнение с бурями, обрушивавшимися на корабль, даже просто с волнением в Индийском океане, когда тридцать лет назад я плыл на Восток, однако японцы, укрывшиеся в своих каютах, все до одного страдают от морской болезни, на еду даже смотреть, бедные, не могут. Единственное ведомое им море – прибрежные воды.

Даже посланники страдают морской болезнью. Видимо, двое из них – Хасэкура Рокуэмон и Тародзаэмон Танака – вообще никогда еще не плавали на корабле, и, когда я зашел в их каюту, единственное, на что они были способны, – это жалко улыбнуться.

Эти посланники среди вассалов князя – кабальерос среднего ранга, каждый из них владеет небольшими земельными угодьями в горной местности. Князь выбрал для этой миссии не своих высших сановников, а именно этих незнатных самураев, возможно, из-за существующей в Японии традиции не считать посланников важными персонами, но для меня это даже лучше. Нет необходимости обращаться к ним за указаниями, и можно будет действовать по собственному разумению. Провинциал Японии, иезуит Валиньяно однажды, выдав за отпрысков аристократов едва ли не полунцих бродяжек, отправил их в Рим как посланцев Японии – и там никто ничего не заподозрил. Позже многие порицали его за это, я же, скорее, ценю подобную его изворотливость.

Нужно записать имена этих посланников, которые не смогут отойти от меня ни на шаг. Кюсю Ниси, Тародзаэмон Танака, Тюсаку Мацуки, Рокуэмон Хасэкура.

Кроме Кюскэ Ниси, ни один из них после отплытия не сделал даже попытки сблизиться со мной. Наверное, из-за характерной для японцев настороженности по отношению к иностранцам и присущей им застенчивости. Лишь самый молодой – Ниси – проявляет детское любопытство, упиваясь своим первым морским путешествием, расспрашивает меня о том, как построен корабль, как действует компас, говорит, что хочет изучать испанский язык. Самый старший – Тародзаэмон Танака – неодобрительно смотрит на легкомысленное поведение молодого Ниси, этот коренастый, плотный человек твердо решил: что бы ни случилось, с чем бы он ни столкнулся, всегда проявлять рассудительность и вести себя так, чтобы в глазах испанцев достоинству японцев ни в коем случае не был нанесен ущерб.

Тюсаку Мацуки худ и темнолиц. Я разговаривал с ним всего несколько раз, но понял, что из четверых посланников он самый умный. Иногда он выходит на палубу и стоит там один, в задумчивости, – он, по-моему, не считает, что ему оказали великую честь, избрав в качестве посланника, хотя остальные в этом убеждены. Рокуэмон Хасэкура, которого можно принять скорее за крестьянина, чем за самурая, среди посланников самый невидный. Я еще не решил, следует мне отправиться в Рим или нет, но не могу понять, почему господин Сираиси предложил мне именно его в попутчики, если я поеду туда. Хасэкура и внешне вполне зауряден, и не так умен, как Мацуки.

Неподалеку от каюты посланников находится огромное помещение, в котором разместились японские купцы. Их головы забиты лишь торговыми сделками и барышами, они отличаются поразительной алчностью. Не успели они сесть на корабль, как стали допытываться у меня, какие японские товары будут пользоваться спросом в Новой Испании. Когда я назвал шелк, створчатые ширмы, военные доспехи, мечи, они удовлетворенно переглянулись и спросили, смогут ли закупить там дешевле, чем в Китае, шелк-сырец, бархат, слоновую кость.

– Видите ли, в Новой Испании, – ответил я насмешливо, – доверяют лишь христианам. Поэтому стремятся совершать торговые операции преимущественно с верующими.

Купцы пришли в замешательство, но на лицах изобразили улыбки, как это свой-

ственно японцам.

Сегодня такой же монотонный день, как и вчера. Все то же море, все те же облака на горизонте, все тот же скрип мачт. Плавание «Сан-Хуан-Баутисты» проходит благоприятно. Во время утренней мессы я всякий раз думаю: нам чудесно даровано спокойное путешествие потому, что Господь на этот раз решил помочь осуществлению моих планов. Воля Господня неисповедима, но мне кажется, что Он так же, как и я, хочет, чтобы Япония, где распространять веру столь трудно, стала христианской страной.

Капитан Монтаньо и его помощник Контрерас не проявляют ни малейшего интереса к моим планам. Открыто они об этом не говорят, но я убежден, что мои планы вызывают у них даже антипатию. И все потому, что после кораблекрушения, когда их задержали в Японии, у них не сложилось благоприятного впечатления об этой стране и ее народе. Они демонстративно избегают японцев, не делая исключения даже для посланников, и не одобряют общения между испанской командой и японскими матросами. Я дважды советовал капитану пригласить посланников к обеду, но он решительно отказался.

– Когда нас задерживали в Японии, для меня были невыносимы высокомерие и нетерпимость японцев, – сказал мне капитан за обедом два дня назад. – Мне, кажется, никогда в жизни не приходилось встречать людей, которые были бы такими неискренними, Которые считали бы добродетелью не открывать другим своего сердца, как этот народ.

Я возразил: мол, политическое устройство в этой стране столь совершенно, что невольно задаешь себе вопрос – неужели Япония и в самом деле языческая страна?

– Именно поэтому с ней трудно иметь дело, – сказал помощник капитана. – Рано или поздно она попытается завладеть всем Великим океаном. Если мы хотим сделать ее христианской, проще не словами, а оружием покорить ее.

– Оружием? – воскликнул я. – Вы оба недооцениваете эту страну. Это вам не Новая Испания или Филиппины. Они привыкли воевать и умеют это делать. Вам известно, что иезуиты потерпели провал только потому, что думали так же, как вы?

Хотя им это было неприятно, я стал перечислять ошибки иезуитов. Например, иезуиты, отец Коэльо и отец Фроиш, намеревались превратить Японию в испанскую колонию, что вызвало гнев японских правителей. Стоит мне заговорить о иезуитах, я не в силах сдержать негодование.

– Именно поэтому, чтобы распространить в Японии учение Божье, – заключил я в гневе, – существует лишь один способ. Обмануть их. Испания должна поделиться барышами от торговли в Великом океане с Японией, а за это получить привилегии в распространении там веры. Японцы ради прибыли пойдут на любые жертвы. Если бы я был епископом...

Капитан и его помощник переглянулись и ничего не ответили. Они промолчали не потому, что были согласны со мной, а потому, что подумали: ну и интриган же этот священник. Прекрасно понимая, что в разговорах с мирянами нужно избегать подобных заявлений, я, к сожалению, не смог сдержаться.

– Кажется, для вас, падре, распространение веры в Японии важнее интересов Испании, – ехидно заметил капитан.

Сказав это, он умолк. Было ясно, что мои слова «Если бы я был епископом...» они восприняли как низменное желание сделать карьеру.

«Лишь Ты, Господи, можешь проникнуть в сокровенные желания человека, судить о них. И Тебе известно, что я произнес эти слова не из тщеславия. Я избрал Японию той страной, где обрету вечный покой. Мне кажется, я нужен для того, чтобы были услышаны голоса воспевающих Тебя в этой стране».

Случилось нечто удивительное. Как-то я, прогуливаясь по палубе, вслух читал молитвенник, и ко мне подошел один из японских купцов. Заметив, как я шепчу молитву, он спросил меня с удивлением:

– Господин переводчик, чем это вы занимаетесь? Как ни глупо, я подумал, что его заинтересовала молитва, но это было не так. Кончилось тем, что он, улыбнувшись мне в ответ, понизил голос и попросил меня устроить, чтобы в Новой Испании ему было дано преимущественное право заключать торговые сделки. Я слушал купца, с омерзением отвернувшись, а он прошептал, по-прежнему улыбаясь:

– Вы будете вознаграждены за это сполна. Я получу прибыль, и часть ее достанется вам.

На моем лице было написано явное осуждение, и я постарался поскорее отделаться от него, ответив, что хотя я нахожусь здесь в качестве переводчика, но в то же время являюсь падре, отказавшимся от мирской суеты.

Я боюсь этого морского путешествия, которое продлится целых два месяца. Оно обрекает меня на полную бездеятельность. Каждый день в кубрике я служу мессе для испанской команды, но ни один японец ни разу не заглянул туда. Кажется, единственное счастье для них – мирская выгода. Японцы принимают лишь религию, которая приносит мирские выгоды – будь то богатство, победа в войне или избавление от болезни, – и совершенно безразличны к непознаваемому и вечному. Но все равно я проявлю нерадивость, если во время плавания не смогу внушить учение Господа ни одному из сотни японцев, находящихся на корабле.

Посланники ужасно страдали от морской болезни. Кюскэ Ниси и Тюсаку Мацуки переносили ее легче, а Тародзаэмон Танака и Самурай, не успел корабль выйти из Цукиноуры, несколько дней лежали пластом и слушали тоскливый скрип мачт. Они не представляли себе, где плывут, и не интересовались этим. Корабль беспрерывно качало, слышалось монотонное, надоедливое поскрипывание мачт, которое время от времени заглушал судовой колокол. Даже закрыв глаза, они чувствовали, что какая-то неведомая им могучая сила возносит их вверх и тут же медленно опускает вниз. Измученный беспрерывными позывами к рвоте, обессиленный Самурай временами дремал, временами вспоминал жену Рику, детей, дядю, сидящего у очага.

Приносить еду посланникам было обязанностью сопровождающих их слуг, и когда Ёдзо, пошатываясь, входил с подносом, его лицо – лицо человека, страдающего морской болезнью, – поражало бледностью и худобой. У Самурая не было никакого аппетита, но он заставлял себя съесть все, что ему приносили, чтобы хватило сил достойно выполнить возложенную на него ответственную миссию.

– Ничего страшного, – утешал Веласко Самурая и Танаку, заглядывая в каюту посланников. От подходившего вплотную Веласко исходил неприятный запах, еще больше усугублявший их страдания от морской болезни. – К качке привыкают. Дней через пять самые большие волны, даже буря, будут вам нипочем.

Самураю трудно было поверить в это. Он завидовал молодому Ниси, который спокойно ходил по кораблю, с интересом все рассматривая и спрашивая у Веласко значение незнакомых ему испанских слов.

Но вот закончился третий день, миновал четвертый – в это было трудно поверить, – но, как и предсказывал Веласко, страдания Самурая стали понемногу утихать. А на пятый, утром, он вышел из каюты, пропахшей лаком и рыбьим жиром, и стал подниматься вверх. На безлюдной палубе в лицо ему ударил резкий порыв ветра. У него даже дух захватило. Перед его глазами раскинулся безбрежный морской простор, где гуляли огромные пенящиеся волны.

Самурай впервые увидел безбрежное открытое море. Не было земли, даже крохотного островка. Волны сталкивались, взмывали, издавали какие-то боевые кличи, словно на его глазах происходила схватка бесчисленных воинов. Бушприт вонзался в серое небо, корабль, взметая брызги, нырял и тут же снова взлетал на гребень волны.

У Самурая закружилась голова. Порывы ветра затрудняли дыхание. И на востоке море, где бушуют огромные волны. И на западе море, где борются волны. И на юге и на севере – везде море. Впервые в жизни Самурай воочию убедился, как велико море. Глядя на него, он понял, что Ято, где он прожил всю свою жизнь, – крохотное маковое зернышко.

Послышался звук шагов. На палубу вышел Тюсаку Мацуки. Худой и мрачный, он тоже стал с интересом наблюдать это величественное зрелище.

– Действительно, мир необъятен. – Ветер разорвал фразу Самурая и, как клочки бумаги, унес далеко в море. – Даже не верится, что море простирается до самой Новой Испании.

Мацуки, стоявший к нему спиной, даже не пошевелился – может быть, не расслышал? Он еще долго молчал, не в силах оторвать глаз от моря. Тень от мачты падала ему на лицо.

– Целых два месяца мы будем плыть по этому морю, – сказал наконец Мацуки.

Его слова тоже унес ветер.

– Господин Хасэкура, что вы думаете о нашей миссии?

– О миссии? Думаю, мы должны быть благодарны, что ее возложили именно на нас.

– Я говорю о другом. – Мацуки сердито покачал головой. – Почему, по-вашему, нам, самураям невысокого ранга, дано такое важное поручение? С тех пор как мы отплыли из Японии, я только об этом и думаю.

Самурай молчал. Он и сам никак не мог понять, почему в качестве посланников избраны он и его товарищи. Было странным, что главой миссии не назначен никто из высших сановников.

– Господин Мацуки...

– Мы обыкновенные пешки в этой игре, – пробурчал под нос Мацуки, продолжая смотреть на море. – Пешки Совета старейшин.

– Пешки?

– Совершенно ясно, что такую высокую миссию следовало возложить на кого-то из членов Совета старейшин, а вместо этого назначают нас. В чем же дело? А в том, что, если даже мы будем страдать от качки, если даже заболеем в неведомой стране южных варваров, это несколько не обеспокоит ни Его светлость, ни Совет старейшин.

Видя, как побледнел Самурай, Мацуки, словно радуясь этому, продолжал:

– Хотя мы и зовемся посланниками, но ведь никто из нас не знает языка – мы обычные гонцы, которые с помощью Веласко должны передать послания Его светлости. Для него и членов Совета старейшин неважно, даже если мы и сгинем в каких-то морях, в каких-то землях, – лишь бы завязалась торговля с Новой Испанией и корабли южных варваров стали заходить в Сиогаму и Кэсэннуму.

Разносимые ветром брызги окатывали палубу, где они стояли, снасти над головой гудели.

– Господин Сираиси... ничего такого не говорил, – пробормотал Самурай.

Его раздражало собственное косноязычие, не позволявшее как следует ответить Мацуки. Если бы они были обыкновенными пешками, зачем бы господину Сираиси и господину Исиде говорить, чтобы он себя берег, что, когда вернется, попытаются найти возможность возратить ему земли в Курокаве?..

– Господин Сираиси ведь не сказал вам ничего определенного, – усмехнулся Мацуки. – «Попытаются найти возможность» – вот же его слова. Когда двенадцать лет назад Его светлость распределял угодья, у многих самураев их исконные земли были отобраны, и вместо них по решению Совета старейшин им отводили дикие пустоши. И сколько они потом ни обращались с просьбой вернуть старые владения, положительного ответа так и не дождались, что вызвало недовольство этих самураев. И я, и вы, господин Хасэкура, и Ниси, и Танака – все мы в одинаковом положении. Из таких недовольных отобрали нас четверых и послали в тяжелое плавание: если мы в дороге погибнем, земли наши отберут, не выполним как следует своей миссии посланников – строго накажут. В назидание всем остальным недовольным самураям. Во всяком случае, Совет старейшин ничего не теряет.

– Трудно в это поверить.

– Хотите верьте – хотите нет. Кстати, известно ли вам, господин Хасэкура, что до отплытия корабля мнения в Совете старейшин разделились? – Произнеся эту загадочную фразу, Мацуки стал спускаться по лестнице. – Ладно, хватит об этом. Во всяком случае, таковы мои предположения.

После того как Мацуки ушел, Самурай остался на палубе один на один с бушующим морем.

«Наша миссия – та же битва. Мы, мэсидаси, ведя своих воинов, на поле боя сражаемся с противником, осыпаясь стрелами и ядрами. А высшие военачальники находятся в палатке, в тылу, и оттуда командуют войском. И этих высших военачальников не назначили посланниками по той же причине, по которой они не сражаются на поле боя. Вот как следует все это объяснить».

Таковыми рассуждениями Самурай пытался унять тоску, но слова Мацуки тяжелым грузом легли на его душу...

Когда он спустился вниз, вой ветра, бешеный грохот огромных волн стали почти не слышны. Возвращаться в каюту посланников не хотелось. Там нестерпимо пахло лаком. Он заглянул в каюту, где разместились купцы. Ему было известно, что там находятся сопровождавшие его слуги Ёдзо, Сэйхати, Итискэ и Дайскэ.

В каюте стоял запах циновок, в которые были завернуты товары, смешанный с запахом потных тел. Купцов было человек сто – одни без дела валялись на полу, другие, усевшись в кружок, играли в кости. Рядом с тюками мучились от качки Ёдзо и его товарищи, но, увидев господина, они попытались подняться. – Не нужно, не вставайте, – остановил он их. – Ужасная штука эта морская болезнь. Для нас, выросших в горах, море кажется страшнее, чем оно есть на самом деле.

Вернемся домой, сказал Самурай, никому не будем рассказывать, как страдали на этом корабле от морской болезни. Его слова вызвали наконец улыбку у Ёдзо и его товарищей. Только на этих четверых он сможет положиться в таком трудном путешествии, подумал он, глядя на их изможденные лица. Вернувшись целым и невредимым на родину, он может рассчитывать на какое-то вознаграждение. А этих людей ждет их обычная доля – безрадостный изнурительный труд.

– В Ято сейчас, наверное, дождь...

В это время там и в самом деле идут беспрерывные дожди. И крестьяне, скинув одежду, заляпанные грязью, работают не покладая рук. Но даже такая грустная картина казалась Самураю и четверым его слугам приятной и родной...

– «Сомос хапонесес». Это означает «Мы японцы». – С этим странным сообщением явился к Танаке и Самураю, писавшему свой путевой дневник, Ниси. Самурай подозрительно посмотрел на него.

– Почему вы туда не ходите? Переводчик – господин Веласко – учит купцов языку южных варваров.

– Ниси, если мы, посланники, будем общаться с купцами, испанцы в конце концов станут относиться к нам с презрением, – недовольным тоном упрекнул его Танака.

Получив выговор, Ниси покраснел.

– Но разве будет лучше, если, приехав туда, не будем понимать ни слова?

– У нас же есть переводчик, пе-ре-вод-чик... Глядя на Ниси, которому так строго выговаривал Танака, Самурай в глубине души завидовал этому юнцу, который быстро сходится с людьми, быстро осваивается в любой обстановке. Выросший в глухой долине Ято, он так же, как Танака, недоверчиво относился к незнакомым людям. А этот молодой человек каждый день лазит по всему кораблю и проявляет неподдельный интерес к тому, как тот устроен, какие на нем приспособления. Услышанные испанские слова он записывает на листках бумаги; именно он сообщил японцам, что командир корабля по-испански «капитан», палуба – «кубьерта», парус – «вела».

– Но даже господин Мацуки, – возразил, покраснев, Ниси, – учится вместе с купцами.

На лице Танаки появилось недовольное выражение. Будучи старшим по возрасту среди посланников, он опасался, как бы его авторитету не был нанесен ущерб. Поэтому он старался не показывать южным варварам своего удивления, впервые в жизни увидев на корабле то, с чем они ни разу не сталкивались.

– Господин Мацуки, вы тоже? – удивленно спросил Самурай.

– Да.

Было невозможно понять, о чем думает этот человек с мрачным бледным лицом. Он и сейчас стоял в глубокой задумчивости, повернувшись к Самураю спиной. Он пробормотал тогда, что для Его светлости и Совета старейшин посланники не более чем пешки. И сказал, что Совет старейшин решил отправить самураев низкого звания в такое трудное путешествие, чтобы потушить их недовольство. Самурай не передал слов Мацуки ни Танаке, ни Ниси. Он просто не решился сделать это.

Самурай встал, словно пытаясь прогнать от себя слова Мацуки. Коридор внутри корабля тянулся бесконечно – с одной стороны луком изогнулись ребра шпангоутов, с другой были грузовые помещения, каюта купцов, склад провианта, камбуз, где готовили себе японцы. Из складов пахло пылью и соломенными циновками, из камбуза – мисо.

– Господин Хасэкура! – Самурая догнал Ниси, сияя белозубой, как у ребенка, улыбкой. – Не хотите поучить испанский?

Самурай мрачно кивнул.

Они вошли в большую каюту, где в четыре ряда перед грудой товаров сидели купцы с кистями и бумагой, старательно записывая испанские слова, которым их обучал переводчик.

– «Сколько стоит?» по-испански будет «Куанто куэста?».

Веласко произнес эту фразу трижды. «Куанто куэста?» И купцы каждый раз с серьезным видом записывали ее. А сопровождающие посланников слуги, улыбаясь, наблюдали эту странную сцену.

– Послушайте еще раз: «Куанто куэста?» Ниси повторил фразу у самого уха Самурая. Здесь начинался мир, решительно отличавшийся от того, который существовал в Ято. Среди склонившихся черноволосых голов купцов он увидел покачивающийся костлявый затылок Мацуки, сидевшего скрестив руки на груди.

Обучая самому простому, повседневному приветствию, Веласко сказал:

– Но даже если вы и запомните слова, вести торговые сделки в Новой Испании все равно не сможете. – Достав тряпку, он отер рот. – Как я уже говорил, вам ничего не удастся там сделать, если вы не проникнетесь христианской верой. Посмотрите вокруг. Даже на этом корабле испанцы отдают команды, словно поют гимны. Вы обратили внимание на голоса, которые каждое утро слышатся с верхней палубы? Эти песнопения – морские команды.

Это было правдой. Во время отплытия матросы южных варваров передавали друг другу команды с какой-то странной распевностью. Те же самые команды каждый день слышатся с палубы.

– Я не настаиваю на том, чтобы вы постигали христианскую религию. Но вот у меня в руках книга, в которой рассказывается о жизни Иисуса Христа.

Среди купцов рябью пробежал шепот, но тут же утих. Мацуки поднялся и подошел к Самураю и Ниси:

– Посмотрите, как оживились купцы. Они готовы даже принять христианство, лишь бы это было на пользу торговле. Веласко, зная их алчность, решил проповедовать им христианское учение. Великий хитрец этот переводчик.

Передернув плечами, возмущенный Мацуки направился в свою каюту; глядя на его худую спину, простодушный Самурай почувствовал себя несчастным. Но ему было неприятно, что Мацуки ко всем относится с презрением.

Уже полмесяца «Сан-Хуан-Баутиста» плывет на восток по Великому океану, и еще не удалось увидеть хотя бы островок. Хорошо, что за все это время мы ни разу не попали ни в штиль, ни в сильный шторм. Разумеется, в этих северных широтах редко бывают штили, как это случается у экватора, но штормы обрушиваются часто. Поэтому такое счастливое плавание – явление удивительное, говорит капитан Монтаньо. Давным-давно, когда я впервые плыл в Японию, команда ненавидела каждого, кто начинал свистеть во время штиля. Моряки суеверно считают, что от свиста штиль затягивается. Утро на «Сан-Хуан-Баутисте» начинается с мойки палубы. Вся черновая работа – мойка палубы, закрепление фалов, очистка якорных цепей от ржавчины, починка снастей, чем приходится заниматься с утра до вечера, – поручена японским матросам. А марсовые, рулевые, вахтенные – все испанцы.

Изо дня в день, даже несколько раз в день – утром, днем и вечером – цвет моря меняется. Удивительно: изменение формы облаков, блеска солнечных лучей, атмосферного давления окрашивает море в такие неповторимые, насыщенные тона, то радующие, то нагоняющие тоску, что даже художник прищелкнет языком от восхищения. Глядя на это море, не я один преисполняюсь желанием восславить мудрость Создателя. Мы уплыли уже так далеко от суши, что даже морские птицы отстали от нас, но зато теперь радуют наш взгляд проносящиеся над самыми волнами серебристые летающие рыбы.

На сегодняшнюю утреннюю мессу – меня это поразило – пришли несколько японских купцов, чтобы посмотреть на богослужение. Держа в руке чашу и вкладывая в рот стоявших на коленях испанских моряков кусочки освященного хлеба, вдруг увидел кучку японцев, которые благоговейно, но в то же время удивленно наблюдали за происходящим. Может быть, они пришли послушать мессу, движимые скукой, царившей на корабле? Или, может быть, их сердца тронуло Священное Писание, которое я

вот уже шесть дней по частям перевожу им после занятий испанским языком? А может быть, они поверили моим словам, что в Новой Испании язычники никогда не добьются успеха при совершении торговых сделок?

Во всяком случае, я вполне удовлетворен таким результатом. Отслужив мессу и убрал в шкаф ризу и чашу, я вышел к японцам, бродившим поблизости.

– Что вы думаете об увиденном? Вам не хочется проникнуть в глубокий смысл, сокрытый в мессе?

Среди японцев был тот самый желтозубый купец, который, как-то встретив меня на палубе, умолял выпросить для него привилегии в торговле. Чуть улыбнувшись, он ответил:

– Господин переводчик, японские купцы готовы воспринять все, что может помочь в деле. Им не повредит, если во время этого путешествия они узнают о христианском учении.

Его прямой ответ заставил меня непроизвольно улыбнуться. Это был ответ истинного японца, но слишком уж чистосердечный. Словно заискивая передо мной, они пожелали, чтобы я и дальше рассказывал о славной жизни Христа.

Им не повредит, если они узнают о христианстве. Мне кажется, ответ желтозубого прекрасно продемонстрировал истинное отношение японцев к религии. Долгая жизнь в Японии ясно показала мне, что в религии японцев привлекают лишь мирские блага. Правильнее даже сказать, что религия служит им средством добиться мирских благ. Они поклоняются своим синтоистским и буддийским богам лишь для того, чтобы избежать болезней и стихийных бедствий. Феодалы во имя победы в войне всякий раз обещали пожертвования синтоистским и буддийским храмам. Буддийские монахи, хорошо понимая это, заставляют поклоняться статуе дьявола Якуси Нёрай, который якобы исцеляет людей; никого японцы так не почитают, как его. И не только потому, что хотят с его помощью избежать болезней и стихийных бедствий. В Японии существует множество сект, обещающих верующим умножение богатства и благоденствие, и многие приходят к ним.

От религии японцы ждут только мирских благ. Наблюдая за японцами, я утвердился в мысли, что в этой стране никогда не возникнет настоящая религия, смысл которой в вечной жизни и спасении души. Существует огромная разница между их верой и христианской. Но, как известно, клин клином вышибают – мне придется прибегнуть к этому методу. Если японцы ждут от религии лишь мирских благ, следует открыть им, как можно мирские желания привести в согласие со Словом Божиим. Иезуиты какое-то время преуспевали в этом. Показав феодалам огнестрельное оружие, диковинные товары, привезенные из стран южных морей, они получили взамен разрешение проповедовать христианство. Но впоследствии многими своими действиями возмутили японцев. Разрушали синтоистские и буддийские храмы, пользуясь слабостью воюющих феодалов, создавали крохотные колониальные владения, чтобы обеспечить себе привилегии.

До отплытия из Японии я написал несколько писем. Своему дяде дону Диего Кабальеро Молине, отцу дону Диего де Кабрере и настоятелю монастыря Святого Франциска в Севилье. В них я сообщал, что на обратном пути из Новой Испании в сопровождении нескольких японцев, возможно, заеду в Севилью. Я просил их, если это произойдет, помочь мне устроить яркое, впечатляющее празднество, которое бы доказало испанцам, что слава Господа дошла до крохотной восточной страны. Для севильцев японцы – диковинное зрелище, и можно предположить, что посмотреть на них соберется немало народу, но нужно, чтобы они произвели как можно большее впечатление. Это послужит славе Господа и распространению христианства в Японии, писал я. Чтобы письма дошли как можно быстрее, я собирался отправить их из Акапулько специальным экипажем до Веракруса, а оттуда срочной почтой – до Севильи.

Вчера снова, обучив японцев самым необходимым фразам и отдельным словам, я

рассказал им немного о жизни Иисуса.

– Вера твоя спасет тебя!

Я вдохновенно рисовал картины исцеления Господом страждущих в Галилее – картины, как хромы пошли, слепые прозрели, прокаженные очистились. Японцы слушали меня потрясенные. Я знал, что от религии им нужно и исцеление от болезней, потому и выбрал специально эти сцены Писания.

– Однако сила Господа исцеляет не только телесные недуги. Господь исцеляет и души.

Этими словами я заключил сегодняшний рассказ. Думаю, мне удалось хорошо побеседовать с японцами. Но, честно говоря, все еще впереди. Путь долог. По своему многолетнему опыту я знаю, что японцев можно привлечь рассказами о чудесах или об их собственных прегрешениях, но стоит заговорить о Воскресении, составляющем суть христианства, или о Любви, требующей самопожертвования, на их лицах тут же появляется полное непонимание.

Во время ужина капитан Монтаньо сказал, что барометр падает и шторм, которого мы так опасались, медленно, но неуклонно приближается с юга. Действительно, еще после полудня я заметил, что качка усилилась, море, которое вчера было ярко-голубым, постепенно приобрело холодно-свинцовый цвет, сталкивающиеся валы вздымали ввысь белые гребни и с грохотом обрушивались на палубу. Чтобы вывести корабль из полосы шторма, сказал капитан, нужно круто переменить галс.

К полуночи шквал все-таки настиг нас. Вначале качка была не столь уж сильной, и я в каюте, которую занимал вместе с помощником капитана Контрерасом, писал свой дневник. Контрерас со всей испанской командой и японскими матросами поднялся на палубу, и, привязавшись, они ждали приближения шторма. Качка становилась все сильнее. Свеча на столе с громким стуком упала на пол, из шкафа посыпались книги. В панике я выскочил из каюты и устремился на палубу, но не успел ступить на трап, как корабль, получив страшный удар, резко накренился. Я упал. Это была первая громадная волна, обрушившаяся на корабль.

Вода через люк хлынула вниз. Я попытался встать, но поток, несшийся со страшной силой, снова сбил меня с ног. Потеряв четки, заткнутые за пояс, я пополз по залитому водой полу, пока мне не удалось добраться до стены и с невероятным трудом удержаться в хлеставших струях воды. Качка была ужасная. Кажется, вода добралась до большой каюты, из которой неслись душераздирающие крики; человек десять японцев, толкая друг друга, выскочили оттуда. В кромешной тьме я кричал, чтобы они не выходили на палубу. Они не были привязаны, и их бы мгновенно смыло огромными волнами, перехлестывавшими через палубу.

На мой голос из каюты выбежал с мечом в руках Тародзаэмон Танака. Я крикнул ему, чтобы он загнал купцов обратно в каюту. Он обнажил меч и стал громко ругать мчавшихся к трапу купцов. Они остановились и стали пятиться назад.

Бортовая качка сопровождалась килевой, и я прилагал невероятные усилия, чтобы меня не оторвало от стены. С палубы, точно орудийные залпы, раздавался грохот обрушивающихся на нее волн, внутри корабля с таким же грохотом перекатывались ящики, непрерывно слышались вопли людей. Я попытался вернуться в каюту, но не мог сделать и шага. Тогда я встал на корточки и, как собака, дополз наконец по воде до своей каюты. Я с трудом открыл дверь, и мне под ноги покатались выпавшие из шкафа вещи. Я взобрался на койку и, чтобы удержаться, ухватился за скобу. Всякий раз, когда корабль кренился, вещи, лежавшие в шкафу, перекатывались то вправо, то влево. Так продолжалось до самого утра. К рассвету на корабле все утихло, качка немного улеглась.

Когда в окно заглянули первые лучи света, я увидел, что на полу каюты разбросаны наши книги и вещи. К счастью, каюта была расположена ниже той, где помещались японцы, и, слава Богу, ее не залило водой. Больше всего пострадала каюта японских купцов, у тех, кто устроился рядом с товарами, постели промокли насквозь – впору выбросить. Вода проникла и в трюм, где хранился провиант.

Я захватил кое-что из своей одежды и постельных принадлежностей и отдал че-

ловеку, который стоял в растерянности около большой каюты. Это был не купец, а один из слуг, сопровождавших посланников, и своим крестьянским лицом и исходящим от него запахом земли он был похож на Хасэкуру Рокуэмона.

– Возьми, – сказал я ему, но по лицу увидел, что он не поверил моим словам. – Вернешь, когда твои вещи высохнут.

Я спросил, как его зовут, и он смущенно ответил, что его имя Ёдзо. Видимо, это был один из слуг Хасэкуры.

Днем я наконец увидел Контрераса, который на минутку забежал в каюту. Он сообщил, что ночной шторм сломал бизань-мачту и смыл в море двух японских матросов, которых не удалось спасти. Выходить на палубу, разумеется, запрещено.

Волнение по-прежнему сильное, но, по всей видимости, после полудня кораблю удалось выйти из полосы шторма. Выносить дальше запах гнили и рвоты японцев, страдающих морской болезнью, я был не в силах и, получив разрешение Контрераса, поднялся по трапу до выхода на палубу – волны бушевали, вздымая пену, море все еще было черным. Японские матросы старательно распутывали фалы, чинили поломанную мачту.

За ужином я смог наконец спокойно поговорить с Монтаньо и Контрерасом. Почти сутки они не спали ни минуты, от усталости под глазами у них были синяки, лица осунулись. Судя по их рассказам, смытым в море японцам помочь было невозможно. Их было очень жаль, но такова была воля Божья.

На следующий день, когда я, выйдя на теперь уже устойчивую палубу, прогуливался по ней, читая молитвенник, появился тот самый японец, которому я четыре дня назад после шторма одолжил одежду, но тут же исчез, а потом снова вышел на палубу вместе со своим хозяином Хасэкурой. Хасэкура поклонился, поблагодарил за сочувствие его слуге и, выразив сожаление, что на корабле лишен возможности достойно отблагодарить меня, протянул японскую бумагу и кисти. Глядя на этого источавшего запах земли косноязычного человека, который благодарил меня с таким жаром, я испытал к нему жалость за то, что ему пришлось, хотя и по воле Его светлости, отправиться в такую далекую страну. Его слуга Ёдзо стоял чуть поодаль от хозяина и, склонив голову, так ни разу ее и не поднял. Хозяин и слуга были очень похожи на испанского гранда и его крестьянина, и я невольно улыбнулся.

Вскоре после их ухода на палубу поднялся Тюсаку Мацуки и стал не отрываясь смотреть на море. Это вошло у него в привычку. Обычно, встречаясь со мной, он лишь здоровался, но никогда не делал попыток заговорить, а вот сегодня, издали наблюдая, как я вышагиваю по палубе с молитвенником в руках, он, казалось, ждал подходящего момента, чтобы заговорить. В ярких лучах солнца я уловил в его взгляде враждебность, даже ненависть.

– Мне не будет покоя до тех пор, пока посланники не придут благополучно в Новую Испанию, – сказал я.

Мацуки молчал с каменным выражением лица, и я снова углубился в молитвенник.

– Господин Веласко, – обратился он наконец ко мне таким тоном, будто собирался в чем-то укорить. – Я бы хотел кое о чем спросить. Вы действительно находитесь на этом корабле в качестве переводчика? Или у вас есть и собственные цели?

– Разумеется, я здесь, чтобы служить вам переводчиком. – Мне его вопрос показался подозрительным. – Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Неужели в обязанности переводчика входит рассказывать находящимся на корабле купцам христианские истории?

– Я делаю это для их собственной пользы. В Новой Испании даже чужестранцев, если только они христиане, встретят как братьев, а с язычниками торговых связей никто завязывать не станет.

– Неужели, господин Веласко, вас не останавливает то, что японские купцы толь-

ко ради торговли готовы принять христианство? – спросил с вызовом Мацуки.

– Нет, не останавливает, – покачал я головой. – На гору ведет не одна-единственная тропинка. Есть дорога, ведущая с востока и запада, есть дорога, ведущая с юга и севера. По какой ни иди – до вершины все равно доберешься. То же относится и к путям, ведущим к Богу.

– Ну и хитрец же вы, господин Веласко. Используя их алчность, обращаете в христианство. Неужели вы применили те же методы в Совете старейшин? Заключили с ними обычную сделку?

Я посмотрел ему в глаза. Они были не такими, как полные детского любопытства глаза Ниси. Они отличались и от непреклонных глаз Танаки или покорных глаз Хасэ-куры. Я понял, что этот японский посланник далеко не глуп.

– Предположим, вы правы, господин Мацуки, – ответил я спокойно. – Что в таком случае вы предпримете? Откажетесь от миссии посланника?

– Не откажусь, конечно. Хочу сказать только одно: купцы, плывущие на этом корабле, ради барышей в Новой Испании готовы стать кем угодно, хоть и христианами, но стоит им понять, что на барыши рассчитывать нечего, они тут же сменят веру. То же и Совет старейшин: он разрешит проповедовать христианство лишь до тех пор, пока будет продолжаться торговля с Новой Испанией. Но как только торговля прекратится и корабли южных варваров перестанут приходить в порты во владениях Его светлости, христианство сразу же будет запрещено. Вы это понимаете, господин Веласко?

– Прекрасно понимаю. И постараюсь сделать так, чтобы у купцов были барыши, чтобы торговля продолжалась, чтобы все шло хорошо. – Я сам рассмеялся своей шутке. – Но даже если торговые связи с Новой Испанией прекратятся, посеянные семена не погибнут. Нам, людям, не дано постигнуть промысел Божий.

– Господин Веласко... – Мацуки, который до этого разговаривал со мной чуть ли не тоном допроса, заговорил уважительно. – Я вас не понимаю. Вы представляетесь мне большим хитрецом, которого непросто провести. И вот этот хитрец плывет тысячи ри по бурному морю, прибывает наконец в Японию, подвергая себя невероятным страданиям якобы во имя Бога. Неужели, господин Веласко, вы и в самом деле верите в Бога? Почему вы верите, что Он существует?

– Объяснить словами, что Бог существует, невозможно. Он являет свое существование в жизни каждого человека. В жизни любого из нас можно найти немало доказательств существования Бога. Если в ваших глазах, господин Мацуки, я выгляжу хитрецом, сие означает, что Бог доказывает этим свое существование.

Я был сам несколько обескуражен своими словами, которые вырвались у меня совершенно произвольно. Некая неведомая сила заставила меня доказывать существование Бога через жизнь отдельного человека.

– Вот как? – На лице Мацуки снова появилась ироническая улыбка. – Даже Бог не сможет доказать свое существование жизнью этих японских купцов.

– Почему же?

– Потому что им все равно, есть Бог, нет Бога. И не только им. Так думает большинство японцев.

– А вы, господин Мацуки? – подступил я к нему. – Неужели вам по душе такая бесцветная жизнь? Я приехал в Японию с уверенностью, что жизнь нужно прожить вдохновенно. Это то же, что отношения между мужчиной и женщиной. Как женщина ждет от мужчины любви, так и Бог ждет от нас чувства. Жизнь дается человеку единой. Лишенная огня и холода, бесцветная жизнь... Неужели она вам по душе, господин Мацуки?

Мой резкий голос и острый взгляд впервые заставили Мацуки дрогнуть. Некоторое время он молчал, словно стыдясь своей растерянности.

– Что я могу поделать? Я вырос в Японии... В Японии не поощряется жар души. Люди как вы, господин Веласко, кажутся мне странными.

В эту минуту я заметил на лице Мацуки даже какое-то раздражение. Он, казалось, забыл, что я всего лишь переводчик, и злился не на меня, так настойчиво спорившего с ним, а на самого себя. Я подумал, что, если даже он теперь и ненавидит ме-

ня, что-то во мне привлекает его.

Показалось стадо китов. Это случилось после полудня, на корабле царили покой и безмолвие. Все японцы – и в каюте посланников, и в большой каюте – спали. Тишину нарушало лишь монотонное поскрипывание мачт и удары судового колокола, отбивающего склянки.

– Вижу китов! – закричал марсовый. Те, кто услышал этот крик, разбудили спящих. Все столпились на палубе.

Киты плыли, то погружаясь в темные волны, то всплывая. Нырять, они исчезали из виду, но тут же снова показывались высоко над водой их блестящие черные спины, точно смазанные маслом. Стоило одному киту скрыться, как тут же спина другого в туче брызг появлялась на поверхности. Они резвились, не обращая внимания на корабль и толпящихся на палубе людей. Всякий раз, когда кит всплывал, испанцы и японцы восхищенно вскрикивали.

– Одно чудо за другим, – радостно улыбнулся Ниси, стоявший рядом с Самураем.

Самурай не двинулся с места до тех пор, пока киты не скрылись за горизонтом. Сквозь разрывы туч пучками стрел вниз устремлялись солнечные лучи, окрашивавшие серебром море вдаль, где исчезли киты. Самурай даже представить себе не мог, что на свете существует такое множество неведомых вещей. Не знал он и того, что мир столь необъятен. Для него, прожившего всю жизнь в крохотной долине Ято, мир был сконцентрирован в ней. Да, мир был для него ограничен владениями Его светлости. Но теперь в его душе стали понемногу происходить перемены, которые вселяли беспокойство, даже некоторый страх. Он вступил в новый, неведомый ему мир. И беспокоило его то, что незыблемость, охранявшая до сих пор его душу, дала трещину и начала рассыпаться как песок.

Когда стадо китов скрылось из виду, японцы, толпившиеся на палубе, стали возвращаться в свои каюты. Пробили склянки. Полуденный отдых закончился, и теперь до вечера всех ждало вялое безделье. – Пойдемте в большую каюту, – предложил Ниси Самураю, спускаясь по лестнице. – Может быть, и вам стоит поучить испанский?

Со своей обычной иронической улыбкой в большой каюте, гудевшей как улей, появился Веласко. Это была снисходительная улыбка взрослого, наблюдающего за несмышленными детьми. Своей улыбкой он как бы говорил, что находящиеся на корабле японцы во время путешествия ничего не смогут сделать без его помощи.

– Мас барато пор фавор [¹⁷], – произнес он, опершись рукой на тюк.

Купцы, вооружившись кистями, послушно записали эту фразу.

– Но кьеро компрарло [¹⁸].

Это своеобразное занятие – ученики старались изо всех сил – сегодня, как обычно, длилось примерно час. После его окончания Веласко – тоже как обычно – начал очередной рассказ из жизни Христа.

– Одна женщина двенадцать лет страдала кровотечением. Много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у нее, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние. Когда Иисус переправился в лодке на другой берег, собралось к нему множество народа. Он был у моря. Услышав об Иисусе, женщина подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде его. Ибо говорила: если хоть к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. Иисус, обратившись к ней, сказал: «Дщерь! Вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей»; и она тут же выздоровела.

Самурай рассеянно слушал Веласко. До сегодняшнего дня христианское учение было для него чем-то бесконечно далеким, и даже сейчас услышанный рассказ представлялся ему чуждым, не имевшим к нему никакого отношения.

От женщины, о которой только что рассказывал Веласко, Самурай мысленно перенесся к женщинам Ято. К полуразрушенным деревенькам Ято. Там живут еще более жалкие, еще более несчастные люди, чем эта больная женщина. Отец часто рассказывал ему о старухах и даже молодых женщинах, которых в голодные годы бросали у дороги, обрекая на верную смерть.

---

¹⁷ Пожалуйста, подешевле (*исп.*).

¹⁸ Я не хочу покупать это (*исп.*).

Купцы с серьезными лицами благоговейно внимали Веласко, но Самурай знал, что слушают они его вполуха. Как говорил Тюсаку Мацуки, купцы думали, что, если они будут знать христианские истории, это поможет им успешно торговать в Новой Испании.

Веласко захлопнул Библию и, чтобы удостовериться, что его чтение произвело на японцев впечатление, улыбнувшись, посмотрел на купцов. Среди лиц, на которых было написано удивление, он увидел лицо лишь одного человека, смотревшего на него недружелюбно. Это был тот самый Ёдзо, слуга Самурая.

Когда Веласко вышел, купцы спрятали кисти в коробки для письменных принадлежностей и, зевая, стали похлопывать себя по затекшим плечам. Серьезное выражение с их лиц как ветром сдуло, они выполнили свой долг, и в каюте воцарилась атмосфера беспечности. Около тюков с товаром, где только что стоял Веласко, несколько человек затеяли игру в кости.

– Я хочу во время путешествия как следует изучить испанский, – поделился с Самураем своей сокровенной мечтой Ниси, выходя вместе с ним из каюты. – Когда в порты, которые находятся во владениях Его светлости, станут заходить корабли южных варваров, замку и Совету старейшин потребуется переводчик. Я смогу взять на себя эту работу.

Как обычно, Самурай почувствовал к молодому человеку зависть и легкую ревность. Но он был значительно старше Ниси, и ему было уже поздно изучать иностранный язык, да и способности к этому у него не было.

Во время завтрака, который им принесли слуги, Тародзаэмон Танака снова выговаривал Кюскэ Ниси. Когда Ниси радостно рассказывал о том, что помощник капитана учил его пользоваться компасом, а переводил Веласко, Танака вдруг вспылал:

– Нужно быть чуточку посерьезнее. Если в глазах южных варваров мы будем выглядеть легковесными, это может подорвать наш престиж как посланников.

Пораженный Ниси на мгновение умолк. Потом спросил:

– Почему? Можно многому научиться даже у южных варваров. Ведь именно они дали нам, пользовавшимся до этого лишь луками и стрелами, ружья и порох. Разве плохо, если мы, посланники, узнаем о том хорошем, что есть в других странах, и научимся умным вещам?

– Я не говорю, что это плохо. – Танака был явно недоволен тем, что молодой его спутник неожиданно вступил с ним в спор. – Хочу сказать лишь, что ходить, как ты, по кораблю и удивляться всякой ерунде южных варваров унизительно.

– Когда видишь что-то новое, всегда удивляешься. Если бы удалось привезти в наше княжество разные корабельные приспособления, они бы нам, я думаю, пригодились.

– Это уж Его светлости решать, брать новое или нет. Об этом будет думать Совет старейшин. Видано ли, чтобы зеленый юнец, как ты, лез со своими советами к Его светлости. Ты еще слишком молод и поэтому считаешь все новое прекрасным.

Суровый профиль Танаки напомнил Самураю дядю, сидящего у очага. Любыми средствами сохранять свой престиж, считать самым страшным позором, если кто-то презрительно относится к тебе, никогда не изменять древним обычаям и ненавидеть все новое – таков был характерный образ мыслей самураев княжества, и дяде и Танаке он был присущ в полной мере. Так же думал и Самурай. Но даже он, приверженный старым традициям, иногда завидовал этому сгоравшему от любопытства Ниси.

– Ниси, ты заходил в каюту южных варваров? – спросил сидевший напротив Самурая Мацуки, который закончил есть и закрыл крышкой коробочку для завтрака.

– Да.

– Что ты думаешь о запахе, который стоит там?

– О запахе? А чем там пахнет?

– Как только я сел на корабль, эта вонь преследует меня. Например, стоит зайти сюда Веласко, как сразу же появляется этот ужасный запах. Запах южного варвара.

Со дня их беседы на палубе Самурая раздражал поучающий тон Мацуки. Самурай не питал никакого интереса ни к Христу, ни к христианским миссионерам, но ему стало стыдно, когда он увидел, что Веласко отдал Ёдзо свою бедную одежду и постель. Для Самурая Ёдзо был всего лишь слугой, а вот Веласко обращался с ним как с равным.

– Видеть все в дурном свете ни к чему, – вмешался в разговор Самурай. – Мне он тоже не по душе, но...

– Запах Веласко – это запах одержимости, – прервал его Мацуки. – Только человек, издаю-

щий такой запах, способен бросить все и приехать в далекую Японию. И Веласко не одинок. Южные варвары именно благодаря своей одержимости построили огромные корабли и добрались до самых дальних стран мира. Ниси не замечает одержимости южных варваров и пытается собезьянничать все, что они делают. Не нужно забывать, что их одержимость для нас яд.

– Но господин Веласко, – растерянно пробормотал Ниси, – кажется мне добрым человеком...

– Чтобы скрыть свою одержимость, Веласко старается выглядеть добрым. Я даже думаю, что его вера в Христа – это тоже попытка обуздать свою одержимость. Мне становится страшно, когда я вижу, как он весь день ходит в одиночестве по солнцепеку. – Мацуки вдруг заметил, что говорит очень громко, и горько улыбнулся. – Веласко поехал с нами в качестве переводчика совсем не для того, чтобы послужить Совету старейшин. Он поднялся на корабль, только чтобы потешить свое тщеславие.

– Каковы его планы? – спросил Танака.

– Еще не знаю. Нужно лишь стараться не быть втянутым в них.

– Если он помешает выполнению нашей миссии, – сказал Танака, глянув на свой меч, – я его зарублю, хоть он и наш переводчик.

– Это было бы глупо, – рассмеялся Мацуки. – Его можно, конечно, зарубить, но как тогда мы выполним свою миссию в Новой Испании, не зная языка?

Несколько дней назад корабль вошел в полосу тумана. Такой густой туман всегда обволакивает корабли, плывущие в северных широтах. Волнующиеся просторы скрылись в серой пелене. Стоя на палубе, увидеть, что делается впереди, было невозможно, точно перед глазами опустился невесомый занавес – лишь призраками мелькали испанские и японские матросы. Каждые две минуты доносились тревожные удары колокола. На корабле вновь воцарилась тишина, и в большой каюте, и в каюте посланников из-за проникавшего тумана отсырело все – и постель, и одежда, и даже бумага, на которой японцы писали свои дневники.

Несколько дней назад норма выдачи питьевой воды была сокращена. Раньше каждому посланнику выдавалось два ковша в день, теперь – один. Хорошо хоть, что не штормило и корабль спокойно плыл в тумане на восток.

Случилось событие, прервавшее монотонное течение времени. Один из членов испанской команды украл из каюты капитана Монтаньо часы и несколько золотых монет. Капитан в сопровождении Веласко появился в каюте посланников и, побагровев, объявил, что вор должен быть наказан.

Монтаньо сказал, что на корабле существуют незыблемые правила, приведение их в исполнение – долг капитана. Например, если вахтенный заснул, ему связывают руки и обливают водой. Если же это не помогает ему излечиваться от своей дурной привычки, его секут – такой обычай уже долгое время существует на кораблях, пояснил он. Причем преступник наказывается на глазах всей команды. Поэтому желательно, чтобы японцы тоже поднялись наверх, попросил Монтаньо.

Наказание свершалось на окутанной туманом палубе. Там собрались также японские матросы и купцы, а испанская команда, стоя в некотором отдалении от японцев, наблюдала за тем, как приволокли их товарища и связали ему руки. Преступника – ему заткнули рот кляпом, чтобы он от боли не откусил себе язык, – поставили на колени и оголили спину. Временами ветер рассеивал туман. Веласко, застыв в неподвижности рядом с капитаном, неотрывно наблюдал за экзекуцией. Он напоминал черную статую.

В тумане раздавались удары линька и слышались душераздирающие крики. Экзекуция длилась бесконечно, и, когда наконец ветер разогнал туман, на палубе, словно груды лохмотьев, валялся преступник. Под взглядами окружающих к нему подбежал Веласко и, обняв, стер кровь своей одеждой. Потом, поддерживая, увел вниз.

Самурай почувствовал невыразимую злобу. Но не потому, что человека стегали. Перед его глазами все еще стояла застывшая на палубе в неподвижности фигура Веласко, который во время экзекуции спокойно и внимательно вглядывался сквозь туман туда, где раздавались удары и вопли. А когда все было закончено и он, отерев своей одеждой кровь, повел теряющего сознание человека в кубрик, в лице этого южного варвара было что-то неприятное, оно выглядело точно таким, каким описал его недавно Мацуки. Самурай не мог представить себе, что этот Веласко и тот, который отдал свою одежду Ёдзо, – один и тот же человек.

Прошло пять, шесть дней, а туман все не рассеивался. Паруса и палуба издавали отвратительный запах гнили, каждые две минуты в молочной пелене раздавались удары колокола. Временами на мгновение выглядывало напоминающее сверкающий круглый поднос солнце и тут же снова скрывалось в густом тумане. Как только показывалось солнце, испанцы сразу же хватались за секстант, пытаясь определить местонахождение корабля.

Через неделю после того, как корабль попал в туман, волны, накатывавшиеся с северо-востока, стали вздыматься выше и выше. Корабль качало все сильнее. Было ясно – снова приближается шторм. Испанская команда и японские моряки бегали по палубе, ставя лиселя.

Барометр падал. Туман исчез, и стали видны черные громады волн, со всех сторон подступающие к кораблю. Паруса гудели от ветра, дождь хлестал снующих по палубе матросов. Наученные первым штормом, японские купцы и посланники вынули из шкафов дорожные корзины и положили на тюки с грузом. Туда же, чтобы не намокли, сложили постели и одежду и крепко привязали их – так они готовились к шторму.

И вот волны, поднимая тучи брызг, начали перекатываться через палубу. Они бешено обрушивались на корабль, шпангоуты трещали. Посланники, приготовившись к самому худшему, в своей каюте натянули между опорами веревку, а Самурай привязал к спине шкатулку с посланиями Его светлости и повесил на пояс меч. Чтобы избежать пожара, все светильники были погашены, и поэтому, хотя ночь еще не наступила, в каюте было полутемно.

Качка стала угрожающей. Казалось, намертво закрепленный груз пришел в движение. В большую каюту, видимо, проникла вода – купцы с криками отступали под ее напором. Слышались тихие молитвы морскому дракону, которые они возносили, уцепившись за веревки, перетягивавшие тюки и ящики. Самурай и остальные посланники, как только корабль накренился, хватались за веревку, что помогало им удерживаться на ногах. Тьма в каюте сгущалась. Молитвы морскому дракону едва доносились из большой каюты, а через некоторое время они умолкли, и оттуда вдруг послышались не то вопли ужаса, не то крики о помощи. Там вышибло окно, и вода ворвалась внутрь. Двоих стоявших у самого окна волна сбила с ног и швырнула на ящики с грузом. Они вытянули руки, изо всех сил стараясь ухватиться за веревки, но в этот момент корабль накренился и вода устремилась наружу. Люди, находившиеся в трюме, сталкиваясь друг с другом, ударялись о ящики, их валило с ног. В это время из дальнего конца коридора донесся страшный грохот.

Команд капитана и его помощников никто уже не мог разобрать. Волны, вздымаясь высокими горами, обрушивались на корабль.

Мощный поток смыл все находившееся на палубе; ударяясь о мачты, он образовывал водовороты, а затем через люки бешено устремлялся в чрево корабля. Один из матросов, сбитый с ног, ухватился за леер и с трудом встал, но тут накатившийся следующий вал снова повалил его на палубу, и он тут же с головой был накрыт волной.

И в каюте посланников, и в большой каюте, где вода доходила уже до колен, японцы непрерывно падали, ползли, снова поднимались, и все это сопровождалось криками и ругательствами. Тяжелые тюки и ящики все время двигались из стороны в сторону, словно в них вселился злой дух. Забыв о строжайшем запрете капитана, японцы устремились было на палубу, чтобы там искать спасения, но у самого трапа их отбросило назад мощным водопадом.

Наконец через четыре часа корабль вышел из полосы шторма. Волны еще бушевали, но через палубу уже не перекатывались. Она была завалена обрывками снастей, обломками мачт. Нескольких матросов смыло за борт, отовсюду слышались стоны. В большой каюте невозможно было находиться, не выкачав воду, поэтому обессилевшие, вымокшие как мыши японские купцы провели ночь, улегшись вповалку в кубрике испанской команды, в грузовом трюме, в коридоре. Ни у кого не было даже сил помочь друг другу; точно мертвые, одни сидели, опершись о стену, другие лежали ничком на полу, и лишь один-единственный человек – Веласко – ходил между ними, оказывая помощь раненым.

Наконец наступило утро. Шторм кончился, и горизонт чудесно преобразился из багряного в золотистый. Золотой блеск неба все разрастался, посветлело и море. Кроме ударов волн о борта, ничего больше не было слышно. «Сан-Хуан-Баутиста», с единственным изодранным парусом, тихо бороздя покрытое рябью море, в лучах утреннего солнца казался призраком – на нем словно не было ни живой души, молчал и судовой колокол. Измотанные духовно и физически, испанцы и японские матросы, устроившись как придется, спали мертвым сном.

Незадолго до полудня Самурай, собрав последние силы, покинул мокрую каюту, чтобы поискать Ёдзо и остальных своих людей. Кюта посланников была дальше от трапа, чем большая, и расположена выше уровня коридора, поэтому обрушившийся поток не причинил ей столь уж значительного ущерба, а главное – послания Его светлости, к счастью, нисколько не пострадали. Пройдя по коридору, где воды было по щиколотку, и спустившись вниз, он увидел купцов, лежавших вповалку так плотно, что просто некуда было ступить. Увидев Самурая, они чуть приподнялись, но поздороваться как следует были не в состоянии. Некоторые вообще не проснулись, другие, чуть приоткрыв глаза, бессмысленно уставились в одну точку, не понимая, что происходит.

Грузовой трюм тоже был забит людьми, и среди них Самурай увидел Ёдзо и его товарищей, лежащих ничком на полу. Переступая через головы и тела, он стал звать их: Ёдзо, Итискэ и Дайскэ с трудом поднялись, и лишь Сэйхати остался лежать, не пошевелившись. Прошлой ночью он сильно ударился грудью о ящик и, упав в мутный поток, потерял сознание, хорошо, что товарищи вытащили его оттуда, а то бы захлебнулся.

– Господин Веласко оказал ему помощь. – Ёдзо потупился, боясь, что его слова могут не понравиться хозяину. – Он пробыл с ним до самого утра.

Самурай помнил, что в прошлый шторм Веласко отдал свою одежду Ёдзо. Видимо, и Ёдзо испытывал благодарность к чужому ему человеку – южному варвару, который так заботливо отнесся к нему. Самураю стало стыдно. Веласко сделал то, что надлежало сделать ему, их хозяину.

Рядом с Ёдзо лежал предмет, похожий на четки. Ёдзо сказал, что это четки и оставил их здесь вчера Веласко.

– Господин Веласко... – Ёдзо оробел, будто его хозяин заметил что-то дурное, – пользовался ими, чтобы молиться за Сэйхати и остальных.

– Я вам вот что хочу сказать, – возвысил голос Самурай. – Я благодарен господину Веласко, но вы не должны слушать его христианских проповедей.

Ёдзо и его товарищи промолчали, и Самурай, понизив голос, чтобы лежавшие рядом купцы ничего не услышали, продолжал:

– Купцы слушают его рассказы о Христе ради успешной торговли в Новой Испании. Они должны знать христианское учение, чтобы вести свои торговые дела. Но вы не купцы. И поскольку сопровождаете меня, Хасэкуру, не должны следовать учению Христа.

Сказав это, он тут же вспомнил слова Тюсаку Мацуки. Тот говорил об одержимости Веласко. Говорил, что Веласко демонстрирует свою доброту, чтобы скрыть одержимость. Говорил и о том, что нужно постараться не попасться на удочку этих южных варваров. Самурай не до конца понимал смысл сказанного Мацуки, но боялся, что его люди действительно поверят Веласко.

– Ухаживайте за Сэйхати. Обо мне можете не беспокоиться.

Самурай сказал несколько слов Сэйхати, чтобы подбодрить его, но тот был даже не в силах ответить. Перешагивая через людей, Самурай вышел в коридор и поднялся на палубу, залитую солнцем.

На море царил покой. Мачты отбрасывали черные тени. Легкий ветерок дул в лицо. Приятно ласкал ослабевшее тело. По указанию испанцев японские матросы, поднявшиеся на палубу, чинили снасти, ставили потрепанные бурей паруса. Волны ослепительно блестели, временами между ними проносились летающие рыбы. Самурай присел в тени мачты и вдруг заметил, что держит в руке четки. На четках, сделанных из плодовых косточек, висел крест, на котором была вырезана фигура худого обнаженного человека. Глядя на этого человека, обессиленно раскинувшего руки, обессиленно склонившего голову, Самурай не мог понять, почему Веласко и вообще все южные варвары называют его Господином. Самурай мог назвать господином лишь князя, но Его светлость не прожил столь диковинную жизнь и не выглядел жалким. Самураю христианская религия представлялась странной хотя бы потому, что молиться надо было такому худому, жалкому человеку.

Самурай увидел непристойный сон. В сырой, темной комнате своего дома в Ято он лежит в обнимку с женой, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. «Я должен идти», – говорит Самурай, который в отличие от остальных посланников все еще оставался в Ято, не в силах оторваться от обнаженного тела жены, хотя отплытие корабля Совет старейшин назначил на следующий день. «Мне давно пора уходить», – повторяет он беспрестанно. Но Рику прижалась лицом к его потной груди. «Даже если ты поедешь, – шепчет жена, задыхаясь, – это ничего нам не даст.

Земли в Курокаве все равно не вернут». Оторвавшись от жены, Самурай спрашивает взволнованно: «Дяде это тоже известно?» Увидев, что Рику кивнула, он вскакивает. И тут же просыпается.

Самурай почувствовал себя оплеванным. Из угла каюты, все еще сырой после бури, слышался переливчатый храп. Храпел Танака. Неужели это был сон? – вздохнул Самурай. Он понял, что сон навеян сохранившимися в его сознании словами Мацуки, сказанными им несколько дней назад. Самурай ничего не рассказал ни храпевшему теперь Танаке, ни Ниси о том, что услышал, он боялся, что они поверят Мацуки.

«Нет, ни господин Сираиси, ни господин Исида не могли сделать такое», – сказал себе Самурай, поправляя набедренную повязку.

Он снова закрыл глаза, но заснуть никак не мог. Перед ним отчетливо всплыли веселые лица играющих во дворе детей, профиль Рику. Он воскрешал в памяти свой дом, комнату за комнатой. Чтобы заснуть, он попытался вспомнить пейзажи Ято. Еще покрытые тающим снегом горы и поля...

Второй шторм сильно потрепал корабль. «Сан-Хуан-Баутиста» потерял мачту, парус и шлюпку, внутрь попало много воды, на палубе валялись обрывки снастей. Мне поранило лоб, но не серьезно. И испанская команда, и японские матросы целыми днями не покладая рук откачивают воду. Однако наши беды не идут ни в какое сравнение с теми, которые пришлось пережить девяносто три года назад капитану Магеллану и его кораблю в том же Тихом океане, где мы сейчас находимся. Магеллан и его товарищи не имели пищи, вода протухла, я слышал, что они ели даже корабельных крыс и куски дерева. К счастью, у нас еще есть бочки с водой, и в пище тоже мы пока недостатка не испытываем. Правда, прошлой ночью из-за шторма мы потеряли в море нескольких японских матросов, а в большой каюте появились раненые и больные. До самого утра я не как переводчик, а как священник оказывал помощь пострадавшим японцам.

Среди раненых в особенно тяжелом состоянии пожилой купец Яхэй и Сэйхати – слуга Хасэкуры. Их придавило ящиками; Яхэй харкает кровью, у Сэйхати, безусловно, сломаны ребра. Я напоил обоих вином и сделал им компрессы; они совсем ослабели, даже говорить не могут. Боюсь, довести их живыми до Новой Испании не удастся.

Хотя мы покинули Японию всего месяц назад, у меня такое чувство, что мы плывем уже несколько месяцев. Мое нынешнее плавание не особенно отличается от того, которое мне пришлось проделать тринадцать лет назад, когда я впервые отправился на Восток, а беспокойство, все сильнее овладевающее мной, объясняется скорее всего тем, что мне не терпится как можно скорее выполнить свой план.

Вечером, после богослужения на палубе, я, словно проникнув в неведомые души посторонних мне людей, понял наконец, почему мне хочется снова вернуться в Японию, почему я так привязан к этой стране. Разумеется, не потому, что японцы религиознее других народов Востока и потому восприимчивы к истине. Напротив, во всем мире не найдется другого народа, который бы, обладая восприимчивостью и любознательностью японцев, так решительно, как они, отвергал бы то, что воспринимается ими как бесполезное, ненужное в этом брэнном мире. Даже делая какое-то время вид, что прислушиваются к учению Господа, они поступают так только из стремления укрепить свою военную мощь и приумножить богатства. Меня не единожды охватывало в этой стране чувство отчаяния. Японцы слишком привержены мирским благам и совсем не думают о вечности. Тем не менее именно это разжигает мое проповедническое рвение. Мне предначертано возвратиться в Японию только во имя того, чтобы преодолеть все трудности, встающие на пути приручения этих диких, неподатливых зверей. В моих жилах течет кровь деда, завоевавшего Вест-Индию и снискавшего благосклонность короля Карла V. Я унаследовал кровь и Васко де Бальбоа, моего двоюродного деда по материнской линии, – он был правителем Панамы. Мои предки – гордость нашей семьи – покоряли страны огнем и мечом, а я хочу покорить Японию Словом Божьим. Во мне течет их кровь – кровь моих предков, и да поможет мне Господь отдать свою кровь во благо Японии...

Ярко светит луна. Ночное море сверкает. В десять часов тушат все фонари, кроме самых необходимых, на освещенной лунным светом палубе отчетливо виден каждый, самый мелкий предмет.

«Господи, сделай меня пастырем людей этой страны. Прими мою кровь во благо Японии, как Ты отдал свою во благо людей».

В течение ночи состояние раненых ухудшилось. Из большой каюты наконец удалось вычерпать воду, и часть японцев, которым все это время приходилось жить в коридоре, смогли вернуться в нее, но этих двоих тронуть с места нельзя.

После полудня купец Яхэй умер. Вслед за ним умер Сэйхати, слуга Рокуэмона Хасэкура. Японцы до самой смерти своих товарищей стояли рядом с ними и негромко читали сутры, рассказывая, что их ждет в «гокураку» – по-нашему, в рай. Таков обычай. Товарищи Сэйхати провожали его в последний путь, горестно склонив головы, а их хозяин Хасэкура со слезами на глазах накрыл мертвеца кимоно и читал сутры. Этот невидный посланник, кажется, весьма добр к своим людям.

По приказу капитана усопшие были преданы морю. Все японцы, как и во время экзекуции, собрались на палубе, выстроилась там и испанская команда. Послеполуденное море было спокойное, но печальное. Обычно в таких случаях капитан или священник, находящийся на борту корабля, читает молитву, но поскольку японцы не христиане, Монтаньо и я препоручили им церемонию прощания.

Один из купцов, видимо сведущий в буддийском учении, прочел несколько сутр, прозвучавших для меня как какое-то заклинание, остальные вторили ему; после этого усопших предали морю. Волны поглотили их, печальное море осталось невозмутимым, будто ничего не случилось, и, после того как все покинули палубу, лишь Хасэкура и его люди еще долго оставались там. Наконец и они спустились вниз, оставив одного Ёдзо, который подошел ко мне, с любопытством наблюдавшему за происходящим.

– Вы помолитесь за Сэйхати? – нерешительно спросил он меня. – Очень прошу вас.

Я удивился и, чтобы выведать, почему он обратился ко мне с такой просьбой, ответил:

– Христианская молитва помогает лишь христианам, а вам она может доставить лишь тяготы.

Ёдзо печально посмотрел на меня. Я понял, что он не в силах выразить то, что хотел бы, а когда я стал на латыни читать молитву, он сложил руки и, глядя на море, что-то шептал.

Requiescant in pace...

Море, поглотившее умерших, было спокойным, словно ничего не произошло, над волнами проносились летающие рыбы. Хлопали паруса, далеко на горизонте клубились обведенные золотой каймой облака.

– Я... – прошептал Ёдзо, – я хотел бы послушать ваши рассказы о христианстве.

Я с удивлением посмотрел на него.

Сегодня наш корабль преодолел половину пути.

Глава IV

Корабль, изрядно потрепанный штормами, едва продвигался вперед, японцы были измотаны до предела. Пресной воды не хватало, из-за нехватки овощей началась цинга.

Примерно на шестидесятый день плавания прилетели две птицы, похожие на бекасов, и уселись на мачте. Испанская команда и японские матросы радостно закричали. Появление этих птиц указывало на близость земли. Клювы у птиц были желтые, крылья – коричнево-белые; отдохнув, они пролетели над самой кормой и скрылись.

К вечеру слева появились горы. Это был мыс Мендосино. Гавань там отсутствовала, и корабль встал на внешнем рейде; была спущена шлюпка, в которую сели пятеро испанских и столько же японских матросов – они отправились, чтобы пополнить запасы пресной воды и провианта. Понимая, сколь это опасно, капитан Монтаньо запретил остальным японцам высадку на берег.

На следующий день корабль поплыл дальше на юг. Получив вволю воды и овощей, люди на борту ожили и наконец снова смогли наслаждаться путешествием по спокойному морю. Утром на десятый день после того, как корабль покинул мыс Мендосино, они увидели вдали берег, поросший лесом. Это была Новая Испания, которую японцы видели впервые в жизни. Собравшиеся на палубе японцы радостно кричали, некоторые даже плакали. Хотя они покинули родину всего лишь два с половиной месяца назад, им казалось, что путешествие длится вечно. Они похлопывали друг друга по плечу, радуясь, что трудное плавание наконец завершилось.

На следующий день корабль приблизился к берегу. Стояла страшная жара. Яркие лучи солнца освещали белое песчаное побережье, холмы за ним были покрыты аккуратными рядами невиданных деревьев. Японцы спросили у испанцев, и те объяснили, что это оливы, плоды которых съедобны и из них делают масло. Загорелые, обнаженные до пояса местные жители – мужчины и женщины – с громкими криками выбежали из оливковой рощи.

Сначала остров показался крохотным. Но по мере приближения он все увеличивался, стало видно, как волны с шумом разбиваются об утесы, поросшие густой зеленью. Над кораблем, медленно огибавшим остров, пока мыс не оказался у него за кормой, летали морские птицы. Весь остров был покрыт оливковыми деревьями.

– Акапулько! – раздался с марса ликующий возглас.

Матрос указал рукой на горловину бухты. Толпившиеся на палубе испанцы и японцы радостно закричали. Испуганные птицы взмыли в небо. Посланники, выстроившись в ряд, неотрывно смотрели на бухту. Это был порт чужой страны, увиденный ими впервые в жизни. Земля горной страны, на которую они ступали впервые в жизни. Лица Танаки и Самурая были серьезны и сосредоточенны, у Ниси блестели глаза, Мацуки, скрестив руки на груди, всем своим видом выражал недовольство. В бухте царил тишь. Гавань больше Цукиноуры, откуда отплыл их корабль, но судов в ней почему-то не было. Бухту окаймляла песчаная отмель, а за ней возвышалось единственное белое строение. Его окружала крепостная стена с бойницами, но ни единой живой души не было видно. Корабль бросил якорь.

Испанцы опустили на колени. Веласко поднялся на верхнюю палубу и, став к ним лицом, осенил их крестным знаменем. Среди японских купцов некоторые тоже сложили пальцы, готовые перекреститься.

– Осанна! Благословен грядущий во имя Господне!

Молившую Веласко заглушало галдение птиц. Легкий бриз ласкал лица. После окончания молитвы капитан, помощник и Веласко сели в шлюпку и направились к форту, чтобы получить разрешение сойти на берег.

Дождаясь их возвращения, оставшиеся на борту, страдая от жары, лениво разглядывали расстилавшийся перед ними пейзаж. Солнце нещадно палило. Тишина, царившая на берегу, сильно беспокоила японцев. Им почему-то казалось, что они здесь нежеланные гости.

Капитан и его попутчики долго не возвращались. Два испанца, члены команды, сели в другую шлюпку и поплыли, чтобы узнать, в чем дело. Палящие лучи солнца заливали палубу, и японцы, не в силах вынести жару, спустились вниз. Через три часа пришло сообщение, что сойти на берег разрешено только испанцам. Комендант форта Акапулько, не обладая полномочиями разрешить высадку неожиданно прибывшим японцам, отправил гонца в Мехико, к вице-королю Новой Испании.

Раздался ропот недовольства. Во время долгого путешествия и посланники, и купцы в конце концов поверили, что в этой стране уже готовы к их приему, встретят их с распростертыми объятиями и все пойдет наилучшим образом. Они никак не могли понять, почему только японцы должны остаться на корабле.

Вечером, когда жара спала, палубу стал овеять прохладный ветерок и стайки птиц начали носиться над кораблем, вернулся капитан с попутчиками. Посланники от имени японцев потребовали от Веласко объяснений.

– Для беспокойства нет никаких оснований. – На лице Веласко появилась его обычная улыбка. «Для беспокойства нет никаких оснований» – это тоже было его любимое выражение. – Завтра

и вы сможете сойти на берег.

– Его светлость построил для вас, испанцев, этот огромный корабль, на котором вы прибыли сюда, – не сдавался Тародзаэмон Танака. – Вы должны понять, что неуважительное отношение к нам означает неуважение к Его светлости и Совету старейшин.

– Но мне известно также, что Его светлость и Совет старейшин, – Веласко согнал с лица улыбку, – предложили вам по прибытии в Новую Испанию полностью следовать моим указаниям.

На следующий день испанская команда первой сошла на берег. А после полудня комендант форта приказал индейцам перевезти на берег японцев и их груз. На побережье выстроились вооруженные солдаты, с опаской разглядывавшие чужеземцев, сходящих на берег.

Четверо посланников в сопровождении капитана, его помощника и Веласко торжественно направились к форту, за которым возвышались холмы, поросшие оливами. Стены форта были оштукатурены, его окружала крепостная стена с бойницами. В нишах стены стояли горшки самой разнообразной формы, в них огнем пылали ярко-красные цветы.

Пройдя через охраняемые солдатами ворота, они оказались во дворе. Он был со всех сторон окружен строениями, и у каждого из них стояло по два караульных. Посланники молча шли по выложенной каменными плитами дорожке; отовсюду доносился аромат цветов, слышалось жужжание пчел. По сравнению с замком Его светлости форт выглядел убогим, его можно было назвать скорее не крепостью, а укрытием.

Комендант, уже довольно пожилой, вышел встретить посланников. Он обратился к ним с длинной приветственной речью, из которой они не поняли ни слова, и, пока Веласко переводил, комендант бесцеремонно разглядывал японцев. Приветствие, переведенное Веласко, представляло собой набор высокопарных фраз, выражающих радость по случаю их прибытия, но по его смущенному лицу Самурай догадался, что приезд японцев не доставляет коменданту особого удовольствия.

По окончании церемонии гости были приглашены на обед. В столовой их ожидали жена коменданта и несколько офицеров, которые рассматривали японцев, как диковинных зверей, и перглядывались. Тародзаэмон Танака, боясь осрамиться, сердито поводил плечами, Кюскэ Ниси уронил на пол нож и вилку, которыми пользовался впервые.

За столом комендант и его жена вежливо расспрашивали посланников о далекой стране Японии, Веласко старательно переводил, но вскоре испанцы заговорили о своих делах и о японцах, не понимавших ни слова, совершенно забыли, будто их и не было.

В полном изнеможении посланники вернулись наконец на корабль. В Акапулько не было ни постоянного двора, ни монастыря, где бы они могли переночевать, поэтому сошедшим на берег купцам тоже пришлось возвратиться на корабль, в свою большую каюту. Посланники, достоинству которых – как они считали – нанесен серьезный ущерб, были рассержены. Вечернее солнце нещадно светило в окна, и в каюте стояла нестерпимая духота. Не успев войти, Танака сразу же отругал Ниси за недостойное поведение, без конца повторяя, что южные варвары обошлись с ними невежливо и во всем виноват Веласко.

– Я не уверен, что Веласко достаточно точно сообщил о намерениях Его светлости и Совета старейшин.

– Ругать Веласко теперь нет никакого смысла. – Мацуки, как обычно, всем своим видом показывал, что ему все было известно заранее. – Я понимал это с самого начала.

– Что понимали?

– Намерения Веласко. Подумайте сами. Ему просто невыгодно, чтобы все шло гладко, без сучка и задоринки. Быть просто переводчиком – такая перспектива его мало привлекает, слишком незначительная роль. Но если все время приходится преодолевать бесчисленные трудности, Веласко необходим – всегда и везде. Если мы сможем выполнить свою миссию только благодаря Веласко, то и Совет старейшин не сможет отвергнуть его требований.

Танака взорвался потому, что не смог унять беспокойства. Такое же беспокойство испытывал и Самурай. Он понял, что здешний комендант не имеет полномочий принять послание Его светлости и дать разрешение японским купцам вести торговлю, а по атмосфере, царившей во время обеда, догадался: в Новой Испании совсем не рады тому, что японцы переплыли море и появились здесь. При таких обстоятельствах, если даже они прибудут в Мехико, к вице-королю, с ними обойдутся точно так же, как здесь. Не исключено, что послание Его светлости вообще не примут, а

купцы, погрузив свои товары на корабль, вернутся домой ни с чем. В таком случае посланники будут опозорены, и придется навсегда расстаться с надеждой, что им возвратят их старые владения. А может быть, как предрекает Мацуки, также будут безвинно наказаны все остальные незнатные самураи.

Прошел день. На следующее утро Веласко, капитан, его помощник и посланники сели на лошадей, поданных по приказу коменданта, и покинули Акапулько, их слуги с пиками и знаменами шли пешком, сопровождая купцов и тяжело груженные повозки. Эта необычная процессия двинулась вперед под звуки холостых залпов провожавшего ее гарнизона форта.

Новая Испания, которую они увидели впервые, поразила их жарой, ослепительной яркостью и белизной. Вдали тянулась гряда гор, словно засыпанных солью, кое-где возвышались гранитные скалы, перед ними расстилалась бескрайняя пустыня, поросшая огромными кактусами. Им попадались глинобитные, крытые ветками хижины. Это были жилища индейцев. Полуголые дети, завидев приближающуюся процессию, поспешно прятались. Японцев поражали черные длинношерстные животные, которых пасли дети. Они никогда не видели ни таких животных, ни кактусов.

Горы тянулись нескончаемо. Солнце палило нещадно. Покачиваясь на лошади, Самурай вспоминал Ято. Там тоже скудость природы, но здесь она совсем иная. В Ято – зеленые леса, поля, протекает речушка. А здесь воды нет, из земли торчат какие-то колючие шишковатые растения. Ехавший рядом с Самураем Ниси сказал:

– Первый раз в жизни вижу такое.

Самурай кивнул. Он пересек бескрайнее море. А сейчас едет по непривычной для него пустыне. Все это казалось ему сном. Неужели он и в самом деле попал в страну, неведомую его отцу, неведомую его дяде, неведомую его жене? «Не сон ли это?» – подумал он.

На десятый день, незадолго до полудня, показалась деревня. На склоне горы, точно рисинки, были разбросаны белые домики, и среди них высилась церковь.

– Вот деревня, – указал пальцем Веласко с лошади, – которая радует Господа.

По его словам, это была новая деревня, построенная для индейцев, коренных жителей Новой Испании, в ней испанские священники проповедуют индейцам христианское учение, они живут здесь, сообща владея всем, включая землю. В Новой Испании такие деревни называются редукциями [¹⁹] и теперь создаются повсеместно.

– Староста избирается самими жителями деревни, там нет ни трудовой, ни воинской повинности. Время от времени приезжает падре, но не только затем, чтобы нести Слово Божье; он обучает индейцев самым разным вещам: как ходить за скотиной, ткать, обучает испанскому языку.

Веласко посмотрел на японцев, пытаясь понять их реакцию. Деревня была одной из достопримечательностей, которые Веласко хотел показать японцам в Новой Испании. Он сам предполагал когда-нибудь создать в Японии подобную деревню, где бы не было ни трудовой, ни воинской повинности и где люди бы жили в достойной бедности и труде, следуя учению Господа. Однако купцы, которые без остановки шли с самого утра, были настолько измотаны, что смотрели на нищую деревеньку без всякого интереса и любопытства. Наконец путешественники добрались до нее – жители, с волосами до плеч, заплетенными в косы, испуганно столпились в конце мощенной камнем дороги и со страхом смотрели на вступающих в деревню японцев. Собаки залаяли, овцы разбежались с громким блеянием. Не успели японцы попить из колодца на площади и отереть пот, как к ним подошел приведенный Веласко старик и поздоровался. – Я привел старосту.

Веласко обнял старика за плечи и подвел к японцам. В отличие от остальных жителей деревни на нем была зеленая соломенная шляпа, держался он скованно, как перепуганный ребенок.

Веласко, словно заставляя ребенка повторять урок из катехизиса, спросил:

– Все жители деревни христиане?

– Си [²⁰], падре.

– Вы рады, что отказались от ошибочной веры предков и следуете учению Божьему?

– Си, падре.

---

¹⁹ *Редукции* – территории, отводившиеся испанскими светскими и церковными властями для насильственного переселения индейских племен Латинской Америки.

²⁰ Да (*исп.*).

Веласко разговаривал со старостой, переводя на японский свои вопросы и его ответы.

– Чему вы научились у падре, которые приезжают сюда?

– Си, падре. Читать и писать. Разговаривать по-испански. – Староста отвечал, опустив голову, бубня под нос заученный текст. – Сеять зерно, обрабатывать поля, дубить кожу.

– Вы рады этому?

– Си, падре.

В деревне прокукарекал петух, голые ребятишки, столпившись в дальнем конце площади, опасливо следили за происходящим, напоминающим судилище.

– Мы... – Веласко повернулся к японцам. – Мы создали в Новой Испании множество таких Божьих деревень. Все индейцы, принявшие христианство, счастливы.

Он положил старику руку на плечо, словно демонстрируя их взаимную любовь и сочувствие.

– Впервые, наверное, видишь японцев?

– Но, падре.

Среди японцев раздались возгласы удивления. Даже без перевода они поняли, что означает «но, падре». Но они не могли поверить, что кто-то из японцев еще до них побывал в этой далекой стране. И те, кто отирал пот, и те, кто пил воду, – все стали прислушиваться к разговору Веласко со стариком, который все больше походил на спор.

– Старосте неведомы, я думаю, различия между китайцами и японцами. Возможно, это был китаец, – пожал плечами Веласко. – Но он утверждает, что два года назад в их деревню приезжали падре-испанец с монахом-японцем. И этот монах якобы научил их выращивать рис...

– Может, спросить, как его звали? – предложил кто-то. – По имени легко определить, японец это или китаец.

Как ребенок, которого только что отругали, староста отрицательно качал головой. И сколько его ни спрашивали, ничего добиться не смогли. Он даже не помнил, к какому ордену принадлежал этот монах, откуда он приехал – из Мехико или из другого места.

Выезжать нужно было засветло. Староста угостил японцев едой, именуемой тортилья, – это были маисовые лепешки, напоминающие такие же японские, но сделанные из риса, в которые был завернут сыр, похожий на японский соевый творог тофу. Еда издавала резкий непривычный запах, и японцы с трудом глотали ее.

Снова выстроившись в цепочку, путники спустились с горы. Потянулся все тот же монотонный пейзаж. На пересохшей от палящих лучей солнца земле, точно надгробия заброшенных могил, высились агавы и кактусы. В туманной дали виднелись лысые горы. Мошкар с громким жужжанием облепляла потные лица путников.

– Неужели где-то здесь и вправду живет японец? – отгоняя мошек, спросил Ниси, повернувшись к Танаке.

– Хотел бы я встретиться с ним, – сказал Самурай, оглядывая бескрайнее плато. – Но наше путешествие не увеселительная прогулка в горы. Мы не можем позволить себе отклоняться в сторону.

Примерно через два часа после того, как они покинули деревню, над одной из ближайших голых гор показался черный столб дыма. Капитан и Веласко остановили путников и некоторое время смотрели в ту сторону. Вдруг такой же столб дыма появился в другом месте. Издалека можно было различить маленькую фигурку обнаженного по пояс индейца, который, точно ловкий зверь, перескакивал со скалы на скалу.

Путники двинулись дальше. Обогнув гору, они увидели с десятков обгорелых хибарок, от которых остались лишь закопченные стены. Вокруг торчали черные, опаленные огнем голые деревья. И ни живой души.

– Я предполагал заехать в Таско, – сказал Веласко японцам, глядя на развалины. – Но, пожалуй, лучше переночевать в ближайшей редуции. – Он изобразил на лице свою обычную снисходительную улыбку. От него исходил еще более сильный запах, чем обычно. – А те дымы, я думаю, сигнальные костры индейцев, которые все еще не прониклись расположением к испанцам. Через семь дней, надеюсь, мы уже будем в Мехико.

Ночь мы провели в деревне Игуала. Нам пришлось сделать это потому, что всю дорогу нас сопровождали сигнальные дымы индейцев. То было дикое племя, не ве-

дающее Бога, которое нас ненавидит. Опасаясь беды, мы решили не заезжать в Таско. Через неделю мы прибыли в солнечный Мехико.

Когда с холма перед нами раскинулся этот прекрасный город, японцы умолкли, потрясенные. Даже любопытные купцы и те притихли. Правда, холодный прием, оказанный японцам в Акапулько, неприятно поразил их, и я чувствовал, что среди них растет недовольство. Но все же посланники выстроили своих людей, и те с пиками и знаменами чинно сопровождали их.

Мы прошли через городские ворота и оказались на омытой дождем площади, где раскинулся рынок, – там толпились мужчины и женщины, продававшие свои товары. Их так поразила процессия японцев, которых никто до этого в глаза не видел, что люди, забыв о торговле, побросав товары, устремились за нами.

Вышедшие навстречу братья нашего ордена проводили нас в монастырь Святого Франциска. Японцы, которым пришлось из жаркой низины подняться на гору к монастырю, очень устали. Они жаловались, что им трудно дышать – в атмосфере Мехико действительно мало кислорода, – у некоторых кружилась голова. После еды (испанская пища, по-моему, им мало подходит – они избегают мяса, запрещенного буддизмом, и ограничиваются рыбой и овощами) все отправились поспать. Посланники тоже выглядели изможденными и после ужина, поклонившись настоятелю Гуадалкасару и братьям, разошлись по своим комнатам.

– Минутку, – сделал мне настоятель знак, как только японцы удалились. – Нам нужно поговорить.

Когда мы вошли в келью, все убранство которой составляли лишь образ, соломенный тюфяк и распятие на стене, на его лице впервые появилась растерянность.

– Мы сделали для вас все, что было в наших силах. Однако вице-король Акунья до сих пор не дал согласия принять японских посланников.

Получив письмо, отправленное мной через коменданта форта Акапулько, настоятель постарался убедить вице-короля и других влиятельных людей Мехико оказать японским посланникам подобающий прием. Однако вице-король до сих пор колеблется, не зная, следует ли дать им официальную аудиенцию.

– Причина в том... – настоятель глубоко вздохнул, – что есть люди, противящиеся вашим планам.

– Я в этом не сомневался.

Даже не спрашивая, я прекрасно знал, кто выступает против. Это были местная знать и крупные торговцы, заключающие сделки с испанскими купцами из Манилы. Они опасались, что, если Япония, минуя Манилу, будет торговать непосредственно с Новой Испанией, это помешает росту их прибылей. А за всем этим, как настоятелю должно быть известно, стоят иезуиты, которых не радует проникновение в Японию нашего ордена.

– Они утверждают, что поданное вами ходатайство... полно лжи.

– В чем же?..

– Вы писали, что король японцев будет охотно допускать в страну миссионеров. Однако, по донесениям из Манилы, японцы не приветствуют христианство, следовательно, вы исказили факты...

– Политическая обстановка в этой стране неустойчива – это безусловно, – почти закричал я неожиданно для себя. – Там происходят серьезные междоусобицы, правитель, предпринявший поход в Корею, лишился власти, и новый сёгун укрепляет свое могущество. Без его одобрения мы бы не смогли предпринять это морское путешествие и добраться до Мехико.

– Что касается Японии... – настоятель сочувственно улыбнулся мне, – вы знаете о ней гораздо больше, чем мы. Мы должны верить тому, что вы говорите.

Добрый настоятель высказал лишь опасение, что я могу стать посмешищем и к моим словам не будут прислушиваться. Глядя на этого слабого духом человека, я вспомнил оставшегося в Японии моего товарища, отца Диего. Неужели отец Диего, у которого всегда красные, будто заплаканные глаза, до сих пор не покинул Эдо?

Расставшись с настоятелем, я вернулся в предоставленную мне комнату и зажег

свечу. Я предполагал, что наши противники будут плести интриги. Я и не надеялся, что все пойдет гладко. Иезуиты не лгут, что в Японии действительно начались гонения на христиан, а найфу и сёгун не одобряют деятельности миссионеров. Но это не означает, что мы должны отступить и отдать эту страну во власть дьявола и язычества. Миссионерство – та же дипломатия. Оно подобно завоеванию чужих стран. И миссионерская деятельность заставляет прибегать к хитрости и уловкам, временами к угрозам, а временами идти на уступки – если такие действия помогают распространять Слово Божье, я не считаю их постыдными. Ради распространения веры приходится иногда закрывать кое на что глаза. Завоеватель Новой Испании Кортес, высадившись здесь в 1519 году с горсткой солдат, захватил в плен и истребил бесчисленное множество индейцев. Никому не придет в голову оправдывать его действия с точки зрения учения Божьего. Но не нужно забывать и о том, что благодаря этим жертвам сейчас огромное число индейцев следует христианскому учению, спасено от варварских обычаев и встало на путь, указанный Господом. Никому не дано с легкостью решить, что лучше: оставить индейцев с их дьявольскими обычаями или преподать им Христово учение, закрыв глаза на то, что это сопряжено с определенным злом.

Если мое ходатайство вызовет у вице-короля сомнение и он будет колебаться, следует ли ему дать аудиенцию японским посланникам, я, чтобы успокоить его, вынужден буду прибегнуть к хитрости. Именно для этого я припас неплохой козырь.

Я придумал такую хитрость. В течение трех дней я вместе с посланниками посещал влиятельных людей Мехико – это напоминало выпрашивание милостыни. Раздобревший от спокойной жизни архиепископ встретил нас радушно и с любопытством рассматривал посланников, молча сидевших с характерными для японцев непроницаемыми лицами. Поглаживая полной рукой грудь, он лишь из вежливости задавал вопросы о Японии – было ясно, что эта восточная странанисколько его не интересовала.

Вместо японцев, не умевших говорить по-испански, я, как их представитель, должен был всячески убеждать его, сколь выгодна для Новой Испании торговля с этой страной. Например, корабельные снасти, порох, гвозди, железо, медь, ежегодно отправляемые из Севильи в Акапулько, гораздо дешевле приобретать в Японии, а японцы полны желания покупать шелк-сырец, бархат, шерсть, которые в Новой Испании весьма дешевы. Я убеждал его, что столь необходимое в Новой Испании олово добывается в большом количестве в Японии, близ Нагасаки, в Хирадо и Сацуме, убеждал, как много потеряет Новая Испания, если не установит торговых связей с Японией и вся торговля полностью окажется в руках Голландии и Англии.

– Однако в Японии, – архиепископ согнал с лица улыбку и снова стал потирать рукой грудь, – семнадцать лет назад начались гонения на христиан. Я слышал, они продолжаются до сих пор. Удастся ли посылать туда испанских миссионеров?

Я знал, что и в Новой Испании стало известно о двадцати шести мучениках веры, казненных в Нагасаки в 1597 году.

– Сейчас положение улучшается, – вступился я за японцев. – Новые правители Японии поняли, что торговля и миссионерская деятельность нерасторжимы, и Его светлость, направивший сюда своих посланников, получил разрешение властей не преследовать в своих владениях христиан. Если торговля его княжества с Новой Испанией будет процветать, остальные даймё последуют этому примеру и охотно примут миссионеров. Факт, что японские купцы, совершившие со мной это плавание, прислушиваются к Слову Господа.

Я ждал реакции архиепископа.

– Они хотят принять крещение?

Я встал со стула, поняв, что архиепископ наконец проявил интерес к моему козырю.

– Уверен, что примут.

– Где и когда?

– Здесь, в Мехико, в самом скором времени. Посланники, не понимая, о чем идет речь, сидели в напряженных позах, все с теми же непроницаемыми лицами. Я был рад, что они не знают испанского и не понимают нашего разговора.

– Прошу вас, благословите этих посланников. Архиепископ поднял руку и благословил японцев, и те, ничего не поняв, приняли это. Я надеялся, что раздобревший архиепископ уже завтра расскажет влиятельным людям о крещении японцев, слух распространится и это, несомненно, изменит дурное мнение о Японии. Именно на это я и надеялся.

Вернувшись после визита в монастырь, я собрал купцов.

– Ваши товары, доставленные в Акапулько, вскорости будут привезены в Мехико.

Они обрадовались, но я тут же честно сказал, что продать их будет нелегко. Я им объяснил, что и сюда дошли сведения о преследовании христиан в Японии и власти Мехико не питают особого расположения к японцам. Повергнув их в уныние, я ушел. После моего ухода купцы стали совещаться. Я предполагал – о чем. Молясь, да, именно молясь, я ждал их ответа. Вскоре желтозубый купец, тот самый, который на корабле просил добиться для него одного привилегий в торговле с Новой Испанией, и несколько его товарищей робко вошли в мою комнату.

– Падре, – желтозубый купец заискивающе улыбнулся, – падре, все купцы хотят стать христианами.

– Зачем? – спросил я холодно.

– Потому что мы прониклись благодатью христианского учения.

Запинаясь на каждом слове, он пустился в долгие объяснения, что они чувствуют. Все произошло так, как я и предполагал. Я знаю, что моя хитрость будет осуждена многими добропорядочными христианами. Но для того чтобы превратить Японию в Божью страну, обычные методы не подходят. Пусть эти купцы ради барышей, ради своих торговых сделок примут крещение, Бог все равно не оставит их. Господь никогда не отвернется от тех, кто хотя бы единожды назвал Его имя. Мне хочется верить в это.

Как я и предполагал, вернее, как я и рассчитал, известие о том, что японцы, принимают крещение, от архиепископа дошло до других влиятельных лиц, передавалось монахами и в конце концов распространилось в городе. Каждый, кого я встречал в эти дни, расспрашивал меня, правда ли это. Точно паук, поджидающий жертву, которая должна попасть в сплетенную им сеть, я ждал, когда молва дойдет до вице-короля. И тогда, сгорая от любопытства, преисполненные удовлетворения жители Мехико станут свидетелями торжественного крещения японцев. Вот тогда-то... Тогда все поймут, что я, совершивший столь поразительное деяние, и есть именно тот человек, который должен стать епископом Японии.

«Господи, неужели то, что я делаю, достойно презрения? Я прибегаю к подобным уловкам только ради того, чтобы в один прекрасный день по всей Японии разнеслись восславляющие Тебя гимны, распустились цветы веры. А почва там настолько неблагоприятна и скудна, что приходится прибегать к хитростям. Кому-то суждено запачкать руки. И поскольку никто другой делать этого не хочет, я готов, не колеблясь, ради Тебя вывалиться в грязи».

Однако почему я так привязан к этой стране, к ее людям? Есть же на свете страны, где миссионерская деятельность намного легче. Может быть, Япония привлекает меня потому, что в моих жилах течет кровь предков, которые жаждали покорять далекие острова, далекие материки.

«Япония, чем неподатливее ты будешь, тем больше это поднимет мой боевой дух, я так привязан к тебе, Япония, будто на свете не существует никаких других стран – ты единственная».

«Ищите царства Божьего и правды Его». В день святого Михаила в церкви при

монастыре Святого Франциска в Мехико настоятель Гуадалкасар крестил тридцать восемь японцев. В десять часов утра о предстоящем событии торжественно возвестил колокольный звон – он взмыл в безоблачное небо Мехико, и в монастырь сбежались толпы народа, чтобы увидеть это зрелище. Японцы выстроились в два ряда, каждый держал в руке свечу, и когда оказывался перед настоятелем, тот задавал один и тот же вопрос:

– Веруешь ли ты в Господа нашего, в Его учение и вечную жизнь?

– Верую, – отвечали они.

Множество людей, собравшихся в церкви, слушали эти слова – некоторые упали на колени, другие плакали, – но все как один были тронуты любовью к Богу, которой прониклись чужестранцы, и прославляли Господа. Снова раздался колокольный звон. Прислуживая настоятелю при совершении таинства, я тоже был потрясен до глубины души. Пусть тридцать восемь японских купцов крестились ради выгоды, ради торговых сделок, таинство проникнет в их сердца, всколыхнет их души – в этом нет никакого сомнения. Японцы один за другим становились перед настоятелем на колени, он кропил их святой водой, и они возвращались на место с просветленными лицами. Я от всей души молился за них.

Настоятель Гуадалкасар подготовил специально для них проповедь; он сказал, что в Новой Испании многие индейцы сейчас благодаря испанцам отказались от своих варварских обычаев и языческих верований и пошли по пути, указанному Богом. Так же и эти тридцать восемь японцев, отринув язычество, встали на путь истинный. Вместе со всеми верующими он будет молиться, чтобы Япония как можно скорее стала страной Господа. Настоятель осенил себя крестным знаменем, шум в церкви мгновенно стих, все встали на колени и склонили головы.

Стоя у алтаря, я не спускал с посланников глаз. Им были отведены места в третьем ряду, но Мацуки среди них не было. Ниси следил за церемонией с неподдельным любопытством и интересом, Танака и Хасэкура, скрестив руки на груди и не поворачивая головы, лишь поводя глазами следили за происходящим. И только место Мацуки пустовало, свидетельствуя о его решительном, демонстративном протесте.

После церемонии я сказал Танаке и Хасэкуре, указывая на купцов, окруженных толпой и утопающих в море цветов:

– Может быть, вы думаете, что ваши купцы страдают? Нет, жители Мехико принимают их как друзей. Торговые операции пойдут у них теперь значительно успешнее.

Оба посланника молчали.

– Но этого мало. Я уверен, что сегодняшняя церемония послужит и тому, что вице-король Новой Испании даст согласие на широкую торговлю с Японией...

Моя издевка заставила Танаку отвести глаза, Хасэкура выглядел растерянным.

Благодаря рекомендации архиепископа, на которого крещение японцев произвело самое благоприятное впечатление, беседа вице-короля с посланниками состоялась раньше, чем я предполагал. Когда я сообщил им, что они будут приняты, посланники очень обрадовались – даже Мацуки первый раз за все время изобразил на лице некое подобие улыбки.

В субботу, в день встречи, посланники сели в экипаж, присланный за ними вице-королем, их сопровождали слуги с пиками и знаменами. Я ехал вместе с ними в экипаже. Молва о недавнем крещении японцев распространилась по городу, и по дороге в резиденцию вице-короля люди махали нам руками и громко приветствовали. Однако посланники держались напряженно, и даже приветственные возгласы не смогли смягчить их.

Когда экипаж въехал в ворота резиденции вице-короля, находящейся в центре Мехико, и, проследовав сквозь строй величественных гвардейцев, остановился у парадного подъезда, их напряжение возросло еще больше, а у младшего, Ниси, даже дрожали колени – я это почувствовал. В зале аудиенций, украшенном поблескиваю-

щими доспехами и пиками, их ждал вице-король и два его секретаря. Величественность вице-короля подчеркивали усы и эспаньолка, выделявшиеся на худом лице. Он недоуменно пожал плечами, когда посланники, не обратив внимания на его протянутую руку, по японскому обычаю лишь склонили головы.

Контраст между традиционным, сдержанным японским приветствием посланников и напыщенным, в испанском стиле, приветствием вице-короля был несколько комичен. Хотя по своему характеру оба эти народа совершенно различны, они одинаково привержены соблюдению ритуала, отличающимся показным почтением и напыщенностью. Вице-король выразил глубокую благодарность за то, что король Японии проявил заботу об испанцах, потерпевших кораблекрушение, и отправил их на родину, поздравил с благополучным прибытием японского корабля в Новую Испанию, пожелал процветания Японии и Новой Испании. После его многословного приветствия Хасэкура представил членов миссии и, благоговейно держа в воздетых над головой руках послание князя, направился к вице-королю. Оба, не замечая комичности происходящего, сохраняли полную невозмутимость.

– Мы сделаем все, чтобы японские посланники как следует отдохнули в Мехико, – сказал вице-король, но от ответа на главный вопрос уклонился.

Время шло, на лицах посланников появилось недоумение, и обладавший острым умом Мацуки, не вытерпев, заявил, что хотелось бы услышать ответ на послание Его светлости.

– Я не обладаю полномочиями, чтобы ответить на полученное послание, – в замешательстве сказал вице-король. – Но я твердо обещаю передать ваши пожелания в Мадрид.

Посланники удивленно посмотрели на меня. На их лицах появилось беспокойство, как у детей, обращающихся за помощью к взрослому.

– Я думаю, японцам хотелось бы знать, когда придет ответ из Мадрида? – спросил я вместо посланников.

– Все зависит от возникших проблем, и, если принять в расчет время на обсуждение, я думаю, это займет примерно полгода, – пожал плечами вице-король. – Вам, святой отец, должно быть известно, что торговля Новой Испании с Востоком неотделима от миссионерской деятельности, так что следует учитывать и точку зрения Его святейшества Папы.

Разумеется, я знал об этом. Было мне хорошо известно и то, что вице-король не имеет полномочий разрешить торговлю с Японией. Именно потому я и приехал вместе с японскими посланниками в Новую Испанию. Однако я сделал вид, что обескуражен ответом вице-короля, и передал его японцам. Моя цель состояла в том, чтобы вызвать у них растерянность, поставить в затруднительное положение и вынудить действовать в соответствии с моим замыслом. Потому-то я и прибег ко лжи:

– Вице-король сказал, что ответ из Испании может прийти не ранее чем через год.

– Через год? Ждать целый год?

Кажется, мне удалось выбить у посланников почву из-под ног. Я обернулся к вице-королю, всем своим видом выражая смущение.

– Посланники считают, что полгода слишком большой срок. Они говорят, что сами отправятся в Испанию и передадут испанскому королю пожелание короля Японии...

– Никаких препятствий к этому нет...

Поняв, что вице-король сам желал бы поскорее избавиться от этих надоедливых японцев, я подлил масла в огонь:

– И можно рассчитывать на ваше содействие? Я имею в виду предоставление возможности поехать в Испанию.

– Если посланники пожелают, я препятствовать не буду. Но мне бы хотелось, чтобы вы объяснили им, сколь опасен путь из Мехико на восток Новой Испании.

– Чем же он опасен?

– Вам это не известно? Недалеко от Веракруса подняли мятеж индейцы. А дать

охрану я не могу.

Я слышал об этом впервые. Для того чтобы попасть из Новой Испании в Испанию, переплыв Атлантический океан, нужно было прежде всего добраться до порта Веракрус. А тут, оказывается, в окрестностях Веракруса индейцы жгут деревни, разрушают гасиенды, убивают даже священников!

– Мы не можем оставаться здесь целый год, – наступал на меня ничего не понявший Танака. – Совет старейшин приказал нам вернуться к зиме.

– Я скажу об этом вице-королю. Разумеется, я не перевел вице-королю слова Танаки. И стал быстро соображать, как поступить. Целью предпринятого мной путешествия было сделать так, чтобы наш орден, а не иезуиты, получил единоличное право распространения веры в Японии, а для себя добиться назначения епископом. Ради этого, презрев опасности, я должен отправиться в Испанию. Ведь рукоположить меня в епископы может лишь кардинал Испании.

– Зная об опасностях, японцы готовы ехать в Веракрус. Всю ответственность они берут на себя, – солгал я и на этот раз вице-королю. – Хотелось бы обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Хотя в Мехико и существуют противники установления торговых отношений с Японией, торговля с ней не лишена смысла. Как известно, наши враги Англия и Голландия изо всех сил стремятся к торговле с Японией.

Я горячо убеждал вице-короля, как до этого архиепископа, что, поскольку в Японии (по весьма низким ценам) можно получить большое количество добываемого там олова и серебра, протестантские государства Англия и Голландия все больше интересуются этой страной, но король Японии заинтересован в торговле не с испанской колонией на Филиппинах, а с Новой Испанией и, наконец, что в торговлю Японии с Манилой беспрерывно вмешиваются иезуиты, поэтому в дальнейшем предпочтительнее, чтобы в качестве посредника выступил наш орден.

– Я был бы вам весьма признателен, если бы вы как можно скорее сообщили в Испанию, что именно францисканцы способствовали в Мехико крещению японцев.

Глаза вице-короля, до сих пор совершенно равнодушные, впервые сверкнули.

– Мой доклад не будет содержать для вас ничего дурного, – похлопал он меня по плечу. – Мне кажется, вы, падре, ошиблись в выборе жизненного пути. Вам следует быть не миссионером, а дипломатом.

Мне было искренне жаль посланников, в унынии покидавших резиденцию вице-короля, но я благодарил Бога и был полностью удовлетворен беседой. К сожалению, японцы были убеждены, что в Новой Испании их встретят с распростертыми объятиями, что послание Его светлости будет воспринято доброжелательно и с полным пониманием.

На улицах Мехико наш экипаж снова встречали приветственными криками.

– Иного выхода нет, – обратился я к удрученным японцам, – наверное, мне придется одному отправиться в Испанию. Надеюсь, я вернусь с хорошими вестями.

Они промолчали. И не потому, что сердились, – просто еще не знали, как поступить. Шаг за шагом они все дальше шли в избранном мной направлении...

Когда расстроенные посланники вернулись в монастырь и выходили из экипажа, от встречавшей их толпы отделился какой-то индеец и с силой потянул Самурая за рукав. У него были длинные, почти до пояса, косы, глаза блестели. Он что-то быстро зашептал остановившемуся в недоумении Самураю. Тот не разобрал в гомоне его слов, и тогда он повторил:

– Я... японец.

Пораженный Самурай не смог вымолвить ни слова. В деревне, где они ночевали по дороге из Акапулько в Мехико, говорили, что где-то здесь живет японец, но ему и в голову не могло прийти, что встретит его так скоро и в столь неожиданном месте. Точно наслаждаясь исходившим от Самурая и его одежды запахом Японии, мужчина застыл, крепко ухватившись за рукав. Потом застонал, и глаза его наполнились слезами.

– Я живу в деревне Текали, – быстро заговорил он. – Но очень прошу, не говорите об этом падре. Я ведь бывший монах, отрекшийся от христианства.

Заметив приближавшегося к ним Веласко, он поспешно сказал:

– Текали недалеко от Пуэблы. Запомните, деревня Текали, – и скрылся в толпе.

Растерявшийся вначале Самурай, наконец опомнившись, стал искать японца глазами и увидел его залитое слезами лицо – он смотрел на Самурая и улыбался.

Когда посланники вернулись к себе и Самурай рассказал о своем разговоре, глаза Ниси покраснели.

– Давайте поедem в эту Текали. Может быть, мы могли бы использовать его как переводчика.

– Ты думаешь, мы сможем поехать туда тайком от Веласко? – усмехнулся, по своему обыкновению, Танака. – Без него мы ничего не сможем сделать. Все идет так, как того хочет он.

– Потому-то нам и нужен собственный переводчик.

– Нет, нам он не подходит, – покачал головой и Мацуки. – Он же сам говорил, что отказался от христианства и падре ничего не должен знать о нем.

Как обычно, когда происходили такие споры, Самурай молча сидел в уголке. Одной из причин, почему он помалкивал, было его косноязычие, играла здесь роль и нерешительность, свойственная людям из Ято. У них всегда брало верх сознание, что спорить друг с другом – значит, прежде всего, доставлять неприятность себе самому. Нужно сначала все как следует обдумать, а уж потом вступать в разговор.

– Выходит, мы связаны по рукам и ногам и должны слепо следовать указаниям господина Веласко?

На вопрос Ниси ни Танака, ни Мацуки ничего не ответили. Они не могли решить, как тут нужно поступить.

– Значит, мы должны здесь, в Мехико, дожидаться его возвращения?

Ниси не унимался, как бы в отместку за то, что Танака всегда ругает его.

– Господин Веласко сказал, что поедет в Испанию один.

– Нет, Веласко совсем не хочется отправляться в Испанию одному, – покачал головой Мацуки. – В глубине души он надеется, что мы поедem вместе с ним.

Посланники очень серьезно отнеслись к словам Мацуки. Хотя Самурая всегда раздражала манера Мацуки вести разговор так, будто собеседник глупец, и злила его постоянная насмешливость, но не признать его острый ум он не мог.

– Откуда вам это известно? – спросил Танака.

– Поставьте себя на место Веласко. Чем плох такой план: вместе с японскими посланниками прибыть в Испанию, пышно и торжественно вступить в столицу, показав всем, каких блистательных успехов он достиг. Он весь как на ладони – вспомните, как он буквально лопался от гордости здесь, в Мехико, при крещении купцов. Испания – родина Веласко. И если он привезет японских посланников к королю, ему удастся прославиться. Вот какова его цель.

– Значит, нам лучше не поддаваться на уговоры Веласко и не ехать с ним в Испанию? – Ниси вопросительно посмотрел на остальных.

– Однако, – пробормотал, будто разговаривал сам с собой, обычно молчаливый Самурай, – наша поездка в Испанию может помочь завязать отношения между Советом старейшин и Новой Испанией, а тогда...

Танака, сидевший скрестив на груди руки, кивнул:

– Хасэкура прав. Какие бы планы ни вынашивал Веласко, наша первая обязанность – выполнить возложенную на нас миссию.

– Об этом еще нужно подумать, все не так просто. – На лице Мацуки снова появилась улыбка. – Совет старейшин приказал нам как можно быстрее все сделать и вернуться на родину. Если мы поедem в Испанию, наше возвращение сильно затянется.

– Если затянется... даже и на два года, главное – успешно выполнить возложенную на нас миссию.

– Может быть, вы, господин Танака, готовы даже принять христианство, если это, как утверждает Веласко, будет способствовать успеху? – саркастически бросил Мацуки, зная особую неприязнь Танаки к христианству.

– А что в этом плохого? – вмешался Ниси. – Купцы ради своей выгоды приняли христианство. Если это послужит успешному выполнению миссии...

– Не говори глупостей. – Тон Мацуки поразил всех. Улыбку точно сдуло с его лица. – Ниси, никакие самые благие цели не должны заставить тебя принять христианство!

– Почему?

– Ты ничего не понимаешь. – Мацуки с жалостью посмотрел на него. – Тебе ничего не известно о борьбе, происходившей в Совете старейшин. Ты вряд ли задумывался над тем, почему для этого путешествия выбрали нас, мэсидаси, самураев невысокого ранга.

– Я этого не знаю. А вам, господин Мацуки, что-нибудь известно?

Ниси и Танака вопросительно смотрели на Мацуки, ожидая ответа.

– Только об этом я и думал на корабле. И, кажется, догадался. Мне пришло в голову несколько объяснений.

– Каких же?

– Прежде всего, это делалось, чтобы покончить с просьбами мэсидаси о возврате старых владений. Несколько они послали в очень трудное путешествие – и если мы погибнем, то это даже к лучшему. А если не погибнем, но и не выполним возложенной на нас невообразимо сложной задачи, они, в назидание остальным, обвинят нас в нерадивости и накажут. Таково намерение Совета старейшин.

– Глупости. – Танака, опершись о колени, встал с кровати. – Господин Сираиси твердо обещал, что, если мы, посланники, хорошо выполним свою миссию, нам будут возвращены старые владения.

– Господин Сираиси? – Мацуки снова улыбнулся. – Но Совет старейшин состоит не из одного господина Сираиси. Там есть люди, которые не одобряют действий Сираиси и его единомышленников. Например, господин Аюгаи. В отличие от господина Сираиси он терпеть не может Веласко и христиан. Господин Аюгаи с самого начала резко противился отправке Веласко переводчиком. Он убежден, что распространение христианства во владениях Его светлости станет в будущем источником серьезных бедствий.

– В таком случае почему даже найфу и сёгун дали разрешение на это путешествие?

– Господин Аюгаи считает, что это ловушка, подстроенная Его светлости сёгуном. Устроена она, он убежден, для того, чтобы рано или поздно уничтожить Его светлость, обладающего огромным могуществом, не уступающим могуществу крупнейших даймё. Именно поэтому Аюгаи и возражал против Веласко, изгнанного из Эдо. Но в конце концов сторонники господина Сираиси взяли верх, и после долгих споров было решено не посылать с миссией высших сановников. Вместо них выбрали нас, мэсидаси.

Мацуки говорил с такой уверенностью, будто лично присутствовал на заседании Совета старейшин. Его логичным рассуждениям не могли возразить ни Самурай, ни молчаливый Танака, ни даже молодой Ниси. Все трое, потрясенные, буквально онемели.

– Это твои собственные догадки? – не вытерпел Танака.

– Конечно, мои собственные.

– Думаю, ты ошибаешься.

– Можешь верить или не верить – твое дело, – насупился Мацуки. – Но я обязан сказать господину Хасэкуре и Ниси: не поддавайтесь одержимости Веласко. Стоит попасть в его сети, и мы неизбежно погибнем. Представьте себе, что к нашему возвращению господин Сираиси утратит свое влияние в Совете старейшин и его сменит господин Аюгаи. С нами поступят совсем по-другому. Во время нашего путешествия мы должны подготовить себя к любым переменам, которые могут произойти во владениях Его светлости.

У Самурая разболелась голова. Спор между Мацуки и Танакой все продолжался. Ему хотелось остаться одному. Тихонько покинув комнату, он прошел по коридору – сиеста еще не окончилась – во внутренний двор. Там на кресте, склонив набок голову, висел худой, изможденный человек. Фонтан выбрасывал струи воды, падавшие вниз с тихим плеском. Вокруг яркими огоньками горели цветы, которых Самурай никогда не видел в Японии.

Прожив жизнь в крохотной долине Ято, которая была единственным ведомым ему миром, он понятия не имел о каких-то политических маневрах, о которых говорил Мацуки. Ему и в голову не могло прийти, что в Совете старейшин идет сложная тайная борьба, ему совершенно недоступная. Он участвовал в этом путешествии, полностью доверяя господину Сираиси.

Он смотрел на пылавшие огнем цветы и слушал плеск фонтана.

«Наверное, придется ехать в далекую Испанию, – прошептал он, вспоминая лицо жены. – У меня нет другого выхода, я обязан верить словам господина Сираиси».

В его душе вспыхнул протест против всезнающего Мацуки. Ему вдруг захотелось решительно возразить.

За его спиной слышались шаги. Тяжело дыша, к нему подошел Ниси.

– Сил нет.

– Все из-за этого Мацуки, – кивнул Самурай. – Он всегда обо всех думает плохо. Терпеть его не могу.

– Господин Мацуки сказал, что один из нас вместе с купцами должен вернуться на родину и обо всем доложить Совету старейшин, а остальные останутся в Мехико. Мы ведь уже выполнили свою миссию – передали вице-королю Новой Испании послание Его светлости. Те, кто останется здесь, будут ждать известий от Веласко, который отправится в Испанию, говорит он.

– Не выполнили мы своей миссии! Господин Сираиси сказал, что задача должна быть выполнена полностью. Я помню его слова. Я не собираюсь поддерживать Мацуки.

– Значит, вы поедете в Испанию? Мне бы тоже хотелось поехать. Может быть, удастся выполнить нашу миссию и собственными глазами увидеть неведомые страны, неведомые города... Так хочется узнать, сколь велик, сколь бескраен этот мир!

Самураю представилось море, где накатывают друг на друга бурлящие волны. Безбрежное море, где не видно ни клочка земли. Молодой Ниси мечтает увидеть мир. Но Самурая угнетала перспектива вступить в этот огромный незнакомый мир. Он устал. Грудь сжало от тоски, от неодолимого желания вернуться домой, в Ято, и он с завистью посмотрел на Ниси.

Во дворе появился Танака. Он пнул камешек – наверное, гнев его еще не остыл.

– Ну и хитрец, – обругал он Мацуки. Но и сам, видимо, не знал, на что решиться. Устало опускаясь на скамейку, заметил вдруг Самурая и Ниси. – Послушай, Хасэкура, что бы там ни говорил этот Мацуки, у нас одна-единственная задача – достойно выполнить возложенную на нас миссию. Не знаю, что происходит в Совете старейшин... Но я отправился в это путешествие только ради того, чтобы нам вернули старые земли.

Танака потупился, лицо его было печально, голос дрожал, казалось, он вот-вот расплачется.

Вечером Самурай зашел к Ёдзо – купцам и слугам, сопровождающим посланников, постелили солому прямо в коридоре, там они и спали.

Увидев Самурая, трое его слуг вскочили, и он, поманив их рукой, увел в конец коридора. Они заметили, что хозяин мрачен, и покорно, как собаки, ждали, что он им скажет.

– Мы обязаны продолжить путешествие. – Самурай прищурился. – Снова переплыть море, чтобы попасть в далекую страну. – Самурай заметил, что Итискэ и Дайскэ дрожат. – Господин Мацуки и купцы останутся здесь, а в конце года на большом корабле вернутся в Цукиноуру, – выпалил он одним духом. – Я же и еще двое посланников... отправимся в Испанию.

Ёдзо молча смотрел на Самурая. Самурай знал, что независимо от того, как поступят Итискэ и Дайскэ, Ёдзо его никогда не оставит. Знал, что, подобно ему самому, Ёдзо никогда не пойдет наперекор судьбе.

Глава V

Я сделал все, что должен был сделать. Мехико я покидал без сожаления. Не только настоятель монастыря, принадлежащего нашему ордену, но и добросердечный архиепископ написали в Мадрид о моих заслугах в распространении веры, о том, что много японских купцов, внявших моим наставлениям, приняли крещение, а вице-король Акунья направил донесение королевскому советнику, в котором сообщал, что торговля с Японией не лишена смысла, поскольку может препятствовать проникновению в эту страну протестантских государств. Для предотвращения интриг иезуитов эти два письма были ценнее любых рекомендаций. Я могу с чистой совестью утверждать, что мое пребывание в Мехико было успешным.

День отъезда приближается, погода прекрасная. Я отслужил мессу в церкви при монастыре и дал святое причастие новообращенным. Конечно, они приняли христианство ради выгоды. Но независимо от того они теперь связаны с Богом. А тот, кто вверил себя Богу, никогда не сможет оставить Его. Благодаря крещению японские купцы

смогли распродать свои товары местным торговцам и закупили большую партию шерсти и тканей. Через четыре месяца, вернувшись с товаром в Японию, они получают немалые барыши.

– Падре, когда мы возвратимся в наш призамковый город, обязательно выстроим церковь и будем ждать вас, – улыбаясь говорили благодарные купцы.

Приятные слова. А тот желтозубый прошептал мне на ухо, что, если я помогу сделать так, чтобы вся торговля шерстью с Новой Испанией оказалась в его руках, он готов отдавать нашему ордену десятую часть выручки. В общем, я не ошибся в своих расчетах. Мне стало радостно от одной мысли о превращении призамкового города в христианский, еще более процветающий, чем Нагасаки.

Однако не все шло гладко. Как я и ожидал, посланники сообщили, что отправятся со мной в далекую Испанию и лишь один Тюсаку Мацуки останется в Мехико и вместе с купцами вернется в Японию. Я предполагал, что он нашептывает посланникам много дурного обо мне, но удивило его решение на полпути отказаться от выполнения возложенной на него миссии. Хотя его действия будут, несомненно, осуждены Советом старейшин, он тем не менее торопится вернуться на родину – видимо, у него есть для этого какие-то причины. Мне даже кажется, что его отправили не в качестве посланника, а для того, чтобы следить за мной и доносить Совету старейшин. Японцы нередко прибегают к таким коварным методам.

С другой стороны, отсутствие Мацуки сослужит мне хорошую службу. Если останутся честный и прямолинейный Рокуэмон Хасэкура, напыщенный, но не такой резкий, как Мацуки, Тародзаэмон Танака и молодой Кюскэ Ниси, в предстоящем путешествии будет легко подчинить их своей воле. Рассчитывая на это, я всякий раз умиротворяю Танаку, когда тот возмущается поведением Мацуки.

Беспокоит меня не это, а мятеж, поднятый ацтеками как раз в тех местах, где проходит дорога на Веракрус. Вице-король сказал, что дать нам охрану не сможет.

Мятеж произошел по вине самонадеянных испанских колонистов, которых здесь называют энкомьендерос. Давно переселившиеся в Новую Испанию, они получили от короля разрешение владеть пахотными землями и пастбищами наравне с испанской знатью, а они, воспользовавшись этим правом, обрекли индейцев на непосильный труд, лишали несчастных пеонов даже тех крохотных земельных наделов, которые они имели. Наш орден всегда выступал против энкомьендерос, теперешний мятеж как раз и явился результатом их произвола. Раньше это племя было мирным и единственным их оружием были камни, но теперь у них есть даже ружья.

В любой завоеванной стране всегда находятся глупцы, подобные этим колонистам. Здешним не хватило ума дать определенные выгоды индейцам и самим пользоваться ими. Не будет преувеличением сказать, что их провал сродни поражению иезуитов в Японии. Пороки в миссионерской деятельности, порожденные навязыванием собственной воли и пренебрежением интересами и чувствами японцев, здесь, в Новой Испании, приобрели иную форму, вылившись во вражду между энкомьендерос и индейцами.

К несчастью, наш путь должен проходить по тем местам, где вспыхнул мятеж. Но я японским посланникам ничего не сказал об этом и попросил монахов хранить молчание. Боялся, как бы посланники не отступились, – что бы я тогда делал?

Последние дни я вспоминаю Послание к коринфянам и размышляю об опасностях, которым подвергался святой Павел, странствуя со своими проповедями. «Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море...» – писал апостол. Он прошел через все это, неся Слово Божие язычникам. Меня, как и Павла, не остановят ни бдение, ни голод, ни жажда, ни стужа, ни нагота. Потому что у меня есть Япония. После прибытия в Новую Испанию каждая молитва заставляла меня почувствовать с новой силой, что эти крохотные острова, напоминающие формой единорога, ниспосланы Господом для покорения, они – поле боя, где я должен сражаться.

За два дня до отплытия гостеприимный настоятель пригласил японцев на про-

щальный обед. Он был похож на пир в Кане Галилейской – купцы, напившись, пели песни. Звучавшие для нашего уха монотонно и заунывно, японские песни показались монахам похожими на индейские. Немного захмелев, японцы впервые за все время разоткровенничались – жаловались, что дышать в Мехико, расположенном на большой высоте, трудно, высмеивали местную еду, отвратительный вкус оливкового масла. Среди посланников самым крепким оказался Танака, он много выпил, но совсем не опьянел; посланники ели, соблюдая японский этикет, чем приводили всех в восторг.

Прощальный обед закончился. Когда все братья, молитвенно сложив ладони, направились из трапезной в часовню, меня остановил Мацуки. Стараясь проникнуть в мысли друг друга, мы стали прощаться.

– Падре, – сказал он мягко, – нам, наверное, не удастся встретиться еще раз.

– Почему же? После завершения миссии я тоже вернусь...

– Нет, в Японию больше не приезжайте.

– Почему же? – Я решительно покачал головой.

– Падре! – Потупившийся Мацуки вдруг поднял голову и просительно посмотрел на меня. – Зачем, падре, вам нужны беспорядки во владениях Его светлости?

– Беспорядки? Ничего не понимаю.

– Мы... Нет, не только мы. Япония до сих пор жила спокойно, а вы, падре, явились, чтобы нарушить наш покой.

– Мы пришли не для того, чтобы нарушать ваш покой. Наоборот, хотим, чтобы вы обрели благодать.

– Благодать? – Лицо Мацуки исказилось, будто он смеялся сквозь слезы. – Ваша благодать нам не под силу. Япония воспринимает ее как нечто непомерно огромное. Слишком сильное лекарство может оказаться ядом. Высшее счастье, о котором вы, падре, говорите, для Японии яд. Приехав в Новую Испанию, я понял это. Новая Испания жила бы спокойно, не прибудь сюда испанские корабли. Благодать, падре, нарушила покой и в этой стране.

– В этой стране... – Я понял, что имеет в виду Мацуки. – Я не отрицаю, было пролито много крови. Но мы искупили свою вину. Индейцы многому от нас научились... Главное – они узнали путь к достижению высшей благодати.

– Вы и Японию, падре, хотите превратить в такую же Новую Испанию?

– Я? Нет, я не так глуп. Я хочу лишь, чтобы Япония получила выгоды, а мне было дано разрешение распространять там учение Христа.

– Япония с радостью будет перенимать у ваших, падре, стран великие знания и мастерство. Но все остальное нам не нужно.

– Что вам даст одно наше мастерство? Что вам дадут одни наши знания? Их бы не было без стремления проникнуться дарованной Господом благодатью.

– Высшая благодать, о которой вы говорите, падре, – Мацуки повторил мои слова, – принесет немала горя нашим маленьким островам.

Ни я, ни он не хотели отступать. Но в конце концов Мацуки умолк и, с ненавистью посмотрев на меня, повернулся и ушел. Я понял, что он прав: с ним мы уже никогда не встретимся.

В день отбытия погода была ясная.

Купцы, собравшиеся у ворот монастыря, прощались с уезжавшими, желали счастливого пути. Трое посланников передали купцам, которые должны были вернуться домой раньше их, письма и подарки для родных. Самурай тоже прошлой ночью написал письма дяде и старшему сыну.

«Пишу кратко. У меня все хорошо, особых новостей нет. Ёдзо, Итискэ и Дайскэ тоже здоровы. К несчастью, еще на корабле умер Сэйхати. Будь внимателен к матери, помогай ей. Нужно бы еще многое сказать тебе, но я должен торопиться, чтобы успеть передать письмо».

Самурай мучило то, что он не выразил и сотой доли переполнявших его чувств. В его памяти всплыло лицо жены, которая, конечно, много раз будет перечитывать это письмо, адресованное Кандзабуро.

Посланники и Веласко сели на лошадей, сопровождавшие их слуги вели тяжело груженных

ослов. Настоятель и монахи вместе с купцами махали им на прощание. В тот момент, когда под лучами палящего солнца Самурай вдел ноги в стремя, к нему неожиданно подбежал Мацуки.

– Послушай, – он прижался к Самураю. – Береги себя, не забывай, что ты должен беречь себя. – Самурай удивился, а Мацуки продолжал: – Совет старейшин палец о палец не ударит, чтобы защитить нас, самураев низкого звания. С той минуты, как мы стали посланниками, нас втянуло в водоворот политики. Теперь ты можешь рассчитывать только на себя.

Самураю были не по душе эти коварные речи. «Я верю Совету старейшин!» – хотел он возмущенно крикнуть в ответ, но сдержался.

Сидя на лошади, он поклонился махавшим рукой монахам и купцам. Среди них, скрестив руки на груди, стоял и Мацуки. От зависти у Самурая сжалось сердце. Они вернутся в Японию! Но, покорно принимавший все, что случалось в Ято, он и сейчас покорно подчинился своей судьбе. За ним, молча ведя ослов, следовали Ёдзо, Итискэ и Дайскэ.

Как и по дороге из Акапулько в Мехико, перед путниками расстилалась все та же пустыня, поросшая агавами и кактусами. По мере того как они спускались с плато на равнину, жара становилась все невыносимее. Индейцы, обрабатывающие поля, бросали работу, дети, пасшие овец и коз, останавливались и удивленно смотрели вслед необычной процессии.

В небе, не голубом, а скорее бесцветно-слюдяном от ярко светившего солнца, медленно плыла огромная птица. Это был впервые увиденный ими кондор. Пустыня сменялась маисовыми полями и оливковыми рощами, а потом снова потянулась пустыня, поросшая кактусами. Там, где были поля, всегда стояло несколько индейских глинобитных лачуг, крытых тростником, на крышах часто сидели огромные птицы.

Японцы проехали несколько прилепившихся к каменистым холмам опустевших, полуразрушенных селений, от которых остались лишь каменные ограды. Сохранились и безлюдные, вымощенные камнем площади, где завывал обычный для этих мест обжигающе-сухой ветер. Слушая его завывание, Самурай вспомнил вдруг полные безнадежности слова Мацуки: «Теперь ты можешь рассчитывать только на себя».

Танака спросил, не от голода ли вымерли эти селения.

– Нет, не от голода, – ответил Веласко чуть ли не с гордостью. – Наш великий предок Кортес с горсткой солдат уничтожил всех индейцев на этих землях.

«Что же в этом хорошего?» – подумал Самурай, покачиваясь на лошади. – Какой я безмозглый, думаю лишь о выполнении своей миссии. Будь здесь отец, он бы обязательно задал такой вопрос».

Показалось пересохшее русло реки, потом – голая, усыпанная огромными камнями гора. Когда они добрались до ее вершины, неожиданно у горизонта возникла еще одна гора – огромная, укрытая белыми облаками. Она была несравненно выше всех гор во владениях Его светлости. Молодой Ниси был так поражен, что даже закричал:

– Она же выше Фудзи?! Веласко сочувственно улыбнулся:

– Разумеется. Ее название Попокатепетль.

– И вправду мир необъятен, – повторил пораженный Ниси уже однажды сказанные им слова.

Пока они, точно муравьи, спускались вниз, огромная гора все время была видна. Но, сколько они ни шли, она не приближалась. Уходя в поднебесье, она безмолвно наблюдала за миром людей. Глядя на эту высоченную гору, Самурай подумал, насколько мелки в этом бескрайнем мире мысли Мацуки. А сам он отправляется в этот бескрайний мир. Будь, что будет, – он отправляется в этот бескрайний мир, неведомый Мацуки.

На пятые сутки под вечер потные, обессилевшие японцы добрались до небольшого городка. Окружавшая его стена была видна издалека. Когда они приблизились к городку, воздух посвежел, стал доноситься аромат деревьев, благоухание цветов, запах жизни. Посланники, так долго ехавшие по безлюдной пустыне, залитой беспощадным солнцем, с удовольствием вдыхали доносившиеся из города запахи, надеясь хотя бы напиться вволю.

– Это город Пуэбла.

Солдаты, охранявшие городские ворота, завидев японцев, в панике скрылись. Веласко, подняв руку, остановил процессию и спешил, чтобы показать солдатам разрешение вице-короля, он не заметил, как посланники переглянулись. Пуэбла. Они уже слышали это название. Совершенно верно, его произнес тот самый японец, похожий на индейца. «Деревня Текали, недалеко от города Пуэбла. Деревня Текали». Он тогда несколько раз повторил эти названия.

Получив наконец разрешение, путники вошли в Город – так же, как Мехико, он начинался с рынка. Прямо на земле, точно каменные изваяния, неподвижно сидели, скрестив ноги, длинноносые индейцы – мужчины и женщины. Они продавали овощи, фрукты, гончарные изделия, длинные серапе^[21], широкополые сомбреро, а между разложенными на земле товарами, звеня колокольчиками, бродили козы. Индейцы, увидев японцев, не удивились, приняв их за горцев. Самурай испытывал щемящую тоску по Ято. «Что сейчас делают жена и дети?» – подумал он. Может быть, тоска его еще сильнее потому, что после долгого путешествия по безлюдной пустыне он добрался наконец до человеческого жилья.

Веласко повел японцев в монастырь Святого Франциска. Японцы, уже привыкшие в Мехико к монастырским обычаям, пожимали руки вышедшим навстречу монахам, широко улыбались, хоть и не понимали ни слова. Им отвели просторную комнату, окна в ней были распахнуты, и через них вливалось благоухание цветов.

– Что будем делать? – тихо спросил Ниси Самурая, отряхиваясь от пыли. – Навестим того японца?

– Хотелось бы... Но мы обязаны помнить о нашей миссии, – полушепотом, чтобы не услышал Танака, ответил Самурай. – Я думаю, тот японец уже знает о нашем прибытии. Мне кажется, он сам скоро появится тут.

Наступила ночь. Поужинав, они легли спать, и сразу, как в Мехико, раздался благовест. Он доносился из кафедрального собора, возведенного тридцать лет назад на городской площади, и под этот колокольный звон японцы, уставшие от долгого путешествия по пустыне, заснули как убитые. Вскоре в коридоре послышались шаги – Веласко со свечой в руке заглянул в их комнату. Увидев, что они спят, он тихо удалился.

Во сне Самурай снова увидел Ято. Над озером низко висело свинцовое небо, в котором кружили снежинки. Самурай и Ёдзо, завернувшись в соломенные плащи, которые в Ято назывались кэра, в сапогах из соломы, стояли, затаив дыхание, у самого берега и смотрели на черную воду, местами схваченную льдом, припорошенным снегом. Сквозь сухие листья тростника виднелась стайка чирков. Ёдзо тронул Самурая за плечо и указал пальцем на лебедя вдали, у одиноко торчавшего дерева, погружившего голову в воду. Это была перелетная птица, которую в их краях называли «белая птица».

Самурай кивнул, он слышал тяжелое дыхание Ёдзо, будто тот раздувал угасающие угли. Из какой страны прилетела сюда эта птица? – гадал он. Каждый год стая белых птиц, кружа в зимнем небе, неизменно появляется в Ято. Они прилетают из неведомых стран, из-за моря.

По знаку Ёдзо Самурай быстро заткнул уши пальцами. Но выстрел был слишком громким. Несколько десятков чирков взмыли ввысь. Белая птица тоже попыталась взлететь, но тут же упала в воду. Хлопая крыльями, она заскользила вдоль берега. На воде появились круги, звук ружейного выстрела тоже кругами расплывался в холодном небе. Хорошо, что промахнулся, подумал Самурай. В ушах оставался гром выстрела, в носу – запах пороха...

Предположение Самурая подтвердилось. На следующий день, вечером, когда посланники и сопровождающие их слуги пришли на рынок, неподалеку от монастыря, там оказался тот самый японец, внимательно наблюдавший за ними.

Некоторые из индейцев, подражая испанцам, были в сомбреро и кожаной обуви, большинство же – обнажены до пояса, толстые косы лежали на голых плечах. И разложенные на земле товары, и гортанный говор индейцев поразили японцев. Дайскэ насмешил всех, нахлобучив на голову сомбреро; Самурай вдруг заметил в некотором отдалении, у огромного пропыленного платана, того японца, с завистью смотревшего в их сторону.

– О! – Самурай быстро направился к нему. – Хорошо, что пришли. Почему к нам не заглянули?

– Я не могу там появляться. Поэтому с полудня дожидаюсь вас здесь.

Танака и Ниси подошли к Самураю и бывшему монаху.

– Далеко отсюда Текали?

– Нет, совсем рядом, у озера за городом.

²¹ *Serape* – мексиканские плащи с прорезью для головы, наподобие пончо.

Как и в прошлый раз, он поглаживал одежду Самурая и Ниси и, словно вспоминая что-то, прикрыл глаза.

Ударили в колокола. Звонили к вечерне, и для японцев это было знаком, что пора ужинать. Веласко сказал им, чтобы они возвратились, когда зазвонит колокол.

– Нужно возвращаться, – приказал Танака. – Если опоздаем, скажут, что нарушаем порядок.

– Очень прошу вас, расскажите мне о Японии. Когда вы отсюда уезжаете?

– Завтра после обеда.

– Текали совсем близко. Перед рассветом на этой площади будет ждать индеец, который проводит вас ко мне.

– Не удастся, – безжалостно покачал головой Танака. – Мы приехали сюда, чтобы выполнить возложенную на нас миссию. Если с нами что-нибудь случится, никто другой этого сделать не сможет.

Бывший монах уныло кивнул. И, продолжая стоять у платана, грустно провожал глазами японцев, возвращающихся в монастырь.

Самурай проснулся от холода. В лунном свете Ниси осторожно, чтобы не разбудить остальных, натягивал гетры. Поймав взгляд Самурая, он застенчиво улыбнулся. Самурай сразу понял, куда тот собрался.

– Никаких хлопот я не доставлю. К утру вернусь.

– Ты же не знаешь языка. – Самурай бросил взгляд на спящего Танаку. – Как доберешься?

– Тот человек сказал, что пришлет провожатого. У Самурая как живой стоял перед глазами бывший монах, который, глядя их одежду, говорил: «Очень прошу вас, расскажите мне о Японии». Хотя он прекрасно понимал и Танаку, считавшего самым важным выполнение миссии.

– Разрешите мне пойти! – Ниси встал.

Самурай завидовал его любознательности, молодости, не знающей страхов и компромиссов. Этих качеств недоставало Танаке, заботившемуся лишь о выполнении их миссии, да и ему самому.

– Ты решил отправиться во что бы то ни стало?

– Да.

– Тогда подожди. – Самурай приподнялся и внимательно посмотрел на храпевшего Танаку. Им ру ководило чувство протеста, восставшее против того, что было в Танаке и в нем самом.

– Пошли вместе, – поднялся он.

Тихо одевшись, Самурай на цыпочках вышел из комнаты. У них не было свечи, но луна, освещавшая коридор, помогла найти дверь во двор. Монастырь спал, двор, залитый голубоватым светом луны, благоухал резким ароматом цветов.

Они вышли из монастыря никем не замеченные, город еще спал. У дерева, к которому были привязаны ослы, вповалку, точно сваленная в кучу груды тряпья, лежали индейцы. Один из них приоткрыл глаза и что-то произнес на непонятном языке.

– Текали... – Ниси, протянув ему подарок – коробочку с лекарствами, – повторил несколько раз: – Текали, Текали.

Индеец, взяв коробочку, почему-то понюхал ее.

– Вамос [²²], – сказал он и отвязал трех ослов. Они миновали спящий город и оказались за черневшей во тьме городской стеной.

Когда переправились через пересохшую речку, ночная тьма начала постепенно рассеиваться, на горизонте появилась розовая полоса. Когда они подъехали к озеру, полоса уже сильно разрослась. Вода его приобрела кроваво-красный цвет, из зарослей тростника с шумом выпорхнули птицы. Вдалеке появилась горная цепь, залитая золотыми лучами солнца.

– Пара аки [²³]. – Индеец остановил ослов, у которых шел изо рта пар. – Текали.

Утреннее солнце осветило с десяток лачуг, крытых тростником. В дверях одной из них, черпая воду из бочонка, мылась индианка с длинными косами.

– Хапонесес, – крикнул Ниси, и только тогда она повернулась к ним. – Хапонесес. – Но женщина, существо из другой цивилизации, смотрела на них без всякого выражения и молчала.

---

²² Поехали (*исп.*).

²³ Остановись здесь (*исп.*).

Наконец яркие лучи солнца осветили находившиеся за лачугами поля сахарного тростника и маиса, предвещая дневную жару. Из домов стали выходить обнаженные до пояса индейцы, один из них окликнул японцев. Это был бывший монах.

– Как хорошо, что пришли, как хорошо, что пришли!

Он подбежал к ним и заговорил, брызгая слюной. Болтал он без умолку, точно человек, которому много лет запрещали говорить.

Он рассказал, что родился в Ёкосэуре в провинции Хидзэн. Еще в детстве лишился родителей, погибших во время войны, и его взял к себе священник-миссионер. Он обошел с ним весь остров. Когда начались гонения на христиан и миссионеры стали скрываться, священнику удалось посадить мальчика на корабль и отправить в Манилу – в семинарию. Он принял постриг, но именно с этого времени его стало охватывать все большее отвращение к духовенству. Знакомый матрос предложил наняться на корабль, отправляющийся в Новую Испанию, что он и сделал. Новая Испания представлялась ему чуть ли не землей обетованной. После долгого тяжелого плавания он попал наконец в Мехико и некоторое время выполнял разные работы в монастыре, но и здесь не смог ужиться со святыми отцами и окончательно разочаровался во всем. В конце концов сбежал к индейцам и вот теперь живет здесь вместе с ними.

– И вы никогда не вернетесь на родину, в Японию? – спросил Самурай.

Бывший монах горько усмехнулся:

– У меня там нет родных. Если бы я и вернулся, меня бы никто не встретил. К тому же христиане...

– Но вы же отказались от христианства!

– Нет, нет. Я и сейчас христианин. Только...

Сказав «только», он умолк. Глаза монаха говорили, что его все равно никому не понять, сколько бы он ни объяснял.

– Только... я не верю в христианство, о котором рассказывают падре.

– Почему?

– До того как в Новую Испанию пришли падре, в этой стране творились страшные дела. Южные варвары отбирали у индейцев земли, сгоняли с родных мест, зверски убивали, а оставшихся в живых продавали в рабство. Куда ни посмотри – селения, которые индейцам пришлось покинуть. В них сейчас никто не живет, остались лишь стены и каменные ограды.

Самурай и Ниси вспомнили развалины, мимо которых они проезжали в пустыне. На площадях этих брошенных селений, превратившихся в груды развалин, заросших сорной травой, жалобно завывал ветер.

– Что поделаешь, война есть война, – пробормотал Самурай. – В любой побежденной стране происходит то же самое.

– Я говорю не о войне, – поморщился бывший монах. – Просто падре, которые прибыли в эту страну позже, забыли о несчастных индейцах... Хотя нет, не забыли. Они притворяются, что им ничего не известно. И рассказывают сказки о милосердии Божьем, о Божьей любви – вот что мне противно. Падре в этой стране произносят очень красивые слова. И больше всего боятся выпачкаться в грязи, которой здесь предостаточно.

– Поэтому вы и отказались от христианства?

– Нет, нет. – Бывший монах оглянулся. У лачуги за его спиной собралось несколько индейцев, неотрывно смотревших на них. – Мне не важно, что делают падре, я верю в своего собственного Иисуса.

Этот Иисус обитает не в роскошных соборах, похожих на дворцы, он живет среди этих жалких индейцев – так я думаю.

Самурай, словно видя что-то бесконечно далекое, разглядывал бывшего монаха, который одним духом выложил то, о чем так долго молчал. С того момента, как они покинули Цукиноуру, и до сегодняшнего дня Самурай только и слышал, что о христианстве. В Новой Испании во всех церквах он видел коленапреклоненных мужчин и женщин и обнаженную фигуру жалкого худого человека, освещенную пламенем свечей. Бескрайний мир, с которым он столкнулся, казалось, состоял из тех, кто либо верил в него, либо не верил. Однако у японца, выросшего в крохотной долине Ято, не возникало никакого интереса, никакой близости к этому человеку, именуемому Иисусом. До конца жизни эта религия останется для него чуждым обычаем чуждых ему стран.

Закончив свой рассказ, японец коснулся одежды Ниси и, погладив ее, воскликнул:

– О-о, пахнет Японией.

– Может, все-таки вернетесь? – Самураю стало жаль этого человека, которого уже невозможно было отличить от индейцев. – Купцы в конце года вернутся в Японию. Не хотите присоединиться к ним?

– Я уже слишком стар, чтобы вернуться. – Бывший монах потупился. – Я... останусь жить с индейцами – куда они, туда и я. Им нужен такой человек, как я, который облегчает страдания больных, помогает хоронить мертвых. И индейцы, и я – люди, лишенные родины.

– Значит, мы уже никогда не встретимся?

– Индейцы не останутся у этого озера навсегда. Когда земля истощится, они переберутся в другое место. Все в руках Господа, может быть, когда-нибудь и увидимся.

Монах спросил у Самурая и Ниси, куда они направляются дальше.

– В Веракрус, – простодушно сообщил Ниси. Конечный пункт их путешествия к восточному побережью. – А там, как я слышал, снова сядем на корабль.

– В Веракрус? – переспросил монах испуганно. – Но ведь это же очень опасно.

– Опасно?..

– Ацтеки уничтожают испанские поселения, поджигают дома – одно из племен подняло мятеж, разве вам это не известно?

– Мятеж?

– Когда людей так тиранят... Даже мирные индейцы не могут вытерпеть.

Веласко ничего им не говорил. Они слышали об этом впервые. Самурай посмотрел на испуганное лицо Ниси и сжал его потную руку. После того как они выехали из Мехико, Веласко, сидя на лошади, рассуждал с какой-то особой самоуверенностью, и снисходительная улыбка не сходила с его лица.

– Об этом знают все. У ацтеков есть даже ружья и порох. Подумайте как следует, прежде чем отправиться в Веракрус.

– Мы должны ехать. – Точно подбадривая себя, Самурай снова повторил: – Мы должны ехать.

Как это ни странно, у него даже мысли не было возвратиться в Мехико. Все его колебания, возникавшие не раз из-за слов Мацуки, теперь исчезли, и он лишь укрепился в решимости ехать.

– Ты вернешься, Ниси?

– Если вы, господин Хасэкура, едете, я последую за вами.

Бывший монах проводил их до края поля. Пыльные листья маиса колыхались на ветру, дувшем с озера. В конце поля, как бог-хранитель деревни, стояло деревянное распятие. На кресте худой человек с косами, с длинным носом и покорными глазами был похож на индейца, проданного в рабство испанцами. У его ног виднелись похожие на слезы потеки воска от сгоревших свечей.

– Каждый вечер сюда приходят индейцы. И мужчины, и женщины рассказывают Иисусу о своих горестях, жалуется на свою судьбу.

Он засунул руку за пазуху, вынул четки из плодовых косточек и истертый листок исписанной бумаги.

– Мне нечего вам подарить. Возьмите хоть это. Я написал о Спасителе.

Отказаться было невозможно. У зарослей тростника на берегу озера их терпеливо ждал индеец с осликами. Глаза ослов почему-то были похожи на глаза бывшего монаха. Он что-то сказал провожатому на незнакомом языке.

Когда они вернулись в Пуэблу, солнце уже поднялось. Стоявшие на дороге индейцы заметили слезавших с ослов японцев и внимательно посмотрели на них. Стараясь, чтобы их не увидели, они вошли во внутренний двор и тихонько заглянули в свою комнату – Танака как ни в чем не бывало протирал ножны меча.

– Ходил в Текали? Я ведь сказал, чтобы не ходил.

Он осуждающе смотрел не только на Ниси, к которому были обращены его слова, но и на Самурая. Ниси рассказал ему, что индейцы подняли мятеж, о чем они узнали от бывшего монаха.

– Неужели господин Веласко мог подумать, что мятеж испугает нас?

Это привело Танаку в негодование.

– Он решил, что мы струсим. Пойду выясню у него самого. – Вложив в ножны меч, он поднялся.

– Не нужно, – покачал головой Самурай. – Господин Веласко ловко оправдывается, этим дело и

кончится. Что бы он ни сказал, мы все равно обязаны ехать.

Самурай по-прежнему был убежден, что это путешествие предназначено ему самой судьбой. Пока ему введомо была лишь долина Ято, он не думал ни о чем ином, но теперь, он это заметил, в нем произошли перемены. Он вспомнил крохотное Ято, дядю, его бесконечные причитания у очага, Совет старейшин... Впервые после отъезда из Мехико он почувствовал, что не желает больше мириться со своей судьбой!

Японцы продвигались вперед очень медленно, точно муравьи, тащившие добычу. Правильнее даже сказать – не продвигались вперед, а медленно ползли по монотонному бескрайнему плато. Веласко и трое посланников ехали на лошадях, сопровождавшие их слуги, ведя тяжело груженых ослов, молча следовали за ними. На севере виднелась горная гряда, в небе, распластав крылья, кружили кондоры.

И Веласко, и трое посланников знали, что до тех мест, где подняли мятеж индейцы, еще далеко. Монотонный пейзаж: усыпанные огромными камнями холмы, растрескавшаяся от жаркого солнца земля, пересохшая река, где лежали похожие на кости огромного животного белые стволы деревьев, – но наконец эта унылая выжженная равнина кончилась, впереди расстились маисовые поля. Как все это было похоже на мягкий японский пейзаж! Перед мысленным взором Самурая появилась долина Ято: водяные колеса гонят прохладную воду на рисовые поля. Остальные его попутчики, видимо, тоже представили себе эту родную картину, но ни словом, ни жестом не выдали себя. От жары и усталости у всех пропала охота разговаривать.

На пятый день после отъезда из Пуэблы, когда перевалили через невысокий каменистый холм, внизу, прямо перед ними, открылось удивительное зрелище. Впереди расстились хорошо ухоженные поля, рядом стояли глинобитные хижины, окруженные соснами, которые они видели в этой стране впервые. В отличие от японских сосен у этих иглы были мягкие, но все равно сосна есть сосна.

Японцы издали восторженный крик и устремились к сосновой рощице, они ломали ветки, вдыхали их запах. Обхватив потными руками деревья, они наслаждались прикосновением к ним. Сосны издавали незабываемый запах Японии.

– В Ято, – крикнул Итискэ, обращаясь к Дайскэ, – сейчас как раз «проводы насекомых», верно?

Услыхав это, Самурай прищурился, будто рассматривал что-то вдалеке. «Проводы насекомых» – праздник изгнания вредных насекомых; глубокой ночью с факелами в руках мужчины шагают из конца в конец деревни, с запада на восток, – таков обычай.

– Как хочется домой, – прошептал Дайскэ на ухо Итискэ. – Скорее бы вернуться.

Ёдзо прикрикнул на них:

– Дурачье!

Но Самурай, подойдя к нему, покачал головой:

– Конечно, хочется домой. Когда удастся вернуться? что за страна Испания? куда мы едем? – я и сам не знаю, но надеюсь, наши труды не окажутся бесполезными.

Слушая Самурая, его люди стояли, опустив головы. Своей неподвижностью они были похожи на скульптурную группу. Вдруг из глаз Ёдзо полились слезы, он отвернулся, чтобы никто не увидел.

На седьмой день они подошли к небольшому городку – во всяком случае, это селение можно было назвать городком. То была Кордова [24].

Только что прошел короткий ливень – в тени испанских домов за белыми заборами на ветру колебались яркие, огненно-красные цветы, по небу медленно плыли золотистые облака. На крики детей сбежались все жители Кордовы.

Когда путники вступили на крохотную городскую площадь, появились узнавшие об их прибытии алькальд и местная знать. Алькальд, один из энкомьендерос, обменявшись рукопожатиями с Веласко, стал внимательно рассматривать японцев, словно это были овцы, которых привел на продажу индеец. Но, совладав наконец со своим любопытством, любезно приветствовал их, сопровождая свои слова характерной для испанцев усиленной жестикულიцией.

---

²⁴ Кордова – город на юго-востоке Мексики, основан в 1617 г. (Вилья-де-Кордова).

– Падре, – обратился алькальд к Веласко, по-прежнему не отрывая взгляда от японцев, – не объясните ли вы нам, зачем пожаловали сюда эти восточные люди?..

– Вы, я надеюсь, получили письмо из Мехико, от вице-короля? – возмущенно ответил задетый за живое Веласко. – Они являются представителями дипломатической японской миссии, и им, естественно, должен быть оказан прием как дипломатическим представителям.

Однако для дипломатических представителей японцы выглядели слишком жалкими. Во время долгого пути их одежда покрылась толстым слоем пыли, да к тому же еще они, брезгливо морщась, хранили молчание.

– Мы хотели бы пригласить их на ужин, – произнес наконец алькальд, тихо посовещавшись со своими подчиненными. Среди них не оказалось ни одного человека, кто бы знал, где находится Япония и что это за страна.

Самурай и остальные посланники подумали, что вместо ужина лучше бы поскорее лечь спать. Испанская пища, исключая Ниси, ни у Самурая, ни у Танаки не вызывала аппетита. Но Веласко все решил за них:

– Посланники с радостью принимают приглашение.

Слуг отвели на ночлег в здание городского собрания, а трое посланников и Веласко направились в дом алькальда. Обессиленные, не понимающие ни слова, они были вынуждены слушать бесконечные речи, но наконец принесли еду.

– Японцы мяса не едят.

Услыхав слова Веласко, алькальд и остальные испанцы удивленно посмотрели на Самурая и его спутников.

После ужина алькальд приказал принести из кабинета глобус. Ему хотелось узнать у Веласко, где находится страна, именуемая Японией. На глобусе, напоминавшем страусиное яйцо, в самом приближенном виде были изображены Китай и Индия. А Япония представляла собой полуостров в виде крохотной капли, пририсованной к Китаю с востока.

– Неверно, – возмущенно пожал плечами Веласко, не в силах больше выносить невежество своих соотечественников. В пренебрежении к Японии Веласко усмотрел насмешку над страной, которой он посвятил всю свою жизнь. – Япония совсем не такая.

– Каковы ее размеры, падре?

– Это небольшая островная страна. Пожалуй, не составит и пятой части Новой Испании.

– Выходит, она в пятьдесят раз меньше всех владений Испании, – засмеялся один из испанцев. – Почему тогда правитель Филиппин не покорит эту островную страну? Тогда бы падре было легче вести миссионерскую деятельность. И мы могли бы получить там новые владения.

– Япония – страна маленькая, но воевать умеет, в этом она не уступит никакой другой стране. Японцев не покоришь, как здешних индейцев.

Не понимая ни слова, посланники не участвовали в разговоре и, борясь с зевотой, рассматривали глобус. Один из испанцев, с сомнением слушавший рассуждения Веласко о Японии, стал показывать японцам Испанию и ее колонии.

– Эспанья, си, Эспанья, – повторял он, будто обучал детей, и, указав наконец на крохотную капельку, не отделенную морем от Китая, сказал тихо: – А это Япония.

– Ничего-то вы не понимаете, – зло глянул на него Веласко. – Тот, кто сможет заходить в японские гавани, будет господствовать в Великом океане. Именно поэтому протестантские Англия и Голландия изо всех сил стремятся завязать дружественные отношения с Японией. Испания должна опередить их. Потому-то вице-король Акунья и просил Его величество короля Испании дать аудиенцию японским посланникам.

В столовой на мгновение воцарилась тишина. Разумеется, Веласко солгал, что вице-король просил короля об аудиенции, но слова его возымели действие. Для энкомьендерос Новой Испании слово «король» имело глубокий смысл.

Победоносно глядя на обессиленных японцев, Веласко заговорил мягко, выделяя каждое слово:

– Все эти люди... все эти глупцы были поражены, услышав, что вы встретитесь с королем Испании.

– С королем?.. А что такое король? – спросил Танака.

– Король – это вроде императора. Верховный правитель. В Японии, например, королем является найфу.

– И с этим королем мы действительно сможем увидеться?

– Почему же нет? – На лице Веласко появилась его обычная самоуверенная улыбка. – Вы ведь посланники Японии.

Измотанные долгим путешествием, японцы были потрясены этим неожиданным известием. Шутка сказать – мэсидаси, самураи низкого звания, которые не имеют права даже на аудиенцию у Его светлости, встретятся с королем Испании!

– Это правда?

– Полагайтесь на меня.

В какой-то момент сам Веласко поверил, что это вовсе не ложь, а чистейшая правда. Нет, то действительно была не ложь. Это была цель, которую он обязан выполнить.

– Посланники устали, – холодно сказал он алькальду. – Они благодарны вам за теплый прием.

Однако алькальд остановил Веласко и спросил с тревогой:

– Падре, вы собираетесь завтра продолжить свой путь?

– Предполагаем.

– Вам известно, что дорога на Веракрус опасна?

– Индейцы враждебно настроены к вам, испанским энкомьендерос. – Веласко иронически посмотрел на собеседника. – Вряд ли они питают ненависть к посланникам островной страны, которая, как вы видите, так далека и мала.

Вернувшись в здание городского собрания, где их устроили на ночлег, посланники, хотя и были утомлены до крайности, долго не могли успокоиться. Их примет король!

– Если нам удастся встретиться с королем, – раздается в темноте, после того как свеча была погашена, взволнованный голос Ниси, – наша миссия будет выполнена.

– Конечно, если мы встретимся с королем, – ответил Самурай, повернувшись в его сторону. – Однако... не знаю, можно ли верить господину Веласко.

– Я тоже не слишком доверяю ему, – послышался со стороны распахнутого окна голос Танаки.

После этого воцарилась тишина, и все трое, лежа с открытыми глазами, погрузились в свои мысли.

Они представляли себя на аудиенции у короля. Незнатные самураи смогут встретиться с королем могущественной страны! Это было так же немислимо, как получить в Эдо аудиенцию у найфу или сёгуна. Радость переполняла их. Она была так велика, что заглушила сомнение. Но в конце концов усталость взяла свое, и они заснули мертвым сном.

Радость окрыляла посланников и на другое утро, когда они выезжали из Кордовы. Они и думать забыли об опасностях, которыми им грозил мятеж индейцев. Лишь Веласко время от времени в подзорную трубу рассматривал белые, точно обсыпанные мукой, далекие холмы. Над ними плыли обрамленные золотом облака.

Они выехали на усыпанную мелкими камнями равнину. По ней медленно скользили тени облаков. Путников обступали похожие на надутых стариков кактусы; вокруг потных лиц жужжа вились мошки.

Глядя на яркую линию горизонта, Самурай думал о море, к которому они направлялись. Думал об Испании, лежащей за этим морем. Думал о море и о странах, которых не видел никогда в жизни. Думал о превратностях своей судьбы. Он покорился своей новой судьбе.

Время от времени им попадались развалины заброшенных индейских храмов. Как объяснил Веласко, индейцы, как и японцы, в течение многих веков поклонялись солнцу. Основания храмов были сложены из красноватых вулканических глыб, на обломках каменных колонн, валявшихся вокруг, были вырезаны странные знаки, по обломкам бегали сверкавшие на солнце ящерицы.

После полудня у одной из таких развалин путники устроились на отдых. Они устало пили воду из бамбуковых фляжек, рассматривали окрестности, отгоняли надоедливых насекомых.

Перед ними расстилалась равнина, по которой по-прежнему скользили тени облаков. Им предстояло до вечера пересечь ее и остановиться на ночь в какой-нибудь усадьбе, где бы можно было переночевать. Вдалеке поднимался вверх столб песка. Через некоторое время усталые глаза путников различили, что это не песок, а желтый дым.

– Похоже, это сигнал...

Танака вскочил с обломка каменной колонны и приложил козырьком руку ко лбу.

– Нет, не похоже, – покачал головой Ниси. Японцы помнили сигнальные дымы, которые они видели на голой горе недалеко от Игуалы. Этот столб дыма был слишком густой, к тому же ответных дымов не было видно.

– Я вижу пламя! – Веласко, отойдя в сторону, смотрел в подзорную трубу. Посланники напряженно ждали. – Похоже, выжигают лес около усадьбы. В этой стране часто... – Веласко с напускным спокойствием опустил подзорную трубу, – выжигают лес, освобождая землю под посе- вы.

– Господин Веласко, – сердито обратился к нему Танака, – не нужно ничего от нас скрывать. Нам все известно.

От неожиданности Веласко покраснел и начал заикаясь оправдываться.

– Господин Танака, я скрывал это от вас из самых добрых побуждений.

– Довольно. – Танака сердито покачал головой. – Ваша излишняя забота нам в тягость. Мы не женщины и не дети. Мы понимаем, что это самый настоящий крестьянский бунт. Что вы видите?

– Горит усадьба.

Чтобы добраться до Веракруса, нужно было пересечь эту выжженную солнцем равнину – другой дороги не было, а огибать горную цепь значило потерять слишком много времени. Веласко предложил переночевать прямо под открытым небом, а рано утром отправиться дальше, но Танака решительно покачал головой:

– Индейцам не за что ненавидеть японцев. Бунт не имеет к нам никакого отношения.

– Нужно избегать опасности. Не забывать о выполнении возложенной на вас миссии! – возразил Веласко.

– Мы опытнее вас в сражениях, господин Веласко. Теперь вы должны положиться на нас, – торжествующе улыбнулся Танака. – Хасэкура и Ниси, я надеюсь, у вас нет возражений?

Самураю стало не по себе от напускной храбрости Танаки. Жаль, что здесь нет Тюсаку Мацуки, подумал он.

– Возражений нет, но я не думаю, что нам следует ввязываться в сражение, – возразил Самурай. – В словах господина Веласко тоже есть резон. Главное – наша миссия.

В тюках, навьюченных на ослов, было двадцать ружей, их достали, а троих слуг послали разведать обстановку. Все делалось по приказу Танаки.

Дым вдалеке окрасил небо в ярко-желтый цвет. По мере продвижения вперед стали различимы дрожащие, как крылышки мотыльков, оранжевые языки пламени. Временами слышали громкий треск, словно лопались стручки гороха.

– Может, это ружейная стрельба?

Танака, подняв руку, остановил путников и долго прислушивался. Потом, точно настоящий командир, значительно кивнул головой.

– Не беспокойтесь, это не ружейная стрельба. При пожаре всегда такой треск, – сказал он нравоучительно.

Он говорил со знанием дела, поскольку, в отличие от Самурая и Ниси, в молодые годы участвовал в сражениях Его светлости.

Путники достигли полей – посеы были безжалостно вытоптаны, крытые соломой хижины на банановых плантациях сожжены. Плантация была окутана дымом, как густым туманом. Пахло гарью. Вряд ли за этим дымом скрывались индейцы, но все же Танака спешился, взял у одного из своих людей ружье и с показной храбростью двинулся вперед. Из клубов дыма послышался его кашель.

– Ничего страшного, всего лишь горит амбар, – сказал он наконец.

Полыхал огромный амбар. Внутри все сгорело дотла, и теперь по обгоревшим опорам и балкам, точно маленькие человечки, плясали языки пламени. Временами раздавался тоскливый треск рушащихся балок.

Бывалый Танака внимательно осмотрел землю и заметил следы.

– Здесь проходили индейцы, – сказал он Самураю и Ниси и, взяв лошадь под уздцы, повернулся к растерянно осматривающемуся Веласко. – Что с вами? Перепугались, господин Веласко? – спросил он насмешливо.

Веласко лишь горько усмехнулся. Он струсил – такого позора с ним еще никогда не случался.

лось.

– Пошли, – сказал Танака; теперь он приказывал не Веласко, а будто себе самому. – Вперед. А то скоро вечер.

Слыша, как сзади рушится горящий амбар, японцы осторожно пробирались через густые заросли деревьев. Между белесоватых стволов проглядывало знойное небо и выгнутые, как кошачьи спины, поросшие оливами холмы. Когда банановая роща кончилась, в лицо им ударили жаркие солнечные лучи. Под одной из оливок на холме на корточках сидело несколько грязных оборванцев. При виде японцев они вскочили, готовые бежать. Эта была индейка с тремя детьми.

– Я падре! – громко крикнул им Веласко. – Я падре, вам нечего бояться!

Женщина и дети обернулись, как затравленные звери.

– Вы что, не понимаете по-испански? Женщина издала какие-то гортанные звуки, но Веласко ничего не понял.

– Тихо! – Танака остановил Веласко и внимательно прислушался.

Он один что-то услышал. Путники, замерев на жаре, в полном молчании неотрывно смотрели на холм.

Послышались шаги по траве. Через некоторое время показалась черная голова – человек вел себя явно настороженно. По его смуглому лицу текла кровь. Из высокой травы поднялось несколько вооруженных испанцев. Увидев японцев, они изумленно уставились на них, пока наконец не заметили Веласко.

– Я – падре! – Веласко поднял руку и направился к испанцам. После недолгого разговора он подозвал японцев: – Не беспокойтесь, это местный землевладелец и его слуги, они вышли встретить нас.

Веласко стал выяснять обстановку.

– Неужели мятежники добрались даже сюда?

– Нет, падре, – испанец покачал головой, – просто местные индейцы, услышав про мятеж, тоже взбунтовались, подожгли амбар, вытоптали поля, а сейчас прячутся где-то поблизости.

– Нам нужно добраться до Веракруса...

– Мы вас проводим. Японцы умеют обращаться с ружьями?

– Они стреляют, наверное, даже лучше, чем вы. Эти люди привыкли к сражениям.

Землевладелец и его люди посмотрели на японцев с сомнением. Сидевшая под оливой индейка подняла голову и, обняв руками детей, что-то проверещала тонким голосом. Хозяин выбрал ее.

– Что она говорит?

– Ее младший брат... В общем, мы ранили его, и он умирает. – Мужчина пожал плечами. – Не знаю, зачем это ей нужно? Говорит, что, если вы падре, она просит вас соборовать его и помолиться за упокой души. – Он сплюнул и стер запекшуюся кровь, красовавшуюся на щеке, словно знак отличия. – Бунтуют, а когда припечет, к нам же бегут за помощью. Индейцы всегда так. Не обращайтесь внимания.

– Где умирающий?

– Не делайте глупостей. Они вас либо убьют, либо возьмут в заложники. Это же обычная их уловка. Подсылают женщин и детей, чтобы усыпить бдительность. И, обманув таким образом, неожиданно нападают.

– Я священник, – тихо ответил Веласко. – Если вы христианин, должны меня понять. У священника есть долг, который он обязан выполнить. Даже если речь идет об индейце.

– Все равно не нужно потакать им. Индейцам нельзя доверять.

– Я священник.

Лицо Веласко пошло красными пятнами. Он всегда краснел, когда пытался сдержать гнев или страсть.

– Оставьте, падре.

Но Веласко, не обратив внимания на его слова, стал упрямо взбираться на холм. Индейка, бросив детей, устремилась за ним, точно зверь, преследующий добычу. Ничего не понимавшие посланники двинулись следом.

– Стойте здесь! – крикнул им Веласко с середины склона. – Я сейчас не переводчик. Я иду выполнить свой долг священника!

Женщина и Веласко углубились в густую рощу. Там стоял запах прелых листьев, слышались

крики птиц – и это напомнило Веласко отвратительный клекот стервятников, пожирающих па- даль. Женщина ловко пробиралась сквозь заросли, время от времени оглядываясь на отстающего миссионера. Как ни странно, он не испытывал ни страха, ни тревоги. В кустах стоял полуголый черноглазый индеец. Женщина что-то сказала ему, и только после этого Веласко смог двинуться дальше и миновать рошу.

В ложбине лежал на спине такой же полуголый молодой индеец. Он задыхался. Рядом неподвижно сидела молодая женщина. Судя по одеянию, которое было на раненом, он был пеоном. На шее зияла пулевая рана; запекаясь кровь смешалась с грязью.

– По-испански понимаешь? – спросил Веласко. Индеец тяжело дышал, но затуманившиеся, точно подернутые пленкой, глаза ничего не видели. Смерть уже проникала в его тело.

– *Habeas requiem aeternam* [²⁵], – прошептал Веласко, взяв испачканную кровью и грязью руку индейца. В эту минуту он не был неистовым проповедником, страстно желавшим распространения веры в Японии, он был обыкновенный священник, исполняющий свой долг.

– *Requiescant in pace* [²⁶].

Словно закрывая последние врата жизни, Веласко закрыл остекленевшие, широко раскрытые глаза покойного. Глядя на жалкое лицо умершего, он вспомнил японского христианина, которому он отпускал грехи за грудой бревен в Огацу, – оборванного, обсыпанного опилками японца.

Ветер гулял по Веракрус, швырял в стены оштукатуренных домов клубками жухлой травы, гонял их по улицам; в облаках пыли штормящее море казалось пепельно-серым.

Уже дули муссоны. Обессилевшие от бесконечного ветра японцы, с трудом передвигая ноги, вступили в город. У городских ворот, точно так же как в Мехико и Пуэбле, их ожидали, скрестив руки на груди, неподвижные, как каменные изваяния, монахи в нахлобученных капюшонах. Один из посланников сломал ногу и едва держался в седле, а один из слуг лежал в повозке, которую тащил осел. По пути в Веракрус на них напали индейцы.

Из окон их комнаты, отведенной им в монастыре, было видно бурное, оскалившееся белыми клыками море.

Самурай задумчиво смотрел на него. Как крохотны владения Его светлости по сравнению с этим бескрайним миром. А Ято или Курокава – просто песчинки. Но все равно, его предки отдавали жизнь ради таких песчинок.

В день отплытия из Цукиноуры Самурай, слушая скрип мачт, громкие крики птиц, чувствовал, что ему уготована новая судьба, чувствовал, что и в этом море, и в Новой Испании в нем произойдут невидимые глазу перемены. Что это за перемены? Словами этого не выразить, но для него было ясно одно: он станет другим человеком, не похожим на того, который жил в Ято. Куда поведет его судьба, как он изменится? – думал он со страхом.

Ветер завывал всю ночь. А к утру пошел дождь.

Мы прибыли в Веракрус, когда уже дули муссоны. Сейчас живем в монастыре францисканцев. Я думаю, что нам удалось благополучно избежать опасности только милостью Божьей, ибо сам Господь возжелал, чтобы я нес Слово Божие в Японию, куда я стремлюсь всей душой.

В день, когда мы выехали из Кордовы, я недалеко от одной усадьбы проводил в последний путь местного пеона-индейца. Этот юноша умер на моих руках. Я молился о его спасении. Я выполнил долг священника.

Остальные пеоны в благодарность проводили нас почти до самого Веракруса. Так мы обрели охрану и только благодаря этому избежали смертельной опасности.

Несчастье случилось за день до прибытия в Веракрус. Мы старались обходить стороной разоренные гасиенды.

Солнце палило нещадно, все были измучены до предела. Неожиданно возникавшие перед нами заросли кактусов казались нам индейцами.

Мы устроили привал. Я лениво наблюдал за полетом кондора, кружившего в вы-

---

²⁵ Да обретешь вечный покой (*лат.*).

²⁶ Да почиет в мире (*лат.*).

шине. В долине царила такая мертвая тишина, что мне стало как-то не по себе.

Вдруг из-за скалы в нашу сторону полетело что-то черное. Я подумал сначала, что это птица. Но это оказалась не птица. На вершине скалы появилось индейцев десять, державших в руках нечто похожее на пращи. Они еще издали заметили нас и, устроив засаду, теперь осыпали камнями.

Я не раз слышал, что таким способом индейцы могут далеко бросать камни. Когда наши предки покоряли Новую Испанию, индейцы сражались с ними точно таким же оружием. Я изо всех сил пытался удержать вставшую на дыбы лошадь, а японцы по приказу Танаки попрятались за кактусами.

Но один из них, менее проворный, упал. Это был слуга Танаки. Танака выскочил из-за кактуса, чтобы помочь ему. В ослепительных лучах солнца я увидел, как высокий широкоплечий индеец, целясь в него, крутит над головой свою пращу. Были отчетливо видны его белые зубы и длинная коса. Потом в Танаку полетел огромный, величиной с голову, камень.

Наши провожатые выскочили вслед за Танакой. Следующий камень упал рядом с ними. Они что-то кричали индейцам, стоявшим на скале. Может быть, объясняли, что это посланники – японцы, а не испанцы. И тут произошло чудо: индейцы исчезли со скалы, точно испарились.

Все было словно во сне. В долину вновь вернулись тишина и покой, по-прежнему нещадно палило белое солнце. Мы с японцами выскочили из-за кактусов и окружили раненого. У Танаки оказалась сломана нога, а у слуги – раздроблена коленная чашечка, она стала похожа на разломанный гранат, из раны струилась кровь. Он пытался подняться, но не смог, пришлось уложить его на повозку, он все время стонал и умолял хозяина:

– Простите меня... Прошу вас, не бросайте. А то как же я вернусь на родину?..

С трудом преодолевая боль, Танака успокаивал его:

– Не бросим мы тебя, не бросим. Отношения между японским самураем и слугой напоминают отношения между патрицием и рабом в Древнем Риме, но в одном они отличаются: между самураем и его слугой существует некая нерасторжимая связь, выходящая за пределы, определяемые стремлением извлекать выгоду, отношения их напоминают родственные узы. Живя в Японии, я часто думал, что должен служить Господу, как японский слуга служит своему господину.

В общем, благодаря пеонам мы отделались этими двумя жертвами и избежали гораздо большей беды. Я не перестаю думать, что на то была воля Божья. Являя собой жалкое зрелище, мы вступили в Веракрус, но мои волнения на этом не кончились.

Веракрус – порт, в это время года насквозь продуваемый муссонами. Через два дня мы с Хасэкурой и Ниси, борясь с ветром, направились к коменданту форта Сан-Хуан-де-Улуа, расположенного за городской стеной. Мы просили разрешить взять нас на борт испанского военного корабля – в это время в порту несколько кораблей готовилось к отплытию, – а также чтобы нам прислали хорошего лекаря – осмотреть Танаку и его слугу. Я был уверен, что наша просьба будет немедленно удовлетворена, поскольку у меня имелось письменное распоряжение вице-короля.

В Сан-Хуан-де-Улуа дул такой неистовый ветер, что невозможно было дышать, море приобрело неопределенно-грязный цвет, корабли робко прятались за молом. Форт, напоминавший Акапулько, окружала серая крепостная стена; толстый комендант встретил нас приветливо. Он уже получил распоряжение вице-короля и поэтому, едва взглянув на предписание, спрятал его в стол.

– Падре, сюда пришло письмо от вашего дяди... – Он тут же вынул из ящика это письмо. – Я знаком с вашим дядюшкой.

Я даже не надеялся, что мой дорогой дядя дон Диего Кабальеро Молина так быстро ответит на письмо, которое я отправил ему, как только прибыл в Акапулько. Я бережно спрятал в карман письмо, завернутое в вощеную бумагу.

Комендант точно ребенок обрадовался мечу – подарку японцев – и тут же разрешил нам сесть на корабль «Санта-Вероника», который готов был отплыть, как только немного утихнет ветер. Затем он извинился перед Хасэкурой и Ниси за то, что им

пришлось пережить нападение индейцев.

Только поздно вечером, в монастыре, я смог прочитать письмо от дяди. Он писал, что получил мое письмо и что наша семья сделает все, чтобы помочь мне.

«Но ты, – писал далее дядя, – должен быть готов к тому, что тебе придется столкнуться с серьезным противником. Я понял это из послания японских иезуитов королю. Вместе с письмом я направляю тебе копию послания, и ты сам убедишься, сколь серьезны те обвинения, которые они выдвигают против тебя.

Даже до нас дошли слухи, что иезуиты намереваются после вашего прибытия в Мадрид созвать Собор епископов, дабы миссия японцев окончилась провалом. На Соборе будет устроен диспут между тобой и знаменитым отцом Валенте, который прожил в Японии тридцать лет. Я думаю, тебе не нужно напоминать, что отец Валенте – сподвижник и ближайший помощник Его высокопреосвященства архиепископа Валиньяно, что он весьма сведущ в истории и снискал большое уважение высшего духовенства и знати, потому к диспуту с ним ты должен подготовиться с большим тщанием».

Сильные порывы ветра непрерывно били в мое окно. Я встал и, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на площадь у монастыря. Там не было ни единой живой души. Лишь кое-где виднелись кучи согнанных ветром сухих листьев. Жалоба иезуитов, которую дядя приложил к письму, гласила:

«Мы уже сообщали, что в Новую Испанию направляется японская миссия, и если Вашему величеству будет угодно разрешить нам начать с конца, то мы хотели бы предостеречь: к попыткам японцев установить торговые связи нужно отнестись с большой осмотрительностью. Принадлежащий к ордену святого Франциска отец Веласко, который, по-видимому, будет сопровождать миссию, представляется нам, по донесениям находящихся в Японии отцов ордена Иисуса, человеком недостаточно рассудительным и часто предпринимает действия, выходящие за рамки разумного. Король Японии продолжает преследование христиан, и мы, принадлежащие к ордену Иисуса, считаем, что возможность свободно распространять веру в этой стране, на чем настаивает отец Веласко, крайне незначительна. Мы должны присовокупить к этому, что посулы японцев всего лишь приманка, на самом деле они стремятся лишь к получению торговой выгоды. Далее отец Веласко, не прибегнув к совету ни одного из находящихся в Японии наших миссионеров, по собственному почину побудил одного японского князя построить корабль и отправить вышеупоминавшуюся миссию – с просьбой направить в его владения новых миссионеров, а если это случится, результат окажется самым плачевным: на небольшое число миссионеров и христиан, которые все еще существуют в Японии, обрушатся неисчислимые бедствия. Все его планы порочны, а речи полны преувеличения и лжи, и мы осмеливаемся просить Ваше величество отнестись к ним с величайшей осторожностью».

Ветер, ворвавшийся сквозь щель в раме, задул свечу, вернее, огарок. Но мне не хотелось снова зажигать его, и я в темноте, сжав ладонями лицо, старался припомнить лицо отца Валенте, с которым мне предстоит сразиться. Это имя знакомо каждому миссионеру, хотя бы однажды побывавшему в Японии, он автор «Истории евангелизации Японии», он обошел остров Кюсю и край Камигата, неся Слово Божье, ему отдали дань уважения сам Хидэёси и его вассалы, Юкинага Кониси и Укон Такаяма. Но только это не заставило бы меня задуматься так глубоко. Я был наслышан, что он весьма умен и изощрен в искусстве спора. Да, нужно последовать совету дяди и как можно лучше подготовиться к диспуту. Подобно солдату, который должен быть всегда готов к нападению врага, откуда и в какой бы форме оно ни последовало, я должен уметь доказать свою правоту, ответить на любые его вопросы, а своими привести его в замешательство. Я опустил голову на стол и так проспал до утра...

Мы поднимаемся вверх по Гвадалквивиру.

Плавание по Атлантическому океану заняло много времени, потому что наш корабль «Санта-Вероника» попал в жестокий шторм, сильно пострадал и в течение полугода ремонтировался в Гаване. Там, как это ни прискорбно, умер слуга Тародзаэмона Танаки. Тот самый, которого тяжело ранили в колено. После его смерти Танака впал в такое уныние, что на него жалко было смотреть. Словно потеряв родного сына, этот суровый, мужественный человек буквально почернел, я часто видел, как он отрешенно, неотрывно смотрит на море. Пережив еще две тяжелейшие бури, мы в конце концов, спустя десять месяцев после отплытия из Веракруса, прибыли на мою желанную родину, в Испанию, и вошли в порт Санлукар-де-Баррамеда.

Во время плавания у меня не выходило из головы предостережение дяди. Перед глазами неотступно стоял отец Валенте, с которым мне придется вести диспут на Соборе епископов.

Я представлял себе аскета – высокого худого человека со впалыми щеками. Его ум, острый как меч, мне сразу же удастся увидеть в его сверкающих глазах. Мне казалось, что он тихим голосом станет задавать свои изощренные вопросы, чтобы найти мои уязвимые места, а найдя, выставит напоказ.

Я пытался представить себе те вопросы, которыми он будет атаковать меня. Наверняка спросит, каковы полномочия посланников. Усмотрит, конечно, противоречие в том, что найфу, преследуя христиан, в то же время отправляет миссию. Будет порицать за то, что я скрываю истинное положение с распространением веры в Японии, и не только скрываю, но и рисую радужные перспективы.

Перебирая в уме все мыслимые вопросы, которые он может задать, я, точно семинарист перед экзаменом, пробовал ответить на них. Но вдруг меня охватили возмущение и печаль. Почему они, служа Всевышнему, как и я, пытаются сломить мое стремление сделать Японию страной Господа? Почему они мешают мне?

И тогда я вспомнил о святом Павле, который вернулся в Иерусалим, и о его спорах с апостолами, порицавшими его за то, что он обращал в веру язычников. Павла тоже поносили, злословили за его спиной, мешали ему те же единоверцы. Христиане из Иерусалима злобно утверждали, что Павел – самозванный апостол, поносили его за то, что он нес Слово Божье в другие страны, другим народам. Таковы же и иезуиты: они считают, что я не способен принести пользу в распространении веры в Японии.

Поднявшееся во мне возмущение еще можно было одолеть, но печаль разрывала сердце. Веря в одного Бога, молясь одному Господу нашему Иисусу, стараясь нести в Японию Слово Бога, мы враждуем, боремся друг с другом. Почему люди всегда столь безнравственны и своекорыстны? Почему даже мы, священнослужители, не только не становимся чище и лучше, но, наоборот, безнравственнее простых мирян? Я почувствовал, что еще очень далек от покорности и терпения, от бесконечной доброты, которыми отличались святые праведники.

Прошлой ночью дождь колотил по палубе корабля, поднимавшегося вверх по реке. От шума дождя я проснулся. К моему великому позору, со мной случился мерзкий грех... Упав на колени, я стал молиться. Жалкая моя плоть! Я вдруг испытал страшное отчаяние – будто увидел свое отвратительное отражение в зеркале – и почувствовал, сколько яда скопилось в моем сердце. Плотское вожделение, возмущение иезуитами, непреклонная убежденность в возможности распространять веру в Японии – все это смешалось в моей душе, и на мгновение я даже утратил надежду, что Господь внимлет моим молитвам. Возникла даже мысль, что Господь указал на меня перстом, будто желая сказать, что за моими молитвами, моими надеждами стоит самое отвратительное, греховное, что может быть в человеке, – тщеславие.

«Нет, это не так, – отчаянно воспротивился я, – моя любовь к Японии и японцам беспредельна. Именно поэтому я хочу вырвать их из духовного оцепенения. Мне не будет прощения, если ради этой благой цели я как священник не отдам свою жизнь без остатка. Все, что я делаю, я делаю во имя Твое».

На столе лежало маленькое распятие, и Господь, раскинув руки, смотрел на меня печально и так же печально слушал мои стенания.

«Как же мне быть, Господи, неужели я должен отказаться от Японии? Неужели я должен оставить в безбожии японцев, одаренных талантом и силой? Принято считать, что этот народ тщательно оберегает особые свойства своей души быть ни холодной, ни жаркой. А я хочу... зажечь в них жар и заставить прийти к Тебе».

Существует лишь один способ противостоять отцу Валенте – заставить японских посланников в Мадриде принять христианство! Как были крещены японские купцы в Мехико. Тогда епископы убедятся, что я говорю правду. Так же, как было в Мехико...

Посланники наконец ступили на землю Европы. Они оказались в испанской Севилье, о существовании которой полтора года назад даже не слышали.

Была ранняя осень. На залитых ласковым солнцем полях стояли белые домики, и среди них виднелись устремленные в безоблачное небо шпили соборов. По реке сновали суденышки, на берегу, в лучах солнца, пламенели цветы. Их аромат разносился по всему городу, на белых подоконниках в окнах домов стояли цветочные горшки, за резными воротами виднелись мощенные изразцами дворики, где стояли скульптуры и вазы с цветами. Стены домов были украшены ярко-синим орнаментом, в комнатах полумрак и непривычный запах.

Это был первый испанский город, который они увидели. Огромный город потряс трех самураев – за всю свою жизнь они видели лишь призматический город Его светлости и даже ни разу не побывали ни в Киото, ни в Эдо. В давние времена он был мавританским, но потом его отвоевали испанские христиане, рассказывал им Веласко. Посланники не представляли себе, где находится страна мавров и что сохранилось после них в этом городе. Они были потрясены роскошными дворцами, как, например, Алькасар, и растерянно молчали, подавленные грандиозностью соборов.

Каждый день они были заняты с утра до вечера – не то что в Мехико. Благодаря содействию семьи Веласко, влиятельных уроженцев этого города, посланников в экипаже возили к алькальду, их приглашали знатные господа и высшее духовенство. Они мужественно терпели непонятный язык и непривычную еду.

Однажды после полудня, когда они с колокольни огромного собора осматривали город, Веласко, указывая то на один шпиль, то на другой, объяснял: вон церковь Святого Стефана, вон собор Святого Петра, и вдруг заметил иронически:

– Да, это Испания, о которой столько говорят в Японии, – и громко рассмеялся. – Во время своего путешествия вы увидели, сколь огромен мир, и можно смело утверждать, что в этом огромном мире самая богатая страна – Испания... Теперь вы здесь. В стране южных варваров.

Тародзаэмон Танака стоял скрестив руки и, чтобы не выдать своего потрясения, смотрел в землю. Лишь Кюскэ Ниси, достав кисть и бумагу, старательно записывал названия дворцов и соборов.

– Но самый большой город, с которым не может сравниться даже Севилья, – это столица Испании, Мадрид. Там вы встретитесь с королем Испании.

Веласко понимал, какая робость охватывает Танаку и Самурая. Для них, людей незнатных, хотя и именуемых посланниками, встреча с королем такой могущественной державы – слишком большая честь.

– Но существует человек, перед которым становится на колени даже король. Вам это известно?

Трое посланников молчали.

– Это король христиан, которого именуют Его Святейшеством Папой. Попытаюсь объяснить на примере Японии: предположим, найфу – король Японии, тогда императора можно было бы, пожалуй, именовать Папой. Но Папа обладает несравненно большей властью, чем японский император. Однако даже сам Папа... всего лишь слуга. – Веласко с улыбкой посмотрел на посланников. – Вы, я думаю, и сами догадываетесь, о Ком идет речь... Его образ вы видели повсюду в Новой Испании. Да и не только в Новой Испании. Не только в самой Испании. Во всех странах Европы Ему поклоняются, падают перед Ним ниц, возносят Ему молитвы...

В воскресенье Веласко совершенно преднамеренно привел трех посланников в собор Святого Франциска. В тот день епископ Лерма служил торжественную мессу специально для них. С самого утра по мощеной мостовой один за другим следовали экипажи, направляясь в собор. Разодетая знать и купцы заполнили нефы, золоченые фигуры святых освещало множество свечей,

звучала органная музыка. С украшенной орнаментом кафедры епископ Лерма благословил собравшихся и провозгласил:

– Сегодня к мессе вместе с уроженцем Севильи отцом Веласко пришли посланники из далекой Японии, они преодолели бурный океан. Сегодня мы помолимся за японских посланников и весь японский народ. Наши предки построили в языческих землях множество храмов и превратили их в Божьи страны, помолимся же, чтобы настал день, когда и в стране посланников восславят Господа нашего...

Верующие встали на колени, и хор запел:

*Sanctus, sanctus, sanctus
Dominus Deus Sabaoth
Pleni sunt coeli et terra gloria tua [27].*

Веласко прикрыл лицо руками и дал волю чувствам:

«О Япония! О Япония! – Этот возглас вырвался из глубины его сердца. – Услышь мой голос. О Япония! О Япония! Сколько бы ты ни пренебрегала Словом Божьим, сколько бы ни губила наших миссионеров, сколько бы ни проливала крови верующих, однажды ты все равно пойдешь за Господом. – Опустив голову, он стал молиться: – Господи, во имя Японии... дай мне силы победить. Дай мне силы одолеть отца Валенте».

Служба окончилась, взволнованные люди окружили японцев, и толпа стремительным потоком вынесла их из собора. Испанцы хлопали по плечам растерявшихся японцев, жали им руки и не расходились до тех пор, пока епископ Лерма не увел Веласко и посланников в подземелье собора.

– Итак, сын мой, – обеспокоенно обратился к Веласко епископ Лерма, когда они пришли в полутемный сырой зал, куда не проникали приветственные крики. – Церемонии окончены. Пора вернуться к действительности. Этот успех не должен тебя обольщать. Обстоятельства складываются неблагоприятно. Специально, чтобы выслушать тебя, в Мадриде соберутся епископы, но это не будет способствовать твоим планам, не надейся.

– Я знаю, – кивнул Веласко, бросив взгляд на посланников. – Но ведь вы сами, Ваше преосвященство, возносили молитвы за посланников и весь японский народ. Вы выразили надежду, что однажды Япония станет страной, где восславят Господа!

– Верно, я сказал «однажды». Но это не значит «сегодня». Даже сюда дошли слухи, что на протяжении двадцати лет в Японии преследуют миссионеров, казнят верующих.

– Обстановка меняется, – быстро заговорил Веласко, прибегая к тем же доводам, что и в разговоре с архиепископом в Мехико. – Иначе зачем было бы Японии направлять посланников в Испанию?

– Сын мой, иезуиты доносят, что обстановка, наоборот, становится все напряженней. Они утверждают также, что эти посланники всего лишь вассалы какого-то князя, а не официальные представители короля Японии... Мы не хотим, чтобы там лилась кровь наших миссионеров.

– Распространение веры сродни сражению, я уверен в этом. Я миссионер, сражающийся с Японией. Миссионер – это солдат, готовый умереть за Господа. Святой Павел не жалел своей жизни, обращая в веру язычников. Распространять веру – это труднее, чем говорить о любви к Господу, уютно устроившись в монастыре и греясь на солнышке.

– Ты прав. – От епископа не ускользнула издевка Веласко. – Я согласен, что распространение веры сродни сражению. Но ведь солдат обязан повиноваться своему полководцу! Это касается и тебя.

– Бывает, что полководец слишком далеко от места сражения и ему не известна обстановка на поле боя.

– Ты... – Епископ пристально посмотрел на Веласко. – Сын мой, ты слишком одержим своей идеей, остерегайся. Нельзя, чтобы одержимость надломил тебя.

Веласко покраснел, но промолчал – епископ был прав, в течение всей его долгой жизни старшие много раз предупреждали его об этом.

---

²⁷ Свят, свят, свят
Господь Саваоф,
полны небо и земля славы Твоей (лат.).

«Ну а что, если бы я не был так одержим? – подумал Веласко. – Что бы я делал в этой восточной стране? О Япония, чтобы сразаться с тобой, я... я должен быть одержимым».

– Мы поедем отсюда в Мадрид. Я хочу обратиться с просьбой к архиепископу...

– С какой?

– С просьбой, чтобы король принял японских посланников...

Епископ Лерма, с сожалением посмотрев на Веласко, протянул ему руку для поцелуя. Потом повторил огорченно:

– Буду рад, если архиепископ поможет тебе... Но ты слишком одержим. Смотри не надорви свою душу.

Толпа рассеялась, епископ Лерма скрылся в своих покоях, японцы вернулись в монастырь, и лишь Веласко остался в безлюдном соборе и упал на колени перед алтарем. В соборе было тихо и полутемно – лишь необычно окрашенный слабый свет проникал сквозь цветные витражи, на алтаре мерцали свечи, и Христос, воздев руку, взирал на него. Именно таким он был, когда говорил своим ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари».

«Господи, – молился Веласко, сложив руки и глядя Христу в глаза. – Ты повелел во все уголки мира нести истину. Я посвятил свою жизнь тому, чтобы нести Твое Слово, я отправился в Японию. Неужели ты отвернешься от этой страны?»

Ответь же мне, Господи! Японию хотят сейчас лишить Тебя. Твоя Церковь отворачивается от Японии. Епископы, архиепископы, кардиналы боятся ее, они не могут смириться с мыслью, что там и дальше будет литься кровь миссионеров, и хотят бросить на произвол судьбы оставшихся там верующих. Ответь мне, Господи. Должен ли и я подчиняться их приказу?

Господи, прикажи мне бороться. Я одинок. Прикажи мне бороться с теми, кто мешает, кто завидует мне. Я не в силах покинуть Японию. Эта крохотная восточная страна – единственная для меня, и я должен покорить ее, неся ей истину».

С его лба стекал пот, заливал глаза, но Веласко, подняв голову, неотрывно всматривался в лик Христа. Перед его мысленным взором проплывали лица японцев. Они насмеялись над ним. Они были похожи на лица будд, которые он видел в святилище полутемного храма в Киото. Они словно шептали:

«Япония не хочет, чтобы приезжали падре. Япония не хочет, чтобы строились церкви. Япония может прожить и без Иисуса. Япония...»

«Иди, – послышалось вдруг Веласко. – Я посылаю вас как овец среди волков: будьте мудры как змеи и просты как голуби... И будете ненавидимы всеми за имя Мое, претерпевший же до конца спасется... Будьте мудры как змеи».

Так сказал Иисус своим ученикам, посылая их к погибшим овцам дома Израилева. «Будьте мудры как змеи». Веласко, погрузив лицо в ладони, долго оставался недвижим. В этих словах содержалось то, что он должен делать. «Меня будут ненавидеть люди. Иезуиты. Севильские епископы. Но я поеду в Мадрид и на Соборе епископов буду бороться с иезуитами. Чтобы победить, я должен быть мудрым, как змея. Мое оружие – слово, мой главный довод – японцы, которых я привез. Епископы должны поверить, что мои слова – это слова японцев, мои желания – это желания японцев. А для этого...»

Веласко вернулся в монастырь и прошел в комнату японцев. Посланники со слугами стояли на залитом солнцем балконе и смотрели на поток людей и экипажей, лившийся вокруг Хиральды^[28] – гордости горожан. На Гвадалквивире скопилось множество судов, доносились громкие, бодрые голоса торговавших купцов.

Увидев Веласко, слуги поклонились и тут же вышли. Веласко подошел к посланникам и, указав пальцем на суда, сновавшие вверх и вниз по реке, освещенной ласковыми лучами весеннего солнца, стал рассказывать, что отсюда отплывает множество судов в самые разные страны мира.

– Через два дня мы отправляемся в Мадрид. Для встречи с королем Испании.

– Для встречи с королем?.. Неужели это возможно?

Голос Танаки дрожал от волнения. Радость посланников, которые ни разу даже со своим князем не встречались, от мысли, что они могут удостоиться такой чести, ширилась, как поток, разливающийся по иссохшей земле в половодье.

²⁸ Хиральда – башня в Севилье, символ этого города. Первоначально была построена как минарет арабской мечети.

– Должен сказать честно... Возникли непредвиденные осложнения... – После некоторого колебания он продолжал: – В Мадриде есть люди, не очень хорошо относящиеся к нам.

Посланники переглянулись, ожидая объяснений. Пока он говорил, Танака сердито смотрел в одну точку, а Самурай по привычке хлопал глазами, оба не произнесли ни слова. Понять по их невозмутимым деревенским лицам, о чем они думают, было невозможно, и лишь молодой Ниси, в волнении скрестив руки, сжимал и разжимал кулаки. Видимо, они догадывались о разногласиях, возникших в Церкви, и о борьбе двух орденов за право распространения веры в Японии.

– Это привело к тому, что мне придется выступить на Соборе. Там будет присутствовать высшее духовенство, которое должно решить, прав я или те, кто клеветает на меня. – Веласко умолк. Потом едва слышно пробормотал про себя: – Я обязан победить.

Посланники не шелохнулись.

– Мои враги утверждают, что в Японии повсеместно запрещено христианство, что послание Его светлости, в котором он приглашает падре, – уловка. Чтобы рассеять их сомнения... Хорошо, если бы кто-то из вас принял христианство, тогда...

Лица Танаки и Самурая выразили полную растерянность. Веласко перешел в наступление.

– Если это произойдет, духовенство поверит мне. И убедится, что обещание Его светлости прекратить гонения на христиан и благожелательно встретить падре – не пустые слова. В противном случае испанское духовенство прислушается к тем, кто утверждает, будто в Японии убивают христиан и преследуют падре.

Самурай так на него посмотрел, что Веласко даже опешил, впервые увидев на его всегда покорном лице осуждение и даже возмущение.

– Падре, – голос Самурая дрожал, – почему вы не сказали нам этого в Новой Испании? Ведь вы и там уже обо всем знали.

– Я, честно говоря, не представлял себе, что дело примет такой оборот. Пока мы были в Новой Испании, иезуиты слали из Японии послание за посланием, стараясь помешать нашей миссии.

– Я... – простонал Самурай, – не приму христианства.

– Почему же?

– Не люблю христианства.

– Человек не может не любить того, чего он не знает.

– Даже если бы я и постиг его, уверовать все равно не смог бы.

– Не постигнув, уверовать невозможно.

Лицо и шея Веласко все больше краснели. Это бывало всегда, когда его охватывала страсть проповедника. Сейчас он снова был миссионером, обращающим в истинную веру неразумных.

– В Мехико японские купцы приняли христианство тоже не от чистого сердца, а только из корысти. Но и это хорошо. Тот, кто хоть единожды назвал имя Господа, приобщится к Нему.

Веласко услышал голос, шептавший ему: «Что ты собираешься сделать? Ты хочешь крестить неверующих ради собственной выгоды? Это святотатственная дерзость. Крестив неверующих, ты побуждаешь Всевышнего взять на себя их грех».

Веласко пытался отмахнуться от назойливого голоса. Он отгородился от него строками Священного Писания. Когда Иоанн рассердился, что неверующий именем Иисуса исцеляет больных, Иисус сказал ему: «Кто не против вас, тот за вас».

Самурай упорно молчал. Он не отличался силой духа, но в такие минуты становился необыкновенно упрямым. Таким же точно был и характер крестьян из Ято. Танака по-прежнему неотрывно смотрел в одну точку. Что же касается Ниси, то он с трепетом ждал решения старших. Наконец Самурай, точно сдвинув неподъемный камень, произнес непреклонно:

– Нет, не могу. Не могу стать христианином.

После ухода Веласко посланники сели на стулья и долго не двигались с места. В открытое окно проникал шум толпы. В полдень Севилья ненадолго замирает. Послеобеденная сиеста.

– Господин Сираиси, – начал Ниси, вопрошающе глядя на поникших Танаку и Самурая, – говорил, чтобы во время путешествия при непредвиденных обстоятельствах мы следовали указаниям Веласко.

– Но, Ниси, – кашлянул Самурай, – не забывай, что с самого нашего отъезда из Японии и до сегодняшнего дня господин Веласко все время обманывает нас. Об этом говорил и Мацуки. Сначала он клялся, что стоит нам добраться до Новой Испании – и миссия наша будет выполнена, а

когда мы прибыли туда, заявил, что, если не поедем в Испанию, окончательного ответа получить не сможем и, значит, миссию не выполним... Теперь же оказывается, что дела идут не так гладко, как он надеялся. И единственный выход – принять христианство. Я не верю в его искренность. Ты со мной не согласен, Ниси?

Самурай говорил так откровенно и много впервые. Обычно каждое слово давалось ему с огромным трудом. Танака и Ниси долго молчали.

– Но если мы не будем полагаться на господина Веласко, нам совсем ничего не удастся сделать.

– На это он и рассчитывает. Единственное его стремление – пусть даже насильно, сделать из нас христиан.

– Но мы можем стать христианами только для видимости, тогда в этом нет ничего страшного.

– Видишь ли... – Самурай поднял голову и вздохнул. – Роду Хасэкура достались скудные земли в долине Ято, которые едва нас прокармливают. Но в эту долину, скрытую в горах, перенесен прах предков, прах моего отца. Я не могу один из всей семьи принять религию южных варваров, которая была неведома моим предкам, моему отцу.

Сказав это, Самурай заморгал. Он с особой остротой почувствовал, что в его жилах течет кровь многих поколений рода Хасэкура, – он не может отрешиться от их обычаев.

– К тому же, – продолжал Самурай, – не нужно забывать о словах, сказанных Мацуки в Мехико. Веласко слишком одержим своей идеей. Мы не должны, потакая его одержимости, принимать христианство. Ты это помнишь, Ниси?

– Помню. Помню, но все же... – Ниси нерешительно и испуганно переводил глаза с Танаки на Самурая. – Совет старейшин считает, что будущее Японии не война, а торговля со странами южных варваров и Индией. Старейшинам прекрасно известно, что торговля со странами южных варваров невозможна, если будет преследоваться христианство. Значит, мы можем смело принять христианство, что послужит успешному выполнению нашей миссии...

– Ты готов принять христианство? – спросил наконец Танака.

– Не знаю. Я об этом хорошенько подумую по дороге в Мадрид. Но во время нашего путешествия я понял, как бескраен мир. Понял, насколько богаче, могущественнее Японии страны южных варваров. Я решил изучать их язык. И думаю, нам не следует отворачиваться от христианского учения, в которое верят в самых разных уголках этого обширного мира.

Самурай снова позавидовал молодой беспечности Ниси. В отличие от него и Танаки, он без всякого насилия над собой наслаждается путешествием, выпитывает в себя все новое и удивительное.

Хотя Самурай решил полностью отдаться во власть уготованной ему новой судьбы, узы, связывавшие его с Ято и семьей, мешали ему – так и улитка не может покинуть свою раковину в минуту опасности.

– А как вы считаете? – точно ища спасения, обратился Самурай к сидевшему скрестив руки Танаке. Он всегда принимал эту позу в трудную минуту. Глядя на его толстые руки и могучие плечи, Самурай почувствовал, что в жилах Танаки течет такая же, как у него, кровь самурая низкого звания мэсидаси. Такая же, как у тех, кто свято хранит обычаи, завещанные предками.

– Я тоже не люблю христиан. – Танака тихо вздохнул. – Но, Хасэкура, я взял на себя эту миссию не потому, что получил указания Совета старейшин. А ради того, чтобы нам вернули старые владения в Нихоммацу. Только желание вернуть эти земли вынудило меня отправиться в непривычное морское путешествие, сносить жару чужих стран, есть пищу, которую и в рот-то нельзя взять...

Все это можно было сказать и о Самурае. Если господин Сираиси и господин Исида говорили правду, то после возвращения из трудного путешествия семье Хасэкура должны в награду вернуть владения в Курокаве.

– Если нам не вернут земли, – пробормотал Танака дрожащим голосом, – мне стыдно будет перед предками, перед моей семьей, я буду опозорен. Не люблю христиан. Но ради старых владений я готов есть землю.

– Это послужит выполнению нашей миссии, – вмешался Ниси.

– Мацуки говорил, чтобы мы не принимали христианство, – решительно покачал головой Самурай. – Правда, я не испытываю особой симпатии к Мацуки, но... нет, все равно не приму

христианство...

Теперь они направлялись в Мадрид. Их путь на этот раз пролегал не по залитой жарким солнцем пустыне, как в Новой Испании, а по плодородной андалусской равнине, перерезанной красновато-коричневыми холмами и оливковыми рощами.

Холмы и оливковые рощи чередовались, как набегающие волны. Холмы временами были совсем красные, а листья олив, трепеща на ветру, сверкали серебром, как бесчисленные клинки. С приближением вечера земля быстро остывала.

Здесь тоже, как в Новой Испании, время от времени попадались белые, точно обсыпанные солью, деревеньки. Иногда они казались приклеенными к крутым склонам. На некоторых холмах угрожающе возвышались старые крепости.

Но когда оливковые рощи и красные земли кончились, до самого горизонта, выгибаясь дугой, потянулись поля. Далеко на горизонте виднелась маленькая игла, которая при приближении оказалась соборным шпилем. Он вонзался в голубое небо, утопая в нем.

– Это и есть Европа, – с гордостью сказал Веласко, придерживая лошадь. – Земля требует труда. Символ труда – шпиль, устремленный в небо, к Господу.

После выезда из Севильи он больше не заводил разговора о помощи, которую посланники должны оказать ему. И больше не настаивал на крещении. Но всю дорогу самоуверенно улыбался, считая это делом решенным. А посланники, как истинные дипломаты, боясь даже напоминания о крещении, сами не касались опасной темы.

Когда река Тахо, текущая среди полей, изменила свой цвет на коричневый, они въехали в город Толедо. Здесь тоже высился шпиль огромного собора, воздвигнутого на холме; путники увидели его еще издалека. Когда вечернее солнце клонилось к золотистому горизонту, крест на соборе ярко засверкал. Взмокшие от жары японцы молча направились к собору по крутой дороге, вымощенной камнями, провожаемые любопытными взглядами множества людей.

– Хапонесес! – крикнул кто-то из толпы, стоявшей вдоль дороги. – Ме э энконтрадо кон хапонесес антес! [²⁹] – кричал добродушный кривоzubый мужчина. Услышав его возглас, Веласко удивленно придерживал лошадь и заговорил с ним.

– Этот человек, – объяснил Веласко посланникам, – утверждает, что когда-то давно он уже видел здесь японцев.

– Японцев?..

– Лет тридцать назад, говорит он, сюда прибыли, как и вы, с христианской миссией японские посланники с Кюсю, совсем дети – четырнадцати-пятнадцати лет. Вам об этом что-нибудь известно?

Танака, Самурай и Ниси слышали об этом впервые. Они считали себя первыми японцами, попавшими в страну южных варваров. Но мужчина утверждал, что те японцы, тоже в сопровождении миссионера, лет тридцать назад побывали в Мадриде, в Толедо и даже удостоились приема у Его Святейшества Папы.

Веласко все разговаривал с мужчиной. Его, видимо, радовало, что окружающие с интересом прислушиваются к их беседе, и он даже торжествующе посмеивался.

– Японские юноши посетили дом старого часовщика Ториано и остались очень довольны. Он говорит, что как раз в то время работал у этого старика.

Испанец улыбаясь приветливо кивал, указывая на себя пальцем. Он еще рассказал, что один из юношей заболел здесь тяжелой лихорадкой, но благодаря молитвам и хорошему уходу быстро поправился и его вместе с товарищами отправили в Мадрид.

Японцы с любопытством смотрели на залитую солнцем улицу, на дома. И не переставали удивляться, что еще задолго до них по этой же крутой улице шли их соотечественники и видели те же самые дома, окрашенные вечерним солнцем в розовый цвет...

– Совсем дети... Четырнадцати-пятнадцати лет...

Не только Танаке, но и остальным просто не верилось, что такое трудное путешествие могли совершить дети.

– Неужели они благополучно вернулись домой, в Японию? – спросил Ниси у Веласко.

---

²⁹ Японцы! Я уже раньше встречался с японцами! (исп.)

– Разумеется, вернулись, – утвердительно кивнул тот. – Вы тоже благополучно вернетесь в Японию.

Японцы надолго умолкли. Неужели и они в самом деле вернутся на родину? Все думали сейчас только об этом. Наконец на их лицах стали появляться вымученные улыбки, которые скрывали слезы.

В день их прибытия в Мадриде шел дождь. Потоки воды залили площадь Кастилии, беззвучно стекая на улицу Алькала. Повозки ехали по мостовой, разбрызгивая грязь и воду.

В монастыре Святого Франциска они беспробудно проспали целый день. Физическое и нервное напряжение, владевшее ими после прибытия в Испанию, наконец дало о себе знать, когда они добрались до Мадрида – цели своего путешествия. Монахи, понимая это, старались их не беспокоить, обходили жилые покои, где они отдыхали, и даже не звонили в колокол, отбивающий время.

Самураю приснилось, что он снова отправляется в путешествие. Лошади ржали, деревенские старики выстроились у ворот его дома, Ёдзо держал пику Самурая, Сэйхати, Итискэ и Дайскэ вели под уздцы трех навьюченных лошадей. Сев в седло, Самурай поклонился дяде. Позади стояла жена Рику, изо всех сил сдерживая слезы. Самурай улыбнулся старшему сыну Кандзабуро и младшему – Гондзиро, которого держала на руках служанка. Почему-то у ворот его ждал господин Исида. Самураю казалось странным: неужели господин Исида специально приехал в Ято, чтобы повидаться с ним?

– Так вот, – улыбнулся господин Исида, – на этот раз ты обязан во что бы то ни стало выполнить возложенную на тебя миссию. И тогда с возвращением земель в Курокаве все будет в порядке. – У Самурая перехватило дыхание – неужели ему еще раз придется предпринять это ужасное путешествие? Но уж такова моя судьба, подумал он, и нужно ей поклониться. Как все крестьяне Ято, он давно привык к терпению и покорности...

Проснувшись, Самурай не сразу сообразил, что находится не в Японии, а в монастыре чужой страны южных варваров. В окно непривычного дома в чужом городе стучал дождь. Было тихо. Самураю стало тоскливо до слез.

Он оделся, стараясь не разбудить Ниси, и вышел в коридор. Заглянул в комнату слуг – на краю кровати сидел Ёдзо, а Итискэ и Дайскэ спали рядом сладким сном.

– Проснулся? – тихо спросил Самурай. – Я... видел во сне Ято.

– В Ято сейчас заготавливают дрова.

– Пожалуй.

Со времени их отъезда прошло уже полтора года. Самурай вспомнил о том, как два года назад, примерно в это время, он вместе с крестьянами рубил деревья. В молчаливом лесу, сбросившем листву, далеко разносился резкий стук топоров, врубавшихся в древесину. Кандзабуро с младшим братом собирали в том лесу грибы.

– Нужно еще немного потерпеть, – пробормотал Самурай, глядя в запотевшее от дождя окно. – Если нам удастся выполнить здесь свою миссию... то сразу же вернемся в Ято.

Ёдзо, сидевший упершись руками в колени, кивнул.

– Конечно, если все пойдет как по маслу... Господин Веласко говорит, что для этого мы должны принять христианство... – Ёдзо удивленно поднял голову. – Ты... как?

– С тех пор как умер Сэйхати... – начал Ёдзо, но тут же умолк. – В общем, что вы мне прикажете, господин, то я и сделаю.

– Что я прикажу? – Самурай грустно усмехнулся. – Ничего подобного роду Хасэкура никогда не приходилось делать. Дядя бы ни за что не разрешил.

Самурай стал размышлять о своем сне. Долина Ято с приземистыми крестьянскими домами, словно вросшими в землю. Усадьба Самурая, в центре, как бы объединяющая жителей долины. Все жили одинаково. Каждая семья имела одинаковые наделы, одинаково сеяла, одинаково праздновала. Когда кто-то умирал, все вместе хоронили усопшего. Самурай вспомнил гимн в честь Будды Амиды [30], который частенько напевал дядя, сидя у очага и поглаживая раненую ногу.

Будда Амиды прошел десять превращений,

³⁰ Будда Амиды (санскр. Amitābhā) – один из главных будд махаяны.

*Прежде чем достиг нирваны,
И теперь ореол вокруг него
Освещает самые темные уголки бескрайнего мира.*

Закончив пение, дядя обычно несколько раз повторял: наму амидабуцу, наму амидабуцу [³¹], и лицо его выражало умиротворение. Самурай и сейчас слышал голос дяди. Да, в Ято все взаимосвязано. Сам Самурай не пел этого гимна, но не мог отказаться от того, что почитали, во что верили отец и дядя. Отказаться означало предать родных, предать Ято.

Сев в экипаж, я отправился к своему двоюродному брату дону Луису. Его отец, дон Диего Кабальеро Молина, живший вместе с ним, бывший алькальд Севильи, и сейчас еще пользовался большим влиянием в Церкви и при дворе, а дон Луис – Верховный инквизитор.

Когда я подъехал к их дому – видимо, там уже знали о моем приезде, – по лестнице мне навстречу бежали мужчины, женщины и дети. Дети бросились на шею, женщины обняли, мужчины пожимали мне руку. Они окружили меня, родственника, вернувшегося из неведомой восточной страны, и без конца спрашивали о том, что мне довелось пережить. И в гостиной, и в столовой они внимательно слушали мои рассказы, как слушали бы рассказы наших предков-конкистадоров о завоевании неведомых стран.

Когда мы покончили с ужином, после беседы, продолженной в гостиной, дядя Молина подал мне знак глазами. И увел меня и сына в свой кабинет. Остальные, видимо предупрежденные заранее, не протестуя, тепло попрощались со мной.

Мы долго обсуждали, что следует сейчас предпринять. Худой, высокий дядя, вышагивая по комнате, объяснил мне, что пока не ясно, что меня ждет на предстоящем Соборе епископов. Дон Луис стоял вытянувшись, точно часовой, внимательно слушая нашу беседу.

– Ты говоришь, что распространение веры – это сражение, но в любом сражении могут быть случаи, когда приходится отступить. Сейчас наши епископы как раз хотят отступить из Японии. Если Собор примет решение не в твою пользу, то единственное, что мы, твои родственники, сможем сделать... это отправить тебя настоятелем монастыря, но не в Японию, разумеется, а в Манилу. Я очень надеюсь, что это удастся. Думаю, ни кардиналы, ни епископы не будут возражать.

Перестав топтать каблуками, дядя сел наконец в кресло и, сцепив руки, повернулся ко мне, чтобы увидеть мою реакцию.

– Я не совсем понимаю вас...

– Никто не хочет, чтобы ты подвергал себя опасности, даже ради Всевышнего. В Маниле ты сможешь гораздо лучше проявить свои способности.

Закрыв глаза, я вспомнил нищую лачугу в Эдо, где мы жили с Диего. В больнице, где мы лечили прокаженных, было всего три комнатки. Помещение кишело тараканами и крысами, рядом протекала грязная речка. В монастыре же будут разливаться трели птиц за окнами и не придется есть тухлую рыбу и прелый рис.

– Я миссионер, – пробормотал я, слабо улыбаясь. – Я рожден проповедником. Мое предназначение не в том, чтобы молиться в монастырском уединении, я обязан нести учение Господа в земли, где оно преследуется.

Дядя пожал плечами и вздохнул. Его реакция была точно такой же, как у епископа Лермы.

– Ты и в детстве был таким же. Еще совсем маленький бредил Колумбом...

– Если бы покойная матушка не пожелала, чтобы я учился в семинарии, я бы обязательно стал солдатом или моряком, – засмеялся я.

– Матушка послала тебя в семинарию, чтобы хоть как-то смирить твою одержимость...

---

³¹ Хвала Будде Амиде.

– В моих жилах течет кровь наших предков-конкистадоров...

Ни дядя, ни двоюродный брат, никогда не выдавшие Японию, ничего не знавшие о ней, не могли понять меня. В глазах брата я увидел неприкрытую тревогу. Поневоле вовлеченный в мои дела, он опасался, что это отрицательно скажется на отношении к нему и его семье высшей знати и духовенства в стране.

– Я хочу встретиться с архиепископом. Если бы король дал аудиенцию японским посланникам...

– Я уже разговаривал с секретарем архиепископа, – покачал головой дядя. – Он ответил, что все будет зависеть от решения Собора епископов. Архиепископ тоже не будет говорить с королем об аудиенции, наперекор их мнению. Этот вопрос выходит за рамки торговли... Он связан с распространением веры на Востоке. Но будем стараться.

Из слов дяди я понял, что архиепископ хочет избежать связанных со мной неприятностей. Я попрощался с дядей и братом, они проводили меня до экипажа.

Шел холодный дождь. По мощенной камнем дороге я ехал в монастырь. Фонари освещали лишь изображения Пречистой Девы, установленные вдоль дороги и в нишах домов, а на улице уже царили тьма и тишина. Убаюканный цокотом копыт, я закрыл глаза и стал мысленно представлять себе отца Валенте, с которым никогда не встречался. Как он будет возражать мне? Как будет нападать на меня? – гадал я. Из окна слышался громкий женский смех.

Я приехал в монастырь, открыл дверь, зажег свечу, по длинной галерее направился в свою комнату – и вдруг у дверей я увидел японцев.

– Что случилось?

Свеча осветила лица и кимоно трех посланников. Я заметил, что моя одежда намочена от дождя.

– Вы еще не легли?

– Господин Веласко, – официальным тоном обратился ко мне Хасэкура, – когда, наконец, состоится наша встреча с королем?

– Почему вы разговариваете со мной в таком тоне? Я отдаю этому все силы. Может быть, через месяц...

Держа свечу в руке, я объяснил им, что Собор епископов состоится в середине января. На нем я дам бой иезуитам. Слуги посланников уже спали, в доме было холодно. Я объяснил напряженно смотревшим на меня японцам, как влияет в этой стране Церковь на политику испанского двора.

– Хоть бы этот ваш диспут прошел успешно...

– Я надеюсь. Это решит и вопрос встречи с королем.

– Вы рассчитываете победить?

– Не знаю, – улынулся я. – Вы, самураи, вступаете же в сражение, даже если оно и не сулит вам победы. Таков и я.

– Господин Веласко, – Ниси сделал шаг вперед, – если это поможет вам... я готов принять христианство.

Освещенное свечой лицо Танаки было лишено своей обычной самоуверенности.

– Господин Танака и господин Хасэкура, – спросил я, – вы тоже намерены сделать это?

Ни тот ни другой ничего не ответили. Но я почувствовал, что они уже не столь непреклонны, как во время нашего разговора в Севилье.

В день открытия Собора епископов тоже лил дождь. С крыши здания Суда священной инквизиции стекали потоки воды, вся мостовая была в темных лужах. Во двор, разбрызгивая воду и грязь, въезжал экипаж за экипажем. Привратники открывали дверцы, и епископы в развевающихся сутанах и красных шапочках, склонившись под зонтами, которые держали над ними привратники, исчезали в здании.

Двое прислужников в черных одеяниях, стоявшие у массивных дверей, провожали входивших епископов в зал. Веласко усадили лицом к ним, рядом с Валенте.

«Это и есть... отец Валенте?»

Веласко испытывал легкое удивление, глядя на маленького старичка, сидевшего чуть поодаль от него сложив руки на коленях. Неужели этот старик с усталым лицом, сидящий прикрыв глаза, и есть отец Валенте?

Получив в Веракруссе письмо дяди, Веласко все время пытался представить себе своего будущего противника. В его воображении он представал совсем иным человеком, на лице которого написан острый ум и ирония. А рядом с ним сидел понурившись маленький старичок; казалось, жизнь едва теплится в нем. Но это не столько успокоило Веласко, сколько нанесло удар по его самолюбию. «Как много волнений из-за этакого немощного, невзрачного старика!» – подумал он.

Видимо, почувствовав взгляд Веласко, отец Валенте открыл глаза и посмотрел на него. Потом, сочувственно улыбнувшись, слегка кивнул. Позвонили в колокольчик. Это был знак начинать. Епископы, зловещие как грифы, рассаживались в зале напротив Веласко и отца Валенте, глухо покашливали, о чем-то тихо переговаривались, наклоняясь друг к другу.

Председательствовавший встал и начал читать бумагу. В ней говорилось, что Совет епископов Мадрида предполагает обсудить разногласия между орденами иезуитов и францисканцев о методах распространения веры в Японии и определить полномочия японских посланников, прибывших в Мадрид.

Пока его тихий голос звучал в притихшем зале, остальные епископы, неподвижные как мертвецы, мертвыми глазами рассматривали Веласко и отца Валенте.

– Попытаюсь обобщить возникшие вопросы, – заключил председательствующий, закончив чтение. – Пятнадцать лет назад Папа Климент Восьмой издал буллу «*Onerosa Pastoralis*», в которой право распространения религии в Японии, предоставлявшееся прежде исключительно ордену Иисуса, было предоставлено и другим орденам. Орден Святого Франциска отправил в Японию одиннадцать миссионеров, среди них – присутствующего здесь отца Веласко. По его мнению, все неудачи в распространении веры в Японии, начиная с того времени, как в тысяча пятьсот сорок девятом году Франциск Ксавье прибыл туда, связаны с ошибками иезуитов, но он утверждает, что положение может быть исправлено. Иезуиты же полагают, что причины трудностей в распространении веры в Японии иного рода: в жизни страны произошли перемены, в частности, внезапно сменился верховный правитель Японии. Поэтому хотелось бы услышать подробное изложение точек зрения обеих сторон.

Епископы, тихо посовещавшись, согласились с предложением. Все это время Веласко, по своему обыкновению, вызывающе смотрел на епископов, а отец Валенте по-прежнему сидел неподвижно, сложив руки на коленях.

Было названо имя Веласко, и он поднялся. Он почтительно поблагодарил за возможность поделиться своими мыслями о распространении веры в Японии и опытом:

– В течение полувека благодаря стараниям братьев ордена Иисуса дело распространения веры в Японии успешно продвигалось вперед. Их заслуги поистине велики. Они действовали самоотверженно.

Веласко доставляло наслаждение воздавать хвалу тем, кто клеветал на него. Он очень хорошо знал, что это один из способов показать свою объективность. Не жалея похвал, он перечислял заслуги иезуитов. А когда в глазах епископов засветилось любопытство, сказал, подчеркивая каждое слово:

– Однако... Однако иезуиты, не желая того, совершили серьезную ошибку. Они даже представить себе не могли, к какому печальному итогу это их приведет.

Веласко повернулся к отцу Валенте. Но тот продолжал сидеть не шелохнувшись, прикрыв глаза, и было неясно, слушает он Веласко или нет.

– Ошибка состояла в том, что они считали, что Япония ничем не отличается от других стран. Однако Япония отличается от тех земель, которые завоевывали наши предки. Эта защищенная безбрежным океаном страна, хотя и нехристианская, сохраняет твердый порядок и имеет сильную армию. Японцы умны и ловки, у них высоко развито чувство собственного достоинства, и в ответ на оскорбление они, объединившись, точно пчелиный рой, наносят ответный удар. Для такой страны необходим иной способ распространения веры. Оскорблять японцев недопустимо. Раздражать – недопустимо. Однако братья ордена Иисуса делали именно это.

Веласко умолк. Потом, убедившись, что на лицах епископов, которые еще совсем недавно смотрели на него мертвыми глазами, появились проблески интереса, потупился и спросил:

– Должен ли я приводить конкретные примеры?

– Именно для этого мы и собрались здесь, – кивнул один из епископов.

– Например, иезуиты завладели ненужной им землей в городе Нагасаки. Да, они получали с нее деньги для миссионерской деятельности, но у язычников-японцев это вызывало беспокойство и подозрение. Мало того, среди иезуитов были и такие святые отцы, которые, движимые рвением в распространении веры, сжигали изображения будд, а ведь этим божествам поклоняется большинство японцев. Действительно, в Новой Испании разрушение местных храмов не мешало распространению веры. Но те же действия в Японии вызывают лишь возмущение тех, кто мог бы принять христианство. И вот, прослышав об этом, правитель, ранее поощрявший распространение христианства, начал гонения на христиан. Это было порождено в первую очередь подобными ошибками. Иезуитам не уйти от ответственности. Однако они закрывают на это глаза, твердя, что делают все возможное, хотя миссионерская деятельность в настоящее время и связана с огромными трудностями. Выпалив это одним духом, Веласко снова почтительно склонил голову и умолк. Ему требовалась недолгая пауза, чтобы вызвать любопытство слушателей.

– Однако, – сделав ударение, продолжал он, – однако... я надеюсь на успех миссионерской деятельности в Японии... Сейчас положение там неблагоприятное, это верно, но не все потеряно, я в этом убежден. Я не пустой мечтатель, забывающий о действительности, хотя именно в этом меня обвиняют иезуиты. Будь я бесплодным мечтателем, я бы не смог привезти сюда японскую миссию с посланием Его светлости.

Сидевший потупясь отец Валенте вдруг поднял голову. Веласко увидел на его лице горькую усмешку. Казалось, он с состраданием смотрит на жалкие усилия шута. Из всех сил сдерживая раздражение, Веласко продолжал:

– Прибывшие посланники – нет, правильнее сказать, весь японский народ хочет торговать с Новой Испанией. В этом их сила, но в то же время и слабость. Церковь не понесет никакого ущерба, содействуя получению ими некоторых выгод, а за это обретет свободу распространения веры на японской земле. Если мы не будем их унижать, гонения на христиан, несомненно, прекратятся.

В зале был слышен шум непрекращающегося дождя. Епископы, храня молчание, выслушали Веласко.

– Ради выгод японцы пойдут на все, – повторил Веласко. – Они отдадут нам свои души.

Дождь все лил. Самурай сел на кровать и растерянно обвел взглядом комнату. Это была точно такая же комната, как в других монастырях, где им пришлось жить после Новой Испании. Простая кровать, простой стол, на нем фарфоровые, украшенные виньетками, кувшин для воды и таз. К кресту, висящему на голой стене, пригвожден жалкий, худой человек с опущенной головой.

Самурай снова охватило сомнение. «Почему они так почитают его?»

Он вспомнил, что некогда видел такого же вот преступника. Тот сидел на расседланной лошади, и его раскинутые в стороны руки были привязаны к толстой палке. Преступник был таким же жалким и грязным, как этот человек на кресте. У него тоже торчали ключицы, а живот точно прилип к спине от долгого недоедания, бедра обернуты куском тряпки, он с трудом удерживался на лошади, изо всех сил сжимая ее бока тонкими, как хворостины, ногами.

«Что бы сказали люди в Ято, если бы я стал поклоняться такому богу?»

Мысленно представив себе их недоумение, он почувствовал стыд. Самурай не был глубоко верующим человеком, как дядя, но, приходя в буддийский храм, непроизвольно кланялся изображению Будды, а у синтоистского храма, рядом с которым протекал хрустально-чистый ручеек, всегда испытывал непроизвольное желание молитвенно хлопнуть в ладоши. Но он не чувствовал в себе готовности назвать богом этого жалкого, худого мужчину.

Оставшиеся в Новой Испании японские купцы, должно быть, думали так же, как и он. Но ради того, чтобы шла торговля, преклоняли колени в церквях и даже согласились, чтобы их крестили южные варвары. Вспомнив все это, он испытал к ним презрение, но одновременно и зависть. Презрение потому, что ради барышей они спокойно продали душу, а завидовал он их дерзости, смелости – ради барышей они не останавливаются ни перед чем... Но ведь и Ниси тоже говорит, что во имя выполнения нашей миссии он готов, хотя бы для видимости, принять крещение. Разумеется, он хочет сделать это не от чистого сердца, а лишь для видимости. Самурай тоже понимал, что ради Его светлости, ради выполнения миссии он обязан пойти на все. Понимал, разумеется, но решиться на такое был не в силах.

«Решиться на такое я не в силах...»

Стать христианином значило предать Ято. Ято – это мир не только тех, кто живет там. За всем, что происходит в Ято, следят предки. Покойный отец, покойный дед Самурая останутся в Ято, пока жив род Хасэкура. Они никогда не позволят, чтобы Самурай принял христианство.

Отец Валенте медленно поднялся со стула. Он тоже поклонился епископам и сложил руки на груди. Потом заговорил хрипловатым голосом:

– Прожив тридцать лет в Японии, я своими глазами видел ошибки братьев нашего ордена, о которых говорил отец Веласко. И не собираюсь опровергать сказанное им. Наш орден действительно проявлял чрезмерное рвение. Иногда это вело к крайностям. Однако преследование христиан в Японии вызвано не только этими обстоятельствами. В словах отца Веласко содержится немало преувеличений. И в своих надеждах он чересчур смел.

Веласко сжал пальцы и через силу улыбался. Он должен был показать епископам невозмутимость и силу духа.

– Я обязан сказать... что посланники, которых привез сюда отец Веласко, не являются представителями короля Японии, именуемого сёгуном, их господин – всего лишь один из князей, владения которого находятся на востоке страны. Но даже если миссия отправлена с согласия короля Японии, она, по-моему, не может быть признана официальной, представляющей всю страну.

Отец Валенте прикрыл рот рукой и кашлянул. Он говорил спокойно, не делая эффектных пауз, чтобы привлечь внимание епископов, как Веласко. Наоборот, обрисовывал положение монотонным, невыразительным голосом. Но он с самого же начала нащупал уязвимое место Веласко.

– Отец Веласко говорил о выдающихся способностях японцев. Говорил, что они умны, что с ними нельзя обращаться, как с народами других стран, говорил об их хитрости и ловкости. Мы думаем так же. А потому хотелось бы, чтобы вы, Ваши преосвященства, учли следующее обстоятельство: поскольку прибывшая с отцом Веласко японская миссия не является официальной, ее посулам нельзя доверять. Какие бы заманчивые обещания о свободе распространения веры ни содержались в привезенном ими послании, японцы все равно их не выполнят. Вот в чем дело.

Умолкнув, отец Валенте снова несколько раз кашлянул.

– Мой многолетний опыт подсказывает, что мы имеем дело с очередной хитростью, на которую японцы великие мастера. Придумывать самые разные уловки, позволяющие выйти из самого сложного положения, – к этому они прибегают сплошь и рядом. Например, во время войны, когда неизвестно, кто победит, японский дворянин делает двух своих братьев союзниками каждой из воюющих сторон. В этом случае, кто бы ни победил, его род может смело утверждать, что одержал победу. А за то, что один из братьев примкнул к вражескому стану, семья не несет никакой ответственности. Он сделал это по своей воле. Такая же уловка – решение отправить японскую миссию в Новую Испанию. Я утверждаю, что японцы нисколько не заинтересованы в распространении веры и обещание свободы миссионерской деятельности – всего лишь приманка, их истинные намерения совсем иные.

– Чего же они хотят? – спросил один из епископов, сидевший подперев подбородок рукой. – К чему стремятся японцы, кроме установления торговых связей с Новой Испанией?

– Они хотят узнать, где проходят морские пути через океан, выведать секреты мореплавания. Думаю, им стало многое известно во время этого путешествия.

Епископы заволновались. Когда волнение несколько улеглось, их взгляды сосредоточились на Веласко, сидевшем с каменным лицом, вскинув голову. Он поднял руку, прося слова. Один из епископов кивнул. Веласко, весь красный, заговорил чуть дрожащим голосом:

– Вновь обращаюсь к вам, Ваши преосвященства. Мне бы хотелось, чтобы вы знали: в сегодняшней Японии ни один князь без разрешения короля не смог бы выпустить плененных испанцев. Мы же приплыли в Новую Испанию вместе с испанской командой, которой до этого запрещалось покидать пределы Японии. Это как раз и доказывает, что миссия из Японии была послана с согласия короля. О желании самого короля Японии торговать с Новой Испанией свидетельствует хотя бы то, что еще десять лет назад он направил такое же послание на Филиппины. Кстати, всем известно, что еще тридцать лет назад братья ордена Иисуса, к которому принадлежит отец Валенте, выдав четверых малолетних бродяжек за детей знатных феодалов, привезли их в Рим как официальную миссию.

Веласко сел; со скрипящего кресла медленно поднялся отец Валенте. И на этот раз он сложил руки на груди и несколько раз кашлянул.

– Это верно... Король Японии действительно хочет установить торговые отношения с Новой Испанией. Но при этом он не допустит миссионеров – возьмите, к примеру, столицу: множество верующих сожжены заживо на костре, миссионеры изгнаны. Ясно, что князь, которому подчинены посланники, тоже обязан будет последовать этому примеру. Хотя он и обещает защиту миссионерам и свободу распространения веры, это еще не значит, что король Японии думает так же.

– Вы... – перебил его, не поднимаясь со стула, Веласко, – вернее, ваш орден оставил надежды, считая, что прекратить гонение на христиан невозможно. Но я... я убежден, что вызванную вами враждебность японцев к христианству удастся потушить.

Веласко возвысил голос почти до крика, совершенно забыв, что епископы внимательно наблюдают за ним. Отец Валенте, видя, как покраснел Веласко, снова горько усмехнулся.

– Удастся потушить? Не думаю, что это так просто.

– Почему?

– Потому что, по моему убеждению, японцы... я понял это, долго прожив там... они на редкость невосприимчивы к нашей религии. – Горькая, несколько ироничная улыбка исчезла с его лица, теперь он смотрел на Веласко с состраданием. – Японцы фактически лишены способности воспринимать все, что выходит за рамки человеческой природы естества, – все, что мы считаем непознаваемым. За свою тридцатилетнюю миссионерскую деятельность я отчетливо понял это. Объяснить им бренность нашего мира не так-то просто. Именно потому, что они слишком привержены ему. Хуже всего то, что японцы наслаждаются бренностью этого мира. И это даже вдохновляет их поэтическое воображение. Ими движут непосредственные ощущения, и идти дальше них они не желают. Им даже в голову не приходит искать Бога. Им отвратительна сама идея разграничения человека и Бога. Если есть некое высшее существо, считают они, в конце концов и человек может стать им. Возьмем, к примеру, их будд – буддой может стать каждый смертный, достигнув просветления.

Даже природа, которую мы отделяем от человеческого существа, воспринимается как нечто единое с человеком. Мы... оказались бессильны исцелить их от подобного заблуждения.

Епископы встретили эти неожиданные слова глубоким молчанием. До сих пор они не встречали миссионера, который говорил бы с такой скорбью.

– Их восприятие ограничено природой и никогда не выходит за эти рамки. И в этих рамках их чувства удивительно тонки, но то, что над человеком, они постичь не могут. Вот почему японцы не в состоянии представить Бога, отделенного от человека.

– В таком случае... – покачал головой один из епископов, не в состоянии понять того, о чем говорил отец Валенте, – во что же веруют японские христиане, число которых некогда достигало четырехсот тысяч человек?

Отец Валенте, не поднимая головы, ответил тихо:

– Не знаю. – Он уныло прикрыл глаза. – Когда их король запретил христианство, половина из них рассеялась как туман.

– Рассеялась как туман?

– Да, даже те, на которых мы надеялись, считали истинными христианами, стали отрекаться от веры – и примеров таких бесчисленное множество. Стоит князю отречься от христианства, как вслед за ним отрывается вся его семья, его вассалы, стоит отречься от веры старосте деревни, как сразу же почти все ее жители оставляют Церковь. И что самое удивительное, лица их не выражают при этом никакого раскаяния.

– Никаких мук совести?

– На карте, – пробормотал отец Валенте, не открывая глаз, – Япония своими очертаниями напоминает ящерицу. И только потом я понял, что не только лишь очертаниями, но и всей своей сущностью она такова. Мы же, миссионеры, были похожи на детей, радовавшихся тому, что оторвали ей хвост. А ящерица и без хвоста продолжала жить, и хвост в конце концов отрастал. Несмотря на шестидесятилетнюю миссионерскую деятельность нашего ордена, японцы несколько не переменились. Наоборот, вернулись к своим корням.

– Вернулись к своим корням?.. Поясните, что это значит, отец Валенте!

– Японец никогда не воспринимает себя как самостоятельную личность. Мы, европейские миссионеры, не знали этого. Возьмите японца. Мы пытаемся обратить его в нашу веру. Но в Япо-

нии не существует независимой личности. За японцем – вся его деревня. Его семья. Мало того, за ним стоят его покойные родители, предки. Он неотделим от деревни, семьи, родителей, предков. Представляет некое целое с ними. Когда я говорю, что японцы вернулись к своим корням... В общем, я имею в виду, что они возвратились в мир, с которым неразсторжимо связаны.

– Мы вас не совсем понимаем, отец Валенте.

– Тогда разрешите привести вам всего один пример. Когда первый миссионер в Японии Франциск Ксавье начал на юге страны свою деятельность, именно то, о чем я говорил, было самым серьезным препятствием, с которым он столкнулся. Японцы говорили: «Нет сомнений, учение Христа прекрасно. Но самому отправиться в рай, где нет наших покойных предков, – значит предать их. Мы неразрывно связаны с ними». Должен заметить, что это не обычное почитание предков. Это самое настоящее поклонение им. Шестидесяти лет не хватило нам, чтобы преодолеть его.

– Ваши преосвященства, – перебил Веласко, – сказанное отцом Валенте – ужасное преувеличение. Есть и в Японии мученики, отдавшие свою жизнь во славу Божью. Справедливо ли утверждать, что японцы не уверовали в Господа? Надежда на успех миссионерской деятельности в Японии не исчезла.

И тут Веласко выложил свой главный козырь:

– В этом вы можете убедиться хотя бы на том факте, что тридцать восемь японских купцов, которых я привез в Новую Испанию, крестились в церкви Святого Франциска. А сейчас один из трех японских посланников, терпеливо ожидающих справедливого решения Ваших преосвященств, обещал мне, что здесь, в Мадриде, он станет христианином.

Слушая шум дождя, Самурай лежал на кровати, подложив руки под голову, и смотрел на обнаженного человека, висевшего на стене. В комнате были лишь он и этот человек.

Распахнув дверь, вошел Танака. На его одежде блестели капельки дождя.

– Устали? Ниси тоже вернулся?

Самурай поднялся и, скрестив ноги, сел на кровати. Они были в одинаковом звании, но Самурай проявлял уважение к возрасту Танаки.

– Нет, он все еще гуляет по городу под дождем. А мне стало невыносимо, что на нас все время глазают, и я вернулся, – с неудовольствием сказал Танака и, сняв меч, вытер мокрые ножныолой кимоно.

И раньше, в Новой Испании, на них глазели ничуть не меньше, но здесь, в Испании, это стало совершенно невыносимо. Прохожие бесцеремонно подходили к ним, с удивлением касались их одежды и мечей и что-то говорили. Дети кланчили деньги. Сначала японцы смеялись, но постепенно им стало невмоготу.

– Наверное, диспут уже закончился? – пробормотал Танака, вытирая промокшие кожаные сапоги. Такие же сапоги купили себе в Севилье Самурай, Ниси и слуги.

– Думаю, еще не закончился.

– Я что-то беспокоюсь.

Самурай кивнул. Танака тоже уселся на своей кровати, скрестив ноги.

– Хасэкура, что мы будем делать, если Веласко проиграет диспут? С позором вернемся в Японию?

Самурай прищурился и промолчал. Он не знал, что ответить. Веласко говорил, что и аудиенция у короля, и вручение послания Его светлости – все будет зависеть от того, чем закончится сегодняшней диспут. После того как Веласко сегодня утром отбыл в экипаже, трое японцев не находили себе места от волнения. Самурай понимал, почему Ниси гуляет под дождем.

– Что же будет? Что же будет? – Танака не отрывал глаз от Самурая. – Для меня это невыносимо. Как я буду выглядеть в глазах родных? Я же им в лицо посмотреть не смогу – они ведь так надеются, что нам вернут старые владения!

Те же чувства испытывал и Самурай. Он смотрел на стекло, по которому бежали струйки дождя.

– Да, Хасэкура, – задумчиво пробормотал Танака. – Я, пожалуй, как и Ниси, приму христианство. Оно мне противно. Но в нашем положении... другого выхода нет. Так я считаю. В сражении, чтобы обмануть врага, приходится иногда склониться перед ним в покорном поклоне. Но сердце в этом не участвует. Именно это я сказал своему сердцу прошлой ночью.

– Тюсаку Мацуки...

– Стоит ли верить сейчас тому, что говорил Мацуки. Он утверждал, например, что Совет старейшин отправил нас в это путешествие, чтобы не возвращать самураям нашего звания принадлежавшие им в прошлом владения, но я не верю этому. Во время нашего путешествия меня поддерживало обещание господина Сираиси. По-моему, Мацуки покровительствуют противники господина Сираиси, вот в чем дело... А как думаете вы, Хасэкура?

– Стать христианином... даже если это только уловка... все равно у меня такое чувство, что я как бы отворачиваюсь от рода Хасэкура, от предков...

– То же самое испытываю и я. И совсем не собираюсь отречься от веры предков. Она останется в моем сердце. Будет гораздо большим несчастьем, если нам не удастся вернуть их земли.

Самурай чувствовал, что внутри у него все разрывается. Шум дождя напомнил ему сезон дождей в Ято. Дни бегут, а дождь не позволяет выйти на улицу, дом наполнен множеством запахов, сухие ветки в очаге дымят, дети кашляют – вот что такое сезон дождей в Ято. Земля раскисла от дождя...

– Подумайте, Хасэкура.

Самурай посмотрел на изображение человека, висевшее на стене. На их корабле, плывшем по безбрежному морю, купцы каждый день слушали истории, которые рассказывал о нем Веласко. Веласко говорил, что он умер, приняв на себя грехи человечества. Потерпевший поражение князь ради спасения своих верных вассалов кончает жизнь самоубийством, объяснил улыбаясь Веласко. Так же и он – умер ради того, чтобы вымолить у Бога прощение для людей. Значит, вместе с людьми он восстал против Бога? Нет, это не так. Он не совершил ничего такого. Он никогда не восставал против Бога. Он просто умер, пожертвовав собой ради людей.

Купцы, хотя и не верили этим фантастическим историям, кивали головой. Человек, о котором рассказывал Веласко, интересовал их не более, чем камень на обочине дороги. Камнем можно забивать гвозди, когда же необходимость в нем отпадает, его можно выбросить. Если поклонение этому человеку поможет торговле с южными варварами, купцы готовы молиться ему, а потом – станет ненужным – выбросят.

«Какая же разница... между мной и торговцами?» – моргал глазами Самурай, задавая себе этот вопрос.

Жалкий, худой, униженный человек, которого можно спокойно выбросить, когда в нем пропадет нужда, человек, рожденный в далекой неведомой земле и умерший в далеком прошлом, – нет, он не имеет к нему никакого отношения, думал Самурай.

– Я не отрицаю факта крещения. – Отец Валенте, тяжело вздохнув, поднялся с кресла. Он тяжело дышал, будто ему было жаль нападать на Веласко. – Но мне не известно, насколько чисты были их помыслы.

– Что вы имеете в виду? – спросил тот же епископ.

– Я уже говорил. Когда начались гонения, половина японских верующих рассеялась как туман. А если гонения ужесточатся, то и другая половина, думаю, без колебаний отречется от христианства. Чем обращать в веру новых, лучше подумать о том, как оборонить саму веру...

– Ваши преосвященства, – не дав договорить, перебил его Веласко, – мне бы хотелось возразить на эти оскорбительные слова отца Валенте, чтобы восстановить доброе имя тридцати восьми японцев и посланника, о котором я вам говорил. Весьма прискорбно слушать такие слова из уст священнослужителя. Он оскорбляет великое множество японских верующих, им же самим крещенных.

– Я их не оскорбляю. А говорю истинную правду...

– Даже если ваши слова – истинная правда, – воскликнул Веласко, – вы, кажется, забыли, что таинство крещения – это благодать, превосходящая человеческие побуждения. Даже если их помыслы были нечисты, Господь все равно не отвратит от них взора. Даже если Господь нужен им из корысти. Он никогда не оставит их. И вот... – Он умолк на мгновение. – Я вспомнил приведенные в Священном Писании слова Господа нашего Иисуса, увещевавшего Иоанна. Когда Иоанн порицал человека, который именем Божьим исцелял больных, Господь сказал: «Кто не против вас, тот за вас».

И тут Веласко ощутил укол в сердце, точно грудь его пронзил острый клинок. Он знал, что японские купцы не верили, его проповедям. Ему было известно, что крещение послужило их тор-

говле, их барышам. И все же он закрывал на это глаза.

– Собор епископов не намерен выслушивать богословский спор о крещении, – заявил сидевший с краю епископ, подняв руку. – Мы должны решить, являются прибывшие сюда посланники официальными представителями Японии или личными представителями одного из князей. Но прежде необходимо выяснить, на что мы можем рассчитывать: кратковременными или длительными будут гонения на христиан в Японии?

– Речь не должна идти ни о кратковременности, ни о длительности гонений, – ответил Веласко спрашивавшему епископу. – В Эдо, где находится замок нынешнего правителя Японии, и в тех провинциях, которые находятся под его непосредственной властью, действительно преследуют христиан. Иезуиты полагают, что эти преследования и гонения будут продолжаться всегда, но мы так не думаем. Нынешний правитель не приемлет христианство, но в то же время он не настолько глуп, чтобы пренебрегать выгодами от торговли с Манилой и Макао. И если Новая Испания обеспечивает ему большие выгоды, чем Манила и Макао, он умерит жестокости – мы надеемся, что именно таковы его истинные намерения. Я уже много раз говорил об этом. Следовательно, предоставив определенные выгоды правителю Японии, мы получим пусть неполную, но свободу распространения веры – таково мое мнение. В наших руках добиться прекращения гонений. Епископ, кивнув Веласко, обратился к сидевшему со сложенными на коленях руками отцу Валенте:

– Хотелось бы выслушать мнение отца Валенте.

– Гонения будут продолжаться, – откашлявшись, печально произнес он хриплым голосом. – Запрет на христианство, соблюдаемый сейчас лишь в некоторых провинциях, распространится на всю Японию. Если бы это происходило пятнадцать лет назад, еще можно было бы на что-то надеяться, потому что у нынешнего правителя Японии, о котором говорит отец Веласко, был могучий противник – Гоётоми. Но род Гоётоми утратил влияние, сейчас он еще держится в осакском замке, но в скором времени, видимо, с ним будет покончено. В Японии нет князя, который мог бы противостоять нынешнему правителю. Сёгун в самом деле стремится установить выгодные торговые связи, но предпочитает сблизиться с протестантскими государствами. Протестанты обещали ему заниматься только торговлей, а не распространением христианства.

– И отсюда следует, – воскликнул Веласко, – что мы должны отдать Японию протестантам? Это же тот вопрос, с которым связано проникновение Испании на Восток...

Диспут затянулся, на улице стало темно. Епископы обессилели, они с трудом сдерживали зевоту, поводили затекшими плечами. Веласко тоже чувствовал неодолимую усталость. Он закрыл глаза и прошептал последние слова Христа:

«Отче! В руки Твои предаю дух Мой».

Спустившись по сырой лестнице, издававшей характерный для старых монастырей запах плесени, Самурай услышал монотонный хриплый голос:

*О бог урожая, добро пожаловать,
ты вовремя пришел...*

Самурай тоже знал эту песню. Сажая рис во владениях Его светлости, женщины, втыкая в землю рассаду, напевали ее себе под нос. Стоя на лестнице, Самурай прислушивался к голосу, немело выводящему мелодию. Человек, прислонившийся к серой стене, поспешно оборвал песню и поклонившись прошел в комнату. Это был слуга Ниси.

В конце коридора послышался сердитый голос: Ёдзо ругал Итискэ и Дайскэ.

– Мы все хотим вернуться! Сам хозяин старается побыстрее выполнить поручение... И нечего здесь свой нрав показывать!

Потом послышался звук оплеухи и плаксивые оправдания.

Стоя в темноте, Самурай слушал перебранку слуг. Конечно же, Ёдзо возмущился хныканьем Итискэ и Дайскэ, которым хотелось поскорее вернуться в Ято. Самураю до боли в груди было понятно и состояние Итискэ и Дайскэ, мечтавших о возвращении, и отчаяние Ёдзо, который вынужден был отругать их.

«Ради чего ты упорствуешь? – Самураю казалось, что он слышит чей-то голос у самого своего уха. – Из-за твоего упрямства слуги не могут вернуться в Ято. Ради выполнения своей миссии, ради этих людей ты должен хотя бы для виду принять христианство – неужели ты не можешь это»

го сделать?»

– Нечего здесь свой нрав показывать!

Снова раздался звук оплеухи, будто хлестнули мокрой тряпкой.

«Хватит, хватит же, нет сил терпеть! – прошептал про себя Самурай. – Нрав свой показывают не Итискэ и Дайскэ, а я!»

– Ёдзо, – позвал он тихим голосом.

Три серые фигуры повернулись в его сторону и в страхе склонили головы.

– Хватит ругать их. Ничего удивительного, что Итискэ и Дайскэ тоскуют по родине. Я испытываю то же самое. Все это время вижу во сне только Ято... Ёдзо, я, господин Танака и Ниси решили принять христианство.

Слова Самурая заставили слуг вздрогнуть.

– Мы делаем это для того, чтобы выполнить возложенную на нас миссию... А вы сделайте это, чтобы вернуться в Ято... Дело стоит того.

Ёдзо покорно посмотрел на хозяина.

– Я тоже готов принять... – еле слышно ответил он.

Пока епископы совещались, Веласко, сидя в жестком деревянном кресле приемной, беспрерывно бормотал:

«Отче! В руки Твои предаю дух мой.

Отче! В руки Твои предаю дух мой.

О Господи, не отврати своего взора от Японии. Ты носи свой крест и ради Японии, Господи, да свершится воля Твоя!

Япония. Коварная Япония. Все так, как сказал отец Валенте. У этого народа нет ни малейшего желания приобщиться к Предвечному, к тому, что выходит за рамки человеческой природы. Это верно. В этой стране никто не прислушивается к твоим словам. Это верно. Япония, делающая вид, что слушает тебя, согласно кивает, а в глубине души думает о чем-то своем. Это верно. Ящерица, у которой отрывают хвост, а он вырастает снова. Временами я ненавидел эти вытянувшиеся ящерицей острова, но тем сильнее становился во мне боевой дух, росло желание покорить эту недоступную страну».

Дверь в приемную со скрипом открылась. Появился вымокший под дождем дон Луис, с широкополой шляпой в руке. Тербя поля, он с жалостью смотрел на Веласко.

– Епископы только что отбыли.

– Есть ли хоть слабая надежда на победу? – спросил Веласко усталым хриплым голосом, не отнимая рук от лица.

– Не знаю. Его преосвященство Серон и его сторонники настроены против, а вот Его преосвященство Сальватьерра сказал, что, если даже японские посланники и не являются официальными представителями Японии, они тем не менее достойны быть принятыми со всеми почестями.

– Значит ли это, что он предложил аудиенцию у Его величества?

Луис пожал плечами:

– Во всяком случае, чтобы победить, тебе необходимо предпринять нечто такое, что тронуло бы сердца епископов.

– Если японцы примут крещение, это тронет сердца епископов?

– Не знаю. Нужно попробовать все, что только в наших силах. Мы постараемся помочь тебе.

Глава VII

Позади сидевших в первом ряду, лицом к алтарю, Тародзаэмона Танаки, Самурая и Кюскэ Ниси расположились их слуги, тоже готовые принять крещение вместе со своими хозяевами. Справа и слева от алтаря стояли дядя и двоюродный брат Веласко, которые должны были стать крестными отцами, а рядом с ними выстроились монахи в темно-коричневых рясах, перепоясанных вервием. Поскольку прихожанам разрешили присутствовать при крещении, даже задние скамьи были заполнены, но большая часть находившихся в церкви были либо родственники Веласко, либо приглашенные ими гости.

Танака сидел закрыв глаза. Ниси неотрывно смотрел на трепещущие, как крылышки мотыльков, огоньки свечей на алтарном столе. Сзади было слышно, как Ёдзо и его товарищи время от времени шмыгают носами и покашливают. Интересно, думал Самурай, что испытывает каждый

из них.

Самураю казалось, что все происходящее – сон.

...Зима в Ято. Вместе с крестьянами он рубит деревья, снег лепит в лицо... Сидя у очага, он слушает причитания дяди и согласно кивает... Казалось, все это было давным-давно. Ему и в голову не могло прийти, что он окажется в далекой чужой стране и в этой христианской церкви, в окружении южных варваров, будет принимать крещение. Вот были бы потрясены дядя и жена Рикку, если бы увидели эту картину, подумал он, но не мог даже вспомнить их лица.

Появились служки в алых одеяниях и белых накидках, со свечами в руках. Епископ с Веласко и вторым священником преклонили колени у алтаря. Японцы по знаку, поданному им крестными отцами, как их учили, тоже встали на колени на выщербленный мраморный пол.

Непонятная молитва на латыни длилась бесконечно. Глядя на огромный заалтарный крест, Самурай стоял лицом к лицу с пригвожденным к нему худым человеком.

«Я... не хочу поклоняться тебе, – виновато шептал Самурай, моргая глазами. – Не понимаю, за что почитают тебя южные варвары. Ты умер, взяв на себя грехи людей, но я не думаю, что от этого жизнь наша стала легче. Я знаю, что в Ято крестьяне всегда жили убого. После твоей смерти ничего не изменилось».

Самурай вспомнил зиму в Ято, когда холодный ветер гуляет в жалких лачугах. Вспоминал рассказы крестьян, которые в голодные годы, подчистую съев все припасы, уходили из деревень в поисках пропитания. Веласко говорил, что этот человек спасет страждущих, но Самурай не понимал, что означает «спасет».

Последние несколько дней Веласко готовил Самураю и остальных японцев к таинству крещения. Он терпеливо рассказывал им о жизни Христа. Его рассказы были непонятны японцам и не рождали в их душах никаких чувств. Они с трудом сдерживали зевоту, а некоторые, опустив голову, дремали. Когда Веласко замечал это, на лице его появлялось раздражение, и, пытаясь сдержаться, он с трудом изображал улыбку.

Жизнь Иисуса, о которой рассказывал Веласко, казалась Самураю странной. Мать, не знавшая мужчины, родила его в хлеву. С самого своего рождения Иисусу было предназначено стать царем, который спасет людей; вняв зову небес, он удалился в пустыню и стал жить там, руководимый отшельником по имени Иоанн. Через некоторое время он вернулся на родину, обрел учеников, несметным толпам людей являл чудеса, учил, как им следует жить. У него появилось множество последователей, и это навлекло на него ненависть первосвященников, после многих невзгод он был безвинно приговорен к смертной казни. Иисус счел это волею неба и безропотно принял ее. А через три дня воскрес из мертвых и вознесся на небо.

Самурай не мог понять, почему даже такой умный человек, как Веласко, верит столь неправдоподобной истории. И не один Веласко – все южные варвары считают ее истинной! Это было выше его разума. Удивительно, что и в Японии находятся люди, верящие в такие нелепые выдумки.

– Вам всем прекрасно известно, как трудно человеку избежать греха. Вопрос в том, может ли человек спастись сам или же его спасет лишь Тот, кого зовут Иисусом. Первосвященники в Иерусалиме, ненавидевшие Иисуса, ошибочно утверждали, что спастись можно самостоятельно. Однако христиане верят, что только с помощью Иисуса можно достигнуть рая. Иисус принял страдание во искупление тяжких наших грехов.

Рассеянно слушая Веласко, Самурай тайком поглядывал на сидевшего с закрытыми глазами Танаку, на Ниси.

«Все это ради нашей миссии, – звучал в его ушах голос Танаки. – Ожить после смерти – разве можно поверить в такое?»

– Вы страшитесь смерти. И сокрушаетесь о бренности этого мира. Японские монахи учат о перевоплощении душ после смерти, которое они называют вечной цепью перерождений. Согласно же учению Христа, мы, подобно самому Иисусу, можем попасть в рай. Конечно, только благодаря его заступничеству; Иисус дарует нам силы подняться, воспарить над пучиной греха и вселяет надежду на вечную жизнь. Вот почему мы зовем Его Господом, Пастырем добрым.

Тут Веласко неожиданно понизил голос и прошептал:

– Чего вы хотите – жить в мире, подчиняясь закону перерождения душ, или попасть в рай? Верите ли вы, что путь к спасению – умножение добродетелей, как утверждают японские монахи, или же, сознавая свое бессилие, будете уповать на милосердие Иисуса? Если вы сможете понять,

какой путь единственно верный, ответ будет ясен.

Откуда Веласко знает, что небеса наделили Иисуса этой таинственной, чудесной силой? Он утверждает, что Иисус был наделен ею еще до рождения и то была воля Бога.

«Ради нашей миссии, – приказал себе Самурай. – Все ради нашей миссии».

Крестные отцы, сидевшие рядом с посланниками, встали и жестами показали Танаке, Самураю и Ниси, что они должны подойти к алтарю. Навстречу им вышли Веласко с чашей в руках, священник с серебряным сосудом и в центре – епископ.

Ярко-красные губы дородного епископа зашевелились, он о чем-то спрашивал Танаку, Самурая и Ниси. Веласко быстро перевел вопрос на японский и прошептал, чтобы они ответили: «Верую».

– Веруете ли вы в Господа нашего Иисуса Христа? – спросил епископ.

– Верую.

– Веруете ли вы в Воскресение Господа нашего Иисуса Христа и в жизнь вечную?

– Верую.

Каждый раз по указанию Веласко Танака, Самурай и Ниси хором, точно попугаи, повторяли «верую». Сердце Самурая раздирало раскаяние. Хотя он и уговаривал себя, что делает это не от чистого сердца, а ради выполнения миссии, его не оставляло горькое чувство, что сейчас, в эту самую минуту, он предаст отца, дядю, Рику. Это чувство было похоже на отвращение, испытываемое женщиной, лежащей в объятиях нелюбимого мужа, которому она к тому же не верит.

Все трое склонили головы, и епископ, приняв у священника серебряный сосуд, окропил их святой водой. Вода, стекая по лбу, залила глаза и нос Самурая и закапала в чашу, которую держал Веласко. Это и было крещение. Для Самурая и его товарищей оно было простым обрядом, для Церкви – священным таинством.

*Jesus Meus, amor meus,
Cordis aestum imprime
Uratignisuratamor [32].*

В ту минуту под сводами собора послышались тихие голоса, похожие на легкий шелест. Это молились верующие, возносившие хвалу Господу. Епископ протянул Танаке, Самураю и Ниси по зажженной свече, и в сопровождении крестных отцов, родственников Веласко, они вернулись на свои места.

Самурай заметил, что находившийся рядом с ним Веласко со своей обычной улыбкой смотрит на молящихся и посланников.

«Только для виду, – грустно повторял Самурай, сложив руки. – Я говорил „верую“ не от чистого сердца. И в конце концов забуду, что произошло в этот день. Что произошло в этот день...»

Слуги, вслед за своими хозяевами, тоже склонили головы над чашей.

Когда молящиеся поднялись, встали и посланники, когда молящиеся опустили на колени, то же самое сделали и они. Обряд крещения закончился литургией – епископ распростер руки над алтарем и, прочитав из Евангелия, склонился над хлебом и чашей. Это был обряд превращения хлеба в Тело Господне, а вина – в Кровь Господню, но для трех японцев, не понимавших смысла этого таинства, действия епископа казались странными и загадочными.

Стоявший рядом с ними на коленях Веласко пояснил тихим голосом:

– Этот хлеб – Тело Господне. Делайте то, что буду делать я. И примите с почтением хлеб и вино, которые даст вам епископ.

В церкви воцарилась тишина. Беззвучно епископ взял в руки небольшой белый хлебец. Монахи и верующие, стоя на коленях, низко склонили головы. Самурай и его товарищи, так и не уловив смысла происходящего, поняли одно: для них наступает сейчас самый торжественный момент.

«Только для виду, – повторял про себя Самурай вместо того, чтобы молиться. – У меня нет никакого желания поклоняться этому жалкому, худому человеку».

Зазвонили колокольчики. В полной тишине епископ опустил хлеб и, взяв чашу из чистого

---

³² Иисус, Господь, любовь моя,
Умерь жар сердца,
Да вспыхнет огонь, да вспыхнет любовь (лат.).

золота, вознес ее над головой. Это было мгновение, когда вино превратилось в Кровь Господню.

«Только для виду, – повторил Самурай, склонив голову, как сделали все остальные. – Ни во что это я не верю».

Самурай никак не мог понять, чем его все же так влечет к себе этот худой человек с пригвожденными к кресту руками. Раз он принял крещение лишь для виду, ему незачем без конца оправдываться перед собой. Почему он должен испытывать горечь? Почему он должен грустно думать о том, что предал отца, дядю и Рику?

Самурай заморгал глазами и чуть покачал головой, стараясь, чтобы Веласко и крестные отцы не заметили этого. Он пытался преодолеть тоску – все забудется, и не нужно принимать происшедшее так близко к сердцу.

Этим закончился долгий обряд крещения. Когда японцы направились к выходу, их забросали цветами. Веласко переводил поздравления окружающих.

– Пусть вся Япония станет страной Бога!

После обряда крещения каждый день моросил мелкий дождь, увлажняя камни крутых улиц Мадрида. Трое посланников в сопровождении Веласко наносили визиты влиятельным горожанам. В экипаже Веласко без конца твердил, как необходима была их помощь.

Неуютность, которую они испытывали во время визитов, напряжение, царившее за столом, – это бы еще полбеды, хуже было полупрезрительное отношение испанцев к Японии. Самурай и его товарищи чувствовали себя оскорбленными, понимая, что японцев приравнивают к индейцам Новой Испании.

– Мы рады, что члены японской миссии отказались от суеверия, именуемого буддизмом, и языческих богов, уверовав в нашего Господа.

Слыша такие слова, Самурай, чувствовал в них спесь богатого, подающего милостыню нищему. Во всяком случае, ему не доставляло удовольствия такое презрение к Будде, в которого верили отец, дядя и Рику.

«Я не христианин, – говорил себе Самурай. – Я не собираюсь поклоняться Христу, которого почитают эти люди».

Однако, приняв крещение, японцы вынуждены были ежедневно ходить к мессе. В холодном сумраке, еще до рассвета, звонили к заутрене, и они со свечами в руках вместе с монахами шли по длинной галерее в часовню. Над алтарем, освещенным тусклым пламенем свечей, раскинул руки жалкий, худой человек. Священник служил мессу на латыни, а в конце воздевал над головой хлеб и потир. И каждый раз Самурай думал в этот момент о родине. Вспоминал, как навещал могилы отца и родных на одном из холмов Ято.

«Это не я. Я чувствую совсем другое», – говорил он себе.

– Ты не страдаешь из-за того, что пришлось стать христианином? – тихо спросил как-то Самурай у Ниси после мессы.

Ниси беззаботно засмеялся:

– И служба, и гимны, и органная музыка – все это так удивительно. Когда я слышу церковную музыку, я словно пьянею. Теперь я знаю: понять Запад, не зная христианства, невозможно.

– Значит... – Самурай снова почувствовал любопытство и зависть к молодости Ниси, не ведавшего сомнений. – Значит, ты в самом деле хочешь поклоняться Ему?

– Поклоняться не хочу. Но... сама месса не вызывает у меня отвращения. Ничего подобного я не видал ни в синтоистских, ни в буддийских храмах.

Веласко торжествовал. Епископы благожелательно отнеслись к крещению японцев, и все громче раздавались голоса, что японскую миссию следует считать официальной. Веласко сообщил посланникам, что в результате этого в самом скором времени будет, видимо, назначен день аудиенции. И послание Его светлости будет принято, а содержащиеся в нем пожелания беспристрастно и благожелательно рассмотрены.

Если все это правда, то в самом скором времени удастся возвратиться на родину. Сердце Самурая переполняла радостная надежда, сродни той, которая обычно появлялась у крестьян Ято после бесконечной зимы, когда начинал таять снег, предвещая наступление долгожданной весны.

– Вам воздается за то, что вы приняли крещение, – говорил Веласко со своей обычной улыбкой. – Господь вознаграждает тех, кто пребывает в лоне Церкви.

Мадридское духовенство, узнав, что прибывшие с другого конца света японцы приняли христианство, сразу же изменило к ним отношение. Мы каждый день наносим визиты, принимаем поздравления. Дело приняло благоприятный оборот.

Решение Собора епископов будет объявлено в ближайшие дни, и, как полагают дядя и брат, большинство епископов склоняются к тому, чтобы признать японскую миссию официальной, обращаться с посланниками с должным уважением и просить для них аудиенцию у короля. Но тем не менее отец Валенте и иезуиты пока хранят молчание. Не знаю, следует ли расценивать это тревожное молчание как признание собственного поражения.

– Они проиграли! Я склоняю перед тобой голову. – Дядя был в прекрасном расположении духа. – Чем больше препятствий, тем отчаяннее мы сражаемся – такова главная черта нашей семьи, но в тебе она проявилась особенно сильно. Я иногда думаю, что тебе следовало бы заняться политикой.

Он обнял меня за плечи, и у меня стало легче на душе.

– Возможно, я похож на Иакова – одного из учеников Господа, которого прозвали «сыном громовым».

Сегодня после короткого совещания в доме брата Луиса я пешком возвратился в монастырь. Поднимаясь по крутой, мощенной камнем улице, еще мокрой от недавнего дождя, я смотрел на плывущие по небу облака. У обочины сидели на бочках возницы и о чем-то разговаривали. Кроме них, кругом не было ни души, и я, чтобы возблагодарить Господа, по привычке стал перебирать четки.

Вот тогда это и случилось. Мне вдруг почудилось, что откуда-то доносится смех. Захлебывающийся женский смех. Я обернулся – улица была пустынна, возницы куда-то исчезли.

Меня охватило чувство опустошенности, словно все, чего я достиг, рассыпалось в прах. Мне казалось, я воочию убедился, что труды мои напрасны, замыслы бесплодны, все мои мечты – лишь порождение гордыни. Снова послышался захлебывающийся женский смех. Еще более громкий и вызывающий.

Я замер на месте. И посмотрел на небо, по которому плыли серые облака. В них, как мне показалось, я увидел то, чего не видел никогда. Свое поражение.

И я подумал: не лишил ли меня Господь своей любви, не отвернулся ли от меня? «Не введи нас во искушение, – молил я. – Ни сейчас, ни в час нашей смерти...»

*О бог урожая, добро пожаловать,
Ты вовремя пришел,
Мы кончили работу.
Мы пели громко,
Чтобы ты скорее был с нами.*

Танака, Самурай и Ниси сидели в креслах и слушали пение одного из слуг. Со дня отъезда у них еще никогда не было такого прекрасного настроения. До сих пор на их лицах можно было увидеть лишь усталость и разочарование. А теперь они светились радостью. Скоро их миссия успешно завершится и можно будет подумать о возвращении на родину, уверенно сказал им Веласко, когда они провожали его в здание Суда священной инквизиции.

– Сейчас в наших местах праздник изгнания бед, – улыбнулся всегда хмурый Танака, повернувшись к Ниси. – В этот день все, кто должен остерегаться своего критического возраста ^[33], раскрашивают лица тушью. Так изгоняются беды, которые ждут их в этом возрасте.

– В нашей деревне тоже есть похожий обычай, – кивнул Ниси. – Юноши жгут соломенные веревки, мешают пепел со снегом, а потом ходят из дома в дом и этой жижей всем подряд мажут

---

³³ Критический возраст у мужчин – 25, 42, 60; у женщин – 19, 33, 37 лет. Считается, что в этом возрасте людей ждут несчастья.

лица. Девушки стараются убежать, а потом говорят друг другу: «Цветы распустились. Год будет изобильным» – и устраивают веселую пирушку.

– Хорошо бы через год вернуться в Японию, именно в это время, – сказал Танака, потирая руки и склонив набок голову. – Тогда бы удалось попасть на праздник изгнания бед. Это, конечно, если все пойдет гладко, как обещает Веласко.

– Разумеется, все пойдет гладко, – повернулся Ниси к Танаке. – Сейчас, когда наше желание вернуться на родину вот-вот осуществится, мне, как ни странно, жаль покидать эту страну. Честно говоря, мне хочется еще пожить здесь, выучить язык, увидеть много интересного, поучиться и только тогда возвратиться домой.

– Завидую твоей молодости, – засмеялся Самурай. – Господин Танака и я только и мечтаем о том, чтобы поскорее вернуться на родину, снова насладиться рисом и мисо. Недавно я даже во сне это видел.

В зале Суда священной инквизиции Веласко сел, как и в прошлый раз, рядом с отцом Валенте. Напротив них торжественно, как и в тот день, восседали епископы в черных одеяниях. Зазвонил колокольчик.

Епископ, сидевший в центре, поднялся и, держа в руке желтоватый лист бумаги, зачитал решение Собора епископов.

«Обсудив сообщения, сделанные братом ордена Иисуса Лопе де Валенте и братом ордена святого Франциска Луисом Веласко, мы тридцатого января сего года, в соответствии с полномочиями Собора епископов, приняли следующее решение, которое сообщаем заинтересованным лицам и Совету Его королевского величества. Собор епископов рекомендует принять предложение брата Луиса Веласко признать японскую миссию официальной, оказать посланникам прием, соответствующий их положению, выделить средства на их содержание в период пребывания в нашей стране и обеспечить благополучное возвращение на родину. Мы также настоятельно рекомендуем Его королевскому величеству принять японских представителей и с должным вниманием отнестись к посланию, которое будет ими вручено».

Епископ читал решение, запинаясь на каждом слове. Отец Валенте, как и в прошлый раз, сидел опустив голову, время от времени покашливая. Он почему-то слушал с отсутствующим видом, будто все, что говорилось, не имело к нему никакого отношения. Веласко все время хотелось обернуться. Там, на местах для публики, сидели дядя, брат и другие родственники.

«Господи, благодарю тебя. – Он сжал руки, лежавшие на коленях. – Благословенны дела Твои. Я нужен Тебе».

Однако он не испытывал бурной радости. Наоборот, ему даже казалось, что только что услышанное решение принято давным-давно и он его предвидел.

– Прежде чем настоящее решение будет окончательно утверждено, мы предлагаем выступить отцу Веласко и отцу Валенте и высказать свои возражения.

Епископ смотрел на них, свертывая бумагу. Его речь была обычной формальностью. В Суде священной инквизиции после такой процедуры никто, как правило, не выражал несогласия.

Отец Валенте медленно поднялся. Епископы с недоумением смотрели, как он вынимает из кармана ряссы сложенный лист бумаги. Приложив руку ко рту и откашлявшись, отец Валенте печально проговорил:

– Прежде чем покорно принять решение Собора епископов, я просил бы дозволения прочесть послание отца Вивело, брата нашего ордена, присланное из Макао неделю назад.

Сидевший на председательском месте епископ принял сложенный лист бумаги и, разгладив его, стал читать про себя. Отец Валенте снова опустился на стул и, склонив голову, закрыл глаза.

Епископ передал письмо сидевшему рядом с ним. Они тихо посоветовались.

– Прошу вашего согласия прочесть это письмо вслух. – Епископ обвел взглядом присутствующих. – Я думаю, оно достойно того.

Он снова поднялся и, с трудом переводя дыхание, запинаясь на каждом слове, стал медленно

читать:

– «Сообщаю о переменах в обстановке, сложившейся в Японии. Наши враги англичане клеветают на нашу страну. Король Японии, вняв их злобным речам, готовится к разрыву торговых отношений с Лусоном и Макао; он открыто объявил об установлении торговых отношений с Англией, разрешив им основать торговые фактории на юго-западе Японии, в Хирадо. Далее, правитель Тохоку – Северо-Восточной Японии, – сравнительно благосклонно относившийся к распространению веры в своих владениях, – тот самый могущественный князь, который направил своих посланцев в Новую Испанию, начал преследование христиан. Согласно полученным нами донесениям, там уже есть мученики веры, хотя их еще немного. По слухам, этот князь делает все для того, чтобы пресечь слухи, будто он намерен выступить против короля Японии».

Веласко услышал смех. Это был тот же самый захлебывающийся женский смех, который он услышал несколько дней назад на мокрой после дождя крутой улице. Смех взмыл в небо, по которому плыли серые облака. Тот же смех он услышал сейчас.

*О бог урожая, добро пожаловать,
Ты вовремя пришел,
Мы кончили работу.
Мы пели громко,
Чтобы ты скорее был с нами.*

Песня вдруг оборвалась.

В дверях появился Веласко – он был жалок. Взгляды японцев устремились на него.

– Господин Веласко! – радостно вскочил со стула Ниси. – Мы ждем от вас хороших вестей.

Веласко, по обыкновению, улыбался. Но на этот раз улыбка была грустная и потерянная.

– Уважаемые посланники, – промолвил он еле слышно, – возникло... обстоятельство, о котором я должен вам рассказать.

Самурай пристально посмотрел на него. Чтобы отогнать охватившее его дурное предчувствие, он повернулся к слугам, в почтительной позе сидевшим на полу. Все взгляды были прикованы к Веласко – они почувствовали, что произошло нечто непредвиденное.

– Что случилось, господин Веласко? – спросил Самурай дрожащим голосом.

Сделав знак Ниси, чтобы тот держал себя в руках, он пошел за Веласко, направившимся к двери. Танака двинулся за ними. Втроем они молча проследовали по коридору, слабо освещенному зимним послеполуденным солнцем, и вошли в комнату Веласко. Дверь плотно закрылась – казалось, она уже никогда не откроется. Из комнаты слуг уже не доносилось ни смеха, ни песен.

В ту ночь в монастыре рано погасли свечи, жилые покои, где поселили японцев, были погружены во тьму; там царил мертвая тишина. В одиннадцать часов по холодным камням мостовой тяжело протопали шаги ночного сторожа в накидке с капюшоном, с жестяным фонарем в руке и огромной связкой ключей у пояса. Дойдя до угла улицы, он, будто что-то вспомнив, прокричал, обращаясь к спящим домам: «*Нап dado las once у seteno*» [34].

Глава VIII

Пламя свечи, стоявшей на столе, колебалось, и по изможденному лицу Веласко скользили тени. Обычная для него самоуверенность сменилась растерянностью.

– Все наши надежды... – прошептал Веласко, – рассеялись в прах.

Трое посланников обреченно смотрели на трепещущее пламя свечи, готовое вот-вот потухнуть. Оно отчаянно билось, как мотылек, у которого иссякают последние силы.

– Остается только вернуться в Японию. В ушах Самурая все еще тихо звучала песня в честь бога урожая, которую только что пели слуги. Они пели ее, опьяненные радостью предстоящего возвращения на родину. Скоро они вернутся в Ято. Но теперь положение резко изменилось. В Японии полностью запрещено христианство. Таким образом, сёгун отказался от торговли с Новой Испанией. И возложенная на них миссия, и утомительное путешествие лишились всякого смысла.

---

³⁴ Пробыло одиннадцать. Все спокойно (*исп.*).

Долгое путешествие. Бескрайнее, огромное море. Выжженные равнины Новой Испании. Похожее на сверкающий белый поднос солнце. Голая пустыня, без единого листика – только кактусы и агавы. Продуваемые ветром города. Все эти картины одна за другой возникали перед его глазами, тускнели и постепенно исчезали. Ради чего, ради чего, ради чего? – эти слова как барабанная дробь монотонно звучали в его ушах.

Кюскэ Ниси расплакался. Еще совсем молодой, он плакал от горя и досады, плечи у него тряслись.

– Неужели все наши надежды рассыпались в прах? – тоскливо спросил Танака.

Веласко ничего не ответил. Этот южный варвар тоже пытался побороть свое отчаяние.

– То, что написано в письме, правда?

– Думаю, правда. Ни один падре не пошлет лживого донесения.

– Может быть, он неправильно понял?

– Я тоже так подумал. Но в далеком от Японии Мадриде нет возможности установить истину. Может быть, к Папе, в Рим, поступили иные сведения...

– Я готов ехать хоть в Рим, хоть на край света, – одним духом выпалил Танака.

Веласко отнял руки от лица.

– Вы согласны отправиться в Рим?

– Мне не известны намерения Хасэкуры и Ниси. Но я... но я... не могу с пустыми руками вернуться в Японию. Если суждено было возвращаться ни с чем, то лучше бы вместе с Мацуки сесть на корабль в Новой Испании, – простонал он. – Я поехал в Испанию, хотя путешествие было совсем не легким, помышляя лишь об одном – о возложенной на нас миссии. Нет, с пустыми руками я не могу вернуться в Японию. Я готов ехать... хоть на край света.

Самурай был потрясен словами Танаки. Он знал, как сильно желает этот человек получить назад свои старые владения, знал, что он взял на себя эту миссию, чтобы не обмануть надежды родных. Но Самураю казалось, что только сегодня он понял, насколько всепоглощающим, насколько страстным было это желание. Танака сказал, что готов ехать хоть на край света. А вдруг им не удастся выполнить поручение, куда бы они ни направились, куда бы ни добрались? Неожиданно в душе Самурая, точно огромная птица, мелькнуло тяжелое предчувствие. Если Танака не выполнит возложенную на него миссию, ему, чтобы получить прощение родных, останется лишь одно. Ничего иного такому прямодушному человеку не придумать. Только покончив с собой, он сможет рассчитывать на прощение за то, что не хватило сил выполнить миссию. Он сделает характеры. Увидев лицо Танаки, Самурай попытался отогнать от себя мрачные предчувствия.

– А что предпримете вы, господин Хасэкура?

– Если господин Танака поедет, я тоже поеду, – ответил Самурай.

Веласко слабо улыбнулся:

– У меня сейчас странное чувство. До того как отправиться в путешествие и во время самого путешествия я осознавал, что мы с вами идем по разным дорогам. Честно говоря, у меня всегда было ощущение, что я связан с вами одной веревкой. Отныне нас будут поливать одни и те же дожди, продувать одни и те же ветры, мы будем идти плечом к плечу одним и тем же путем. Вот что я почувствовал.

Пламя свечи дрожало, зазвонил колокол, возвещавший, что день закончился. Самурай, закрыв глаза, думал о том, как он скажет слугам, что нужно продолжить путешествие. Ёдзо еще ничего, а вот какие мрачные лица будут у двух остальных – страшно подумать. Милый сердцу пейзаж Ято, запах родного очага, лица жены и детей уходили вдаль, будто уносимые отливом.

«Но завтра все равно придется им все сказать. А сегодня лягу спать и постараюсь забыть обо всем. Я очень устал».

Самурай снова видел сон о Ято. Сон, в котором те самые белые птицы летали в зимнем, покрытом облаками небе. Сделав огромный круг, они стали медленно опускаться на озеро. Ёдзо проворно вскинул ружье. Самурай не успел остановить его. Оглушительный выстрел разнесся по голому лесу, одна из птиц вздрогнула, закружилась и камнем полетела вниз. Вдыхая запах пороха, Самурай сердито посмотрел на Ёдзо. Он хотел сказать, что тот напрасно загубил птицу, но сдержался. Зачем он ее убил? Ведь ей, как и им, предстояло возвращаться на далекую родину...

станции. Похожи мы и на путников, ищущих в крошечной ночной тьме огонек человеческого жилья. «Сын человеческий не имеет где преклонить голову» – эти слова Господа все время, с того дня, как мы покинули Мадрид, живут в моей душе.

После решения Собора епископов все разом переменялось – люди стали относиться к нам холодно. Теперь уже никто не приглашал, никто не посещал нас. Даже настоятель монастыря, где мы жили, отправил епископу петицию, что пребывание японцев в монастыре нарушает уклад монастырской жизни.

Только дядя и его семья еще заботились о нас. И, как ни странно, нашим другом стал один вельможа, раньше державшийся с нами весьма холодно. Его возмутило, что христиане-испанцы с таким безразличием относятся к японцам, принявшим ту же веру, и обратился к одному из могущественнейших людей в Риме – кардиналу Боргезе – с просьбой оказать нам помощь. Дяде удалось подыскать для нас небольшое парусное судно, которое отплывало из Барселоны в Италию, и дать нам на дорожные расходы две тысячи дукатов, правда при этом он поставил одно условие: если Ватикан не удовлетворит просьбу японцев, я обещаю отказаться от своих планов и стану вести тихую жизнь настоятеля в каком-нибудь монастыре в Новой Испании или на Филиппинах.

Выехав из зимнего Мадрида, мы миновали безжизненную равнину Гвадалахара и направились в Барселону через Сарагосу и Серверу.

Дул холодный, пронизывающий ветер. Видя, как японцы безропотно продолжают путешествие, я почувствовал, что боль, смешанная с раскаянием и угрызениями совести, разрывает мою душу. А бесстрастные лица посланников, на которых не отражалось никаких эмоций, наоборот, наводили на меня еще большую тоску. Я даже ощущал себя одним из лжепророков израильских, который повел за собой народ в беспечное, бессмысленное путешествие. Я не был уверен, что, когда мы прибудем в Рим, Папа примет нас и удовлетворит наши просьбы. И японцы, и я шли вперед, уповая лишь на чудо.

Мы были опустошены. И, словно кочевники, стремясь к неведомому источнику, день изо дня брели по выжженной пустыне. Они никогда не признаются даже себе, но в глубине души понимают, что князь и Совет старейшин, которым они безоговорочно верили, предали их. Так же и я страдал оттого, что Господь покинул меня и развеял в прах мои мечты. Известно, что между преданными и покинутыми рано или поздно возникает близость, они должны утешать друг друга, врачевать друг другу раны. Вот и я почувствовал духовную общность с японцами. Мне показалось, что между мной и посланниками родилось настоящее единство, которого раньше не было. До этого я пускался на разные хитрости, манипулировал ими для своих тайных целей, пользовался их беспомощностью – незнанием языка и полным неведением, что их ждет. Они тоже иногда пытались использовать меня для выполнения своей миссии. По-моему, теперь отчужденность, существовавшая между нами, исчезла.

Но неужели Господь в самом деле покинул меня? Глядя на расстилавшееся надо мной серое небо, я подумал об одиночестве, которое испытывал Сам Иисус, покинутый Богом-отцом. Господа нашего тоже не прославляли и не возносили. А ведь Он ходил за Иордан, обошел пределы Тирские и Сидонские, преследуемый людским неверием и насмешками. «И сегодня, и завтра, и на следующий день, – горько шептал, наверное, тогда Господь, – я должен идти». Раньше мысли об этом не волновали меня, но теперь, направляясь с японцами в Барселону, я всю дорогу думал, как было грустно тогда Христу.

И сегодня, и завтра, и на следующий день я должен идти. Но как японцы преодолеют свое отчаяние? Их наивная радость испарилась, они вынуждены предпринять новое долгое путешествие, посетить еще одну неведомую им страну. Ничего удивительного, что японцы разочарованы во мне, а может быть, даже ненавидят меня. Но они ни словом не обмолвились об этом. Я без конца укорял себя, видя, как они без улыбок, лишь изредка перебрасываясь редкими словами, следуют за мной. В таком настроении мы прибыли в барселонский порт, сели на небольшое парусное судно и вышли в море – лил ледяной дождь.

На второй день после отплытия буря заставила нас укрыться во французском

порту Сен-Тропез. Жители этого городка, пораженные экзотическим видом японцев, которых они еще никогда не встречали, тепло встретили нас и приютили в усадьбе местного землевладельца. Не в силах одолеть доброжелательное любопытство, владелец поместья, его жена и горожане весь день следили за каждым шагом японцев. Они касались одежды посланников, осматривали мечи и находили в них сходство с турецкими ятаганами. Чтобы позабавить собравшихся, Ниси, положив лист бумаги на лезвие меча, легким движением перерезал его пополам – все были потрясены. Дождавшись окончания бури, мы покинули Сен-Тропез, но в те два дня, которые нам пришлось там провести, на мрачных лицах японцев стали появляться, как солнце зимой, мимолетные улыбки.

Однако, когда городок скрылся из виду и перед нами снова раскинулось Средиземное море, сидевшие на палубе японцы опять помрачнели. Особенно Хасэкура, стоявший поодаль от остальных и молча смотревший на море; глядя на него, я понял всю глубину его безнадежности. Так обычно ведут себя японцы, когда смиряются с судьбой и принимают ее как неизбежность.

– Никто не знает, что будет завтра, – сказал я ему. – Может ли кто-нибудь утверждать, что, когда мы прибудем в Рим, положение не изменится к лучшему – так же как после дождя неожиданно выглядывает солнце? Я никогда не теряю надежды. Не теряю до последней минуты. Мы не можем проникнуть в промысл Божий, – тихо повторял я, вглядываясь в горизонт.

Этим я пытался подбодрить не Хасэкуру, а свою исстрадавшуюся душу. По правде говоря, я сам уже не мог постичь промысл Божий. Я не понимал, хочет Он или нет, чтобы я нес Его Слово в Японию. Единственное, что я должен всегда помнить, – Божья воля неведома человеку. То, что нам кажется крахом, может оказаться краеугольным камнем будущего успеха. Я повторял себе это в ежевечерней молитве. Но мне не удавалось успокоить свое сердце, наполнить его надеждой.

«Боже, – взывал я из глубины души, – ответь мне. Неужели Ты хочешь, чтобы я отказался от Японии? Или Ты позволяешь мне до конца не терять надежды? Только это я и хочу знать».

Но ответом мне было молчание. В глубокой тьме Всевышний молчал. Временами слышался лишь смех. Захлебывающийся женский смех.

Бог – центр мироздания. Он творит свою историю, превосходящую хитросплетения истории человечества. Я знаю это прекрасно. Однако в Его истории не было моих планов, моих мечтаний – не было самой Японии. Неужели я только мешаю Ему?

Но даже Господь в своей жизни не раз испытал отчаяние, как сейчас я. На кресте он возопил: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?», так же как я сейчас, не сумев понять воли Бога. Но прежде чем испустить дух, он сумел превозмочь отчаяние. «Отче! В руки Твои предаю дух Мой», – обратился он к Богу с верой в Него. Я верю в это. И я хочу стать таким же.

– Господин Веласко, – обратился ко мне Хасэкура, прервав мои мысли. Голос его прерывался, как у грешника, который на исповеди открывает священнику страшную тайну. – Я давно хотел вас спросить... Если в Риме наши надежды не оправдаются, вы останетесь жить в Испании?

– Я... я вместе с вами вернусь в Японию. У меня теперь нет другой страны, кроме Японии. Япония для меня роднее страны, в которой я вырос. – Слова «для меня роднее» я подчеркнул особенно. – Я буду с вами до конца.

– Господин Веласко, вы, по-видимому, не придали значения моим словам? Что будет, если наши надежды в Риме рассеются в прах? – Хасэкура выложил то, что тяжелым грузом лежало на его сердце. – Тогда господин Танака... сделает себе харакири. – Желая прервать разговор, он умолк, снова уставившись в серое море.

– Он христианин, – сказал я дрожащим голосом. – А Господь запрещает лишать себя жизни, которую Он нам даровал.

– Мы приняли христианство не от чистого сердца. Мы стали христианами не по собственной воле, только ради выполнения долга, ради Его светлости.

Хасэкура был непривычно холоден. Я даже подумал, что он мстит мне.

– Зачем ему делать себе харакири? Это совершенно бессмысленно.

– Для господина Танаки это единственная возможность избежать позора. Как он покажется на глаза своим родным?

– О каком позоре вы говорите?! Я своими глазами видел, какие трудности всем вам пришлось одолеть, чтобы выполнить возложенную на вас миссию. И как свидетель могу подтвердить это господину Сираиси и Совету старейшин.

– Господин Веласко, – вздохнул Хасэкура, – вы просто плохо знаете японцев.

После ухода Хасэкуры я остался на палубе – с настроением еще мрачнее, чем темное море. Танака о чем-то беседовал со слугами. В его лице не было и намека на готовность совершить то, о чем только что говорил Хасэкура.

Через два дня после отплытия из Сен-Тропеза к вечеру вдали показалась Генуя. Это был залитый солнцем белый город, обрамленный горами. Посреди него высился древний серый замок. Указывая на город пальцем, я рассказывал посланникам и их слугам, что в нем родился Христофор Колумб, который бороздил моря в поисках золотой страны на Востоке, а на самом деле «золотая страна» – это Япония.

Вот она, Генуя, лишь часть которой ярко освещена послеполуденным солнцем. Облокотившись о поручни, я, как Колумб, подумал о «золотой стране». Для Колумба это была страна сокровищ таинственного Востока, которую он должен был покорить, а для меня страной сокровищ была островная страна, где я должен посеять семена веры. Колумб искал «золотую страну», но так и не смог найти, а меня «золотая страна» отвергла.

«О Япония, как же ты сурова. Ты способна лишь отнимать, но не даровать».

В течение пяти дней мы плыли на юг вдоль итальянского побережья и подошли наконец к Чивитавеккье, морскому порту недалеко от Рима. Вошли в него ночью. Моросил дождь. На блестящем от дождя причале, укутанном туманом, виднелись тени – нас терпеливо ожидало несколько человек с фонарями в руках и четыре экипажа. Их прислал кардинал Боргезе. Судя по тону приветствия, вежливому, но довольно холодному, я мог представить себе степень их замешательства. Нас разместили в принадлежащем кардиналу замке Санта-Севера, но там обращались с нами совсем не как с посланниками иностранного государства.

Было ясно, какого рода письма, какого рода указания относительно нас поступили из Мадрида. Ночами я почти не спал, обдумывая происходящее.

«Японские посланники держались скромно и почтительно. Они низкорослые, лица загорелые. У Танаки, Хасэкуры и Ниси короткие приплюснутые носы; волосы собраны в пучки белой лентой. По их объяснениям, это знак достоинства японского рыцаря. Выходя из замка, они облачались в бордовые японские платья, а в обычные дни носили монашеские рясы с маленькими воротничками и испанские шляпы. Опясывающие их мечи – большой и маленький – очень остры и чуть изогнуты. Во время еды они ловко пользовались двумя палочками и больше всего любили капустный суп с луком».

(Из записок вдовы Косто из Генуи.)

То же недоверие, с которым на нас смотрели в Мадриде. Повторение тех же вопросов и тех же ответов. Последние несколько дней здесь, в Чивитавеккье, со мной беседовали секретарь кардинала Боргезе отец Коссудакудо и монсеньор дон Пабло алла Леоне. Наши мнения не совпадали ни в чем. Они заявляли, что распространение веры в Японии в настоящее время обречено на неудачу, посылка миссионеров туда невоз-

можно; я же настаивал на том, что надежда еще не угасла, что успех дела зависит от предоставления японцам торговых выгод, что мы должны продемонстрировать отсутствие у нас недобрых намерений. Тогда они заявили, что Ватикан не вмешивается в политику королей и что даже Его святейшество Папа не может поправить решения испанского монарха. На это я резко возразил, что речь идет о распространении веры и Папа не может отвернуться от японских христиан, оставшихся сейчас без пастыря.

Не знавшие языка посланники, конечно, не участвовали в наших дискуссиях и в холодном замке Санта-Севера выслушивали от меня отчет о происходящем. Мои самые оптимистические слова и предположения были бессильны вызвать улыбки на мрачных лицах Танаки, Хасэкуры и Ниси. Ничего удивительного: слишком много раз их постигало разочарование. Ниси заболел. Даже он, всегда такой оживленный, не в пример остальным, любознательный, не мог побороть усталость души и тела. Я тоже был измотан до последней степени. Глядя на совсем детское лицо спящего Ниси, я подумал: будь что будет.

Нужно было ждать еще дня два-три, пока кардинал Боргезе примет решение. На пятый день я был приглашен к кардиналу на его виллу Полидоро. Мысль о том, что я предстану перед знаменитым кардиналом, самым влиятельным человеком в Ватикане, да еще и племянником Папы Павла V, буквально парализовала меня; но в то же время я надеялся: а вдруг этот человек поймет, как я люблю Японию, поймет важность распространения веры в этой стране, – надежда была, правда, очень слабой, но она придавала мне силы.

Кардинал, в мантии и красной шапочке, ждал меня в кабинете, откуда открывался вид на тщательно ухоженный сад и пруд, где плавали утки. Я умышленно явился в выцветшей за долгое путешествие монашеской сутане. Чего мне было стыдиться? Так же как грязная, изодранная военная одежда указывает, что солдат побывал в кровопролитном бою, моя простая, потрепанная сутана, считал я, демонстрирует трудности распространения веры в Японии, чего не пришлось испытать высшему духовенству Рима. Поэтому, встав перед ним на колени и почтительно поцеловав перстень на его руке, я вызывающе вскинул голову.

– Встань, сын мой.

Кардинал Боргезе сделал вид, что не заметил моего вызова. Он внимательно следил за мной, пока я поднимался, и заговорил спокойно и тихо, будто сам с собой:

– Ватикан всегда стремится к справедливости. Мы полагаем, что нам известно, сколь трудное сражение за распространение веры в Японии вел ты и твой орден, во всяком случае мы не принимаем безоговорочно наветов и нападок, которым ты подвергался лично.

Взмахнув рукавом мантии, он, чтобы продемонстрировать свое расположение, положил мне на плечо большую теплую руку. И, как мне показалось, ждал моего ответа.

– Мы горячо молились о том, чтобы ваши усилия в Японии принесли плоды. Именно мы в первую очередь молились о том, чтобы свет веры воссиял над Японией. – Кардинал умолк и внимательно посмотрел на меня карими глазами. – Но сейчас я хочу сказать тебе: будь терпелив. Я призываю тебя к терпению.

В какое-то мгновение я был готов поддаться его обаянию. В этих карих глазах, в голосе были отцовская грусть и любовь – кардинал прекрасно знал, какое впечатление на собеседника производит его игра. Но я сразу же догадался, что кардинал Боргезе не столько священнослужитель, сколько хитрый политик.

– Я хочу, чтобы ты понял, – уговаривал кардинал, не отнимая руки от моего плеча, – Ватикан не будет поощрять отправку миссионеров в страну, где преследуют христиан. Ведь и полководец никогда не пошлет солдат на бессмысленную смерть, зная, что на поле брани их ждет беспорочное поражение...

– Нет. – Я справился с душевным смятением. – Ваше высокопреосвященство, я убежден, что Япония не то поле боя, где нельзя надеяться на победу. Распространение веры в Японии не идет так, как нам бы хотелось, только из-за ошибок иезуитов.

Кардинал улыбнулся.

– Ваше высокопреосвященство, миссионеры – не солдаты. Смерть солдат может быть бессмысленной, гибель миссионеров сеет в людях незримые семена. К вящей славе Господней..

– Ты прав. Апостол Петр, приняв мученическую кончину, тоже посеял в сердцах людей невидимые семена.

– И Господь не страшился смерти на Голгофе.

– Ты прав. – Кардинал несколько раз повторил: – Ты прав. – Но вдруг улыбка исчезла с его лица, и оно посуровело. – Однако... мы живем в другие времена. Сын мой, мы – могучая организация. Мы ответственны перед христианскими государствами и народами. И потому обязаны сохранить порядок и обеспечить безопасность верующим в христианских странах.

– Но ведь и в Японии есть верующие. Ради того чтобы не угас огонек веры, иные христиане бросают дома, бросают имущество и скрываются в рудниках, в лесах.

Я вспомнил лицо того человека, который когда-то в Огацу робко попросил исповедовать его. Жив он сейчас или умер? Но я обязан и ради этого человека сказать кардиналу то, что должен сказать.

– У этих верующих теперь нет даже церкви. Нет и миссионеров, которые бы воодушевляли их, вселяли в них силу. Если Ватикан – мать, оберегающая своих верующих, неужели же у них нет права припасть к ее груди? Не напоминают ли они вам того агнца, отбившегося от стада, о котором сказано в Священном Писании?

– Если ради отбившегося агнца подвергаешь опасности все стадо... – грустно проговорил кардинал, – пастух вынужден покинуть агнца.

– Это напоминает мне слова первосвященника Каиафы. Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Именно так говорил в то далекое время Каиафа.

Да, для первосвященника Каиафы самым важным было сохранение порядка и спокойствия. И ради этого он принес в жертву Господа нашего Иисуса.

Кардинал отвернулся от меня. В красной шапочке, широкой мантии, он долго молчал. Я почувствовал, что вызвал гнев этого влиятельнейшего человека в Ватикане. Но отступить мне было некуда. Слишком упорно требует мир порядка и спокойствия.

– Ты прав. – Когда кардинал повернулся ко мне, на его лице уже не было гнева, а лишь усталость и печаль. – Сын мой, мне бы не хотелось защищать первосвященника Каиафу. Однако в то время у Иисуса были только ученики, а за Каиафой стояли общины. Человеку в положении Каиафы приходится ради защиты большинства покидать одного человека. Мы веруем в Господа, но за нами – ордены и сама Церковь. Мы вынуждены поступать так, как поступал первосвященник Каиафа.

Я слушал не шелохнувшись. Мне и в голову не могло прийти, что услышу такое из уст самого кардинала. Грустно потупившись, он сказал тихим голосом, будто про себя:

– Я всегда... страдал от этого.

– Неужели в этом и заключается справедливость?

– Да.

– Ватикан всегда так поступает?

– Это не известно даже мне. Но именно я вынужден занять позицию Каиафы. Однако... не хотелось, чтобы вы думали, будто сердце мое не гложет печаль и горечь. Но кто-то должен взять на себя такую муку.

Кардинал поднял голову. Лицо, еще совсем недавно такое самоуверенное, стало жалким. Я не знал, что ему сказать, – меня все еще одолевало сомнение в его искренности. Никогда не думал, что кардинал может так открыто выражать свои чувства.

– Я, разумеется, знаю, что это противоречит учению Господа о любви к ближнему. Другие меня осудят. Но я свое мнение не изменю.

– Почему? Почему вы настаиваете на том, что противоречит учению Господа о любви к ближнему?

Я был очень взволнован и забыл, что предо мной кардинал.

Кардинал с недоумением смотрел на меня, человека, потерявшего голову. Он по-

гладил крест, висевший на груди, потом заговорил:

– Сын мой, неужели ты думаешь, что разрешить все мучительные вопросы можно лишь с помощью любви?

– Но Иисус учил любви.

– За это он и погиб. Как это ни печально, мы не можем не считаться с политикой. Ватикан не должен использовать средства, которые могут ослабить католические страны.

– Какое же это имеет отношение к распространению веры в Японии?

– Протестантские Англия и Голландия тоже стремятся в Японию. Именно поэтому нельзя допустить, чтобы в Японии питали неприязнь к католическим странам Испании и Португалии. Я считаю, что для нас выгоднее, не раздражая правителей Японии, выждать некоторое время. Ватикан обязан, противоборствуя протестантам, оберегать католические государства. Сын мой, пойми. Я всегда буду молиться за тебя и за Японию.

Низко поклонившись, я вышел из комнаты. Кардинал, отвернувшись от меня, смотрел в окно. Не знаю, о чем он думал в это время.

Японцы покинули замок Санта-Севера, стены которого, загаженные голубями, почернели от дождя и ветра. Поддерживая выздоравливающего Ниси, они медленно спустились на равнину. Самурай, возглавлявший шествие вместе с Танакой и Веласко, беспокоясь о своем молодом товарище, то и дело оглядывался и терпеливо дожидался отстающих. Во время путешествия по Новой Испании японцы, несмотря на нещадно палившее солнце, энергично продвигались вперед, воодушевленные надеждой, но сейчас, когда надежда рухнула, они едва волочили ноги. Ни один из них даже и не помышлял о том, что в Риме всем их невзгодам придет конец. Они прекрасно понимали, что, куда бы ни направились – в Рим или какое-то другое место, – путешествие их бессмысленно. Но в то же время они должны были довести это бесцельное путешествие до конца. Иначе они не смогут вернуться на родину. Путешествие, ведшее их от одной иллюзии к другой, близилось к концу.

Уже наступила весна. Обрамлявшие поля миндальные деревья были покрыты розовыми цветами. Оторвавшись от работы, крестьяне удивленно смотрели на необычную процессию. Они, видимо, принимали японцев в длинных одеждах наподобие арабских, с широкими поясами и с пучками, завязанными на затылке, за гостей тропических стран.

Ни белые цветы яблонь, ни пение птиц не трогали сердце Самурая. Он бы сейчас не смог наслаждаться даже весной в Ято. Погоня лошадь, он следовал за Веласко. Интересно, сколько еще раз этот человек предаст их? Вселяемые им надежды всегда рассыпались в прах. Он внушал все новые и новые иллюзии, и они продолжали путешествие. Но измученное сердце Самурая было уже неспособно ненавидеть этого миссионера. Ему даже казалось – и Веласко, и сам он одинаково нуждаются в сочувствии.

Всякий раз, когда они проезжали деревню, их испуганно провожали глазами собравшиеся на обочине жители; солнце било прямо в глаза, но японцы двигались вперед, не обращая ни на что внимания. Они напоминали похоронную процессию.

Вечером, как это бывает обычно весной, пошел дождь, а когда он прекратился, они уже взобрались на вершину Старой башни. Вечный город был затянут дымкой: внизу сонно извивался Тибр, вдали виднелся холм Пинций, окруженный светло-зеленой рощей, беспорядочно теснились коричневые дома, небо пронзали шпили множества соборов.

Придержав лошадь, Веласко, словно исполняя долг, стал показывать: вон Колизей, вон Форум, – но японцы слушали его без всякого интереса и даже не кивали в ответ.

– А там – Ватикан, резиденция Папы.

Между коричневыми строениями виднелся белый купол, по круглой площади, точно муравьи, сновали люди. Японцы угрюмо молчали, казалось, они провели бессонную ночь и мечтали об одном – как бы выспаться.

Наконец они вступили в Рим. Они шли по мокрым после дождя мощенным камнем улицам, а вслед бежали дети. Вскоре к ним присоединились и любопытные взрослые. Японцы поднялись по длинной капитолийской лестнице и скрылись в аббатстве Ара-Цели. И уже не показывались отту-

да. Люди распустили слух, что это прибыло посольство из Венгрии.

В течение Страстной недели Рим, усердно поливаемый весенними дождями, ждал Пасхи. В церквах в знак скорби алтари были задрапированы пурпурной материей, свечи потушены; в соборах служили молебны о воскресении Иисуса. Множество свечей горело лишь вокруг изображения Девы Марии, по вечерам в храмах собирались мужчины и женщины, чтобы помолиться об искуплении грехов. Но не было ни одного человека, кто бы видел, что из монастыря Ара-Цели выходили японцы.

В пасхальное утро, еще в предрассветных сумерках, на площади Святого Петра в Ватикане начали собираться толпы людей. Это были пришедшие издалека паломники и монахи. Они толпились у собора, терпеливо чего-то ожидая. Окутанные молочно-белым туманом, преодолевая пронизывающий утренний холод, паломники тихо молились. К тому времени, когда туман рассеялся, вся площадь оказалась заполненной до отказа, а на каменной лестнице в ряд выстроились рослые гвардейцы в красных мундирах и серебряных шлемах, с пиками в руках.

В восемь часов ударил большой колокол. По этому сигналу зазвонили колокола во всех соборах Рима. Начался праздник Пасхи. У площади Святого Петра скопилось множество роскошных карет римских вельмож, приглашенных к торжественной службе. Они пробирались сквозь толпу и один за другим скрывались в дверях собора.

Незадолго до девяти часов правая и левая двери базилики распахнулись, монахи и паломники, собравшиеся у лестницы, отталкивая друг друга, ринулись вперед. Они тоже удостоятся благословения Папы. Гвардейцы пиками сдерживали рвущуюся толпу, пытаясь навести порядок. Оставшиеся на площади должны были встать на колени прямо на мостовую.

Огромная базилика, разделенная внутри мраморной колоннадой, была набита битком – яблоку негде упасть. Кардиналы в митрах, украшенных золотом, сели у центрального алтаря и молча ждали выхода Папы. Золотой алтарь, до вчерашнего дня задрапированный пурпурной тканью, сегодня украшало множество серебряных подсвечников с горящими свечами. Кардинал Боргезе, возвышаясь над остальными, смотрел на замершую в молчании коленопреклоненную толпу. Но вот у входа в собор началось движение. Распахнулись центральные двери, через которые должен был появиться Папа. Зазвучал орган, и церковный хор запел: «Vidi aquam [³⁵]. «Pontifice nostro, Pontifice nostro!» [³⁶] – послышалось из дальнего конца собора, потом слова эти подхватил весь собор, они выплеснулись в толпу, стоявшую на площади, и слились в могучий возглас: «Pontifice nostro, Pontifice nostro!»

В этот момент, точно корабль, рассекающий волны, возник папа Павел V. Он восседал в паланкине, который несли священнослужители, облаченный в белую мантию и тиару, подняв руку в знак благословения. Благословляя расступающихся склоненных верующих, он медленно продвигался в людском море к собору Святого Петра.

«Oremus pro Pontifice nostro!» [³⁷] – хором провозгласили монахи, собравшиеся группой в этом людском море. Грязь, облепившая их монашеские рясы, свидетельствовала, что на празднование они прибыли издалека.

Dominus conserveto eum [³⁸].

Папа повернулся в их сторону и осенил крестным знаменем. Увидев это, толпа пришла в движение. Жаждавшие благословения стали прорываться сквозь толпу, пытаясь приблизиться хоть на шаг к паланкину. Но паланкин Папы, плывший как корабль по морю, оттесняя назойливых, продвигался к храму. Он медленно проплыл по ступеням базилики, и гвардейцы в красных мундирах сомкнулись, сдерживая рвущихся к Папе паломников. Центральные двери собора Святого

³⁵ Увидел я воду (лат.).

³⁶ Понтифик наш! (лат.)

³⁷ Помолимся за понтифика! (лат.)

³⁸ Господь да сохранит его (лат.).

Петра поглотили паланкин. В тот момент под огромными сводами собора лавиной прокатились могучие звуки хора, только и ждавшего появления Папы. Мощные басы неслись к куполу, отражаясь от стен.

Alleluia, Alleluia!
Confitemini Domino ^[39].

Когда паланкин проплывал по проходу между коленапреклоненными вельможами, священнослужителями и паломниками, молящиеся, чтобы узреть благословляющую руку Папы, простертую из белоснежных одежд, поднимали головы и сразу же опускали – точно колышущиеся колося на пшеничном поле. Двенадцать кардиналов, символизирующие апостолов, стоя в первом ряду, встречали приближающийся паланкин, пламя свечей в десятках серебряных подсвечников на алтаре колебалось, все ждали начала торжественной службы, которую должен был служить Папа Павел V.

Вдруг слева от прохода несколько человек вскочили, подбежали к самому паланкину, и один из них прокричал какие-то непонятные слова – люди, заполнившие собор, ничего не поняли.

Папа поднял было руку, чтобы благословить их, но его остановили напряженные взгляды этих троих. Папа обратил внимание на то, что лица у них смуглые, как у арабов, носы маленькие и волосы собраны сзади в тугой пучок.

Он понял, что они с Востока. Но не знал, из какой страны. Они были в длинных одеждах, доходивших до пят, на ногах – необычные белые носки и не менее странные сандалии. Папа догадался, что один из них обращается к нему с какой-то просьбой, но не мог понять с какой.

– Мы японцы! – в беспамятстве кричал Танака. – Мы пересекли море, мы посланники из Японии.

Трое монахов пытались оттащить их от паланкина, но они упирались изо всех сил, и сдвинуть их с места было невозможно.

– Пожалуйста!.. – Японцы вдруг лишились дара речи. Они смотрели на Папу, не в силах побороть охватившего их волнения. У них на языке вертелось слово «петиция», но выговорить его они были не в состоянии. Единственное, что они еще могли, – это плакать. Слезы лились по их смуглым щекам.

– Пожалуйста...

Монахи, убедившись, что трое восточных людей, которых они удерживали за плечи, стоят неподвижно, благоговейно склонив головы, отпустили их. Они поняли, что это не безумцы и что у них нет враждебных намерений.

Папа вопрошающе посмотрел вокруг, ища помощи среди тех, кто стоял на коленях. Он понимал, что чужеземцы о чем-то умоляют его. И хотел услышать, в чем состоит их просьба.

Веласко, стоявший в толпе, перехватил взгляд Папы, но не двинулся с места. И не произнес ни слова. Среди тех, кто заполнил собор, он один знал японский язык. Он один понял, что выкрикивали трое. Но что-то мешало ему подойти ближе, и единственное, на что он был способен, – неотрывно смотреть на дородного, невозмутимого Папу. На старика в белой мантии, с поднятой рукой, украшенной драгоценным перстнем. В душе Веласко звучал голос:

«Никому из вас не понять горя этих японцев. Никому из вас не понять моего горя, горя чело века, сражавшегося в Японии».

Чувство, похожее на жажду мести, замкнуло его уста.

Понимая, что никто из присутствующих не объяснит, чего просят эти люди, Папа с грустью смотрел на них. Верующие всего мира ждали литургии, и ради этих людей с Востока Папа не мог прервать церемонию. Ради одного агнца нельзя покидать все стадо. Он тихо приказал следовать дальше.

– Пожалуйста!.. – закричали ему вслед Танака, Самурай и Ниси.

Но паланкин удалялся. Папа, приветливо улыбаясь, осенял крестным знаменем молящихся. Каждый поднимал голову и тут же опускал ее. Перед алтарем кардинал Боргезе, склонившись, приветствовал паланкин...

---

³⁹ Аллилуйя, аллилуйя!
Исповедуйтесь Господу (*лат.*).

В небольшой затемненной комнате собора Святого Петра Веласко ждал кардинала Боргезе. Он не просил об этой встрече, его пригласил сам кардинал.

Комната, как и все остальные в этом помещении, была холодной и неудобной. Пол мраморный, на потолке – фреска, изображающая архангела Михаила с огромными крыльями и копьем в руке, но ей недоставало выразительности Микеланджело, а кроме того, она вся растрескалась.

Веласко не понимал, зачем он понадобился кардиналу. По Риму уже разнесся слух о бестактном поведении японских посланников, и, вполне вероятно, на него решили возложить всю ответственность за это как на духовное лицо.

«Но разве бы я мог остановить их тогда?..»

Веласко, знавший лучше других, какие невероятные страдания выпали на долю японцев, не мог заставить себя выскочить из толпы и удержать их от выкриков. Ему самому хотелось вместе с ними воззвать к Папе. Хотелось высказать все свои горькие мысли. Хотя и оправданий не было, в глубине души он не чувствовал за собой никакой вины.

Вдали послышались шаги. В сопровождении молодого и, видимо, очень исполнительного священника в комнату устало вошел кардинал в красной шапочке и просторной мантии и сразу сел.

– Я понимаю, почему вы приказали мне явиться сегодня к вам, – извиняющимся тоном начал Веласко, склоняясь к холеной большой руке, протянутой ему кардиналом. – Бестактное поведение японцев – моя вина. Но, зная о страданиях, выпавших на их долю, я...

– Я пригласил тебя не для того, чтобы укорять, – прервал его кардинал. – Его святейшество Папа, узнав от меня о том, что произошло, выразил им свое глубокое сочувствие.

Веласко молчал, потупившись. Ему не нужны были сочувствие или сострадание. И посланники, и он сам прибыли сюда из Японии, с другого конца света, проделав долгий и трудный путь, не ради сочувствия Папы.

– Я позвал тебя, – кардинал с грустью посмотрел на Веласко, – вот для чего. Если у тебя еще тлеет хоть малейшая надежда, я хочу, чтобы ты оставил ее.

– Я понял это еще раньше из ваших слов... и отбросил надежду. – Веласко почувствовал, что в его голосе проскальзывают нотки протеста.

– Нет, ты еще не отказался от надежды, – сказал, помрачнев, кардинал. – Это потому, что тебе не все ведомо.

Услыхав эти слова, священник, секретарь кардинала, протянул ему листок бумаги.

– Это письмо правителя Филиппин, полученное Ватиканом два дня назад. Прочти.

Взяв пожелтевший листок бумаги, Веласко устремил взгляд на пляшущие буквы. Пока он читал, кардинал молча потирал руки.

– Ты должен оставить свои надежды. Как сказано в этом письме, король Японии начал решительно изгонять из страны всех проповедников и монахов.

Миссионерам строжайше запрещено ступать на японскую землю. И ты, и японские посланники... должны оставить надежды.

Письмо – официальный документ – датировано ноябрем 1614 года. «Губернатор Хуан де Сильва», – плясали в конце письма буковки, напоминавшие маленьких человечков. Закрыв глаза, Веласко, как ни странно, смог сохранить невозмутимость. Перед его мысленным взором возникла картина, как принимали решение на Соборе епископов, как председатель, похожий на черного грифа, читал Веласко письмо из Макао.

– Ватикан не хочет дальнейшего риска. Ватикан не может рекомендовать Испании и Португалии торговать с Японией, которая полностью запретила христианство и преследует верующих. В этих условиях послание, которое привезла японская миссия, лишено всякого смысла.

«Господи, да свершится воля Твоя, – Веласко попытался вспомнить молитву. – Если такова Твоя воля, я подчиняюсь. В Твоей истории нет моих замыслов. Я это ясно осознал».

Послышался смех. Захлебывающийся женский смех слышался издалека, из далекого далека.

– Они не переживут этого. – Слова сорвались с губ Веласко, как стекает лекарство с губ обессилевшего больного. – Когда узнают о том, что вы сказали, они умрут, – сказал он, обращаясь к кардиналу, подозрительно смотревшему на него. – Я думаю, у них не будет иного выхода.

– Почему? – В голосе кардинала слышалось не столько удивление, сколько раздражение. – Почему они должны это сделать?

– Они самураи. А японских самураев учат, что, потеряв честь, самурай обязан умереть.

– Они выполнили свой долг. К тому же христианам запрещено самоубийство.

Веласко с отвращением смотрел в лицо ничего не понимающего кардинала. Ненависть переполняла его и заставила прибегнуть к угрозе.

– Ватикан будет повинен в их смерти. Вы заставите их совершить самый тяжкий для христианина грех – покончить с жизнью.

– Ты бы не мог предотвратить это?

– Я... теперь уже не знаю, – покачал головой Веласко. – Только если вы... сможете сохранить им честь.

– Чего же ты хочешь?

– Я прошу аудиенции у Папы. Прошу, чтобы он отнесся к японцам как к посланникам...

– Даже если он примет их, пожелания японцев не смогут быть выполнены. Наша политика определена окончательно.

– Я не имею в виду выполнения пожеланий. Но японцы такие... жалкие. Единственное, о чем я прошу, – во имя их достоинства, во имя их чести дать им хотя бы аудиенцию... – На выцветшую монашескую рясу Веласко закапали слезы. – Я прошу... только об этом.

Настал день, когда Папа должен был принять японских посланников. Прослушав монастырскую мессу и позавтракав, они с помощью слуг облачились в привезенные с собой парадные одежды.

Экипаж, присланный кардиналом, уже ждал их у ворот монастыря. Поскольку аудиенция была неофициальной, эскорта не полагалось, однако черную лакированную карету, украшенную золотом, сопровождали два ливрейных лакея. Самурай, сев в карету вместе с Танакой, Ниси и Веласко, увидел в окно, как Ёдзо, стоявший среди провожавших их монахов и слуг, смотрит на него, сложив руки, будто молится одновременно всем божествам, и синтоистским и буддийским.

Он как бы ободрял Самурая, призывая его не терять надежды до конца. Что бы ни случилось, я всегда буду с вами, словно говорил он. Но у Самурая, отправлявшегося на аудиенцию, устроенную лишь для видимости, не было, да и не могло быть никаких надежд. Аудиенция была всего-навсего церемонией, означающей завершение их долгого путешествия.

От жеста Ёдзо у Самурая сжалось сердце – он едва сдержал слезы. Сейчас, когда его все обманули и покинули, один лишь слуга, преданный ему с детских лет, достоин доверия. Он низко поклонился Ёдзо.

Карета тронулась. Слышался размеренный цокот копыт по мостовой. Танака, Самурай и Ниси молчали. Два месяца назад аудиенция у Папы показалась бы им честью, о которой можно только мечтать. Для таких незнатных самураев, даже не достаиваемых приема Его светлости, это было невероятным событием, недоступным их разумению.

Но теперь их уже ничто не радовало. Они не испытывали никакого волнения. Посланники знали, что аудиенция дана им благодаря ходатайству кардинала, удовлетворившего настоятельную просьбу Веласко. Им оказали эту милость для того, чтобы они смирились и отказались от своих планов. Этим и закончится их тяжкое бессмысленное путешествие. Их ждет обратная дорога, столь же безрадостная и долгая.

По обеим сторонам улицы росли ряды деревьев. Цокот копыт становился все громче. Вдали, на фоне пасмурного неба, показался собор Святого Петра. Экипаж с улицы Паллеоне свернул на улицу Борго, а потом въехал на площадь перед Ватиканом.

– Когда выйдет Его святейшество Папа, – снова повторил Веласко, – трижды опуститесь на правое колено и припадите к его стопам.

При въезде в железные ворота их приветствовали гвардейцы в красных мундирах. Карета остановилась, человек в парике и длинных белых чулках бесстрастно распахнул двери и ледяным взглядом окинул Веласко и посланников в необычной парадной одежде.

Поднявшись по каменной лестнице, они прошли по коридору со сверкающим мраморным полом. С одной его стороны в ряд стояли покрытые патиной бронзовые статуи.

Два священника, ждавшие их в конце коридора, молча проводили гостей в приемную. Стены ее были расписаны фресками, на полу, застланном толстым ковром, стояли кресла с золочеными подлокотниками.

Все четверо ожидали звонка колокольчика. Им объяснили, что он возвестит о том, что они должны войти в зал аудиенций.

– Я пойду первым, – несколько раз, чтобы его хорошо поняли, повторил Веласко. – А вы, господин Танака, господин Хасэкура и господин Ниси, последуете за мной, друг за другом.

Им казалось, что прошло очень много времени. Танака и Самурай сидели в креслах, закрыв глаза. Ниси без конца поправлял головной убор. После бесконечно долгого ожидания раздался звук колокольчика, и двери распахнулись.

– Успокойся, Ниси, – тихо сказал Танака. В его голосе слышалось сочувствие, обычно ему не свойственное.

По обеим сторонам зала кардинальских собраний стояло высшее духовенство. Трое японцев, возглавляемые Веласко, прошли сквозь строй красных мантий и красных шапочек. Они ощущали пронизывающие их взгляды. Вдали в кресле с высокой спинкой сидел Папа – только на нем была белая шапочка.

Невысокий полный человек приветливо смотрел на них добрыми глазами. В нем не было величественности короля королей. Папа поднялся с кресла – казалось, он сам вот-вот подойдет к ним.

Веласко остановился и встал на правое колено. Вслед за ним то же проделали трое японцев, но тут Ниси пошатнулся, и Самурай, видя это, поддержал его. Стоявший рядом с Папой кардинал Боргезе склонился к нему и что-то сказал.

– Можно читать... послание Его светлости, – поторопил Веласко растерявшегося Танаку.

Танака достал послание и взял его обеими руками.

– С нижайшим поклоном обращаемся к великому Владыке мира Его святейшеству Папе Павлу V. – Голос Танаки прерывался, Самурай даже видел, как у него дрожат руки. – Веласко, брат ордена святого Франциска, прибыл в нашу страну, чтобы проповедовать христианство. Посетив наши владения, он посвятил нас в тайны христианского учения, постигнув смысл которого мы без колебаний решили следовать ему... Однако в последнее время произошли серьезные перемены. Они создали некоторые препятствия... И мы... пока не в состоянии полностью выполнить свои намерения.

Голос Танаки все время прерывался. И каждый раз сердце Самурая сжимала тоска. Ведь высшее духовенство, присутствующее на аудиенции, не в состоянии понять ни слова из того, что читал японский посланник. Понимали лишь Самурай с Ниси и Веласко.

– Питая уважение и любовь к братьям ордена святого Франциска, мы полны желания строить храмы и отдавать все силы тому, чтобы укреплять добродетель. Мы с радостью сделаем все, что Ваше святейство посчитает необходимым для распространения веры Христовой. Мы с радостью предоставим средства и земли для строительства храмов.

Самурай едва сдерживался, чтобы не закричать: «Хватит!» Он хотел, чтобы Танака прекратил дурацкое представление, перестал читать бессмысленное послание молча слушающему человеку в белой шапочке. Хотя и он, и кардинал Боргезе, стоявший рядом с ним, кажется, без особого труда терпели это дурацкое представление.

– Новая Испания находится далеко от нашей страны, но мы тем не менее испытываем горячее желание завязать с ней отношения и весьма надеемся, что влияние Вашего святейства поможет в осуществлении наших намерений.

Танака, запинаясь и заикаясь, закончил чтение; лоб его был покрыт потом. Веласко, дождавшись, когда Танака передаст послание, чтобы перевести его, сделал шаг вперед.

Но тут Папа неожиданно встал. По выработанной заранее процедуре это не было предусмотрено, поэтому в зале раздался легкий шум, священники разом повернулись к трону.

– Я... – тихо произнес Павел V, слегка наклонившись вперед к Танаке, Самураю и Ниси. Голос его был грустен. – Я обещаю, что в течение пяти дней я буду возносить молитвы за Японию и каждого из вас. Я верю, что Бог не оставит Японию.

Папа сошел с трона и еще раз пристально посмотрел на посланников. Потом, благословив присутствующих, в сопровождении Боргезе и еще трех кардиналов скрылся в соседней комнате.

Сопровождаемые взглядами священников, посланники и Веласко вернулись в приемную. Тяжелые двери со стуком захлопнулись, и они обессиленно опустили в кресла. И задумались. В полной тишине Веласко сидел, сложив руки на коленях и опустив голову.

Давно не вел записей. Слишком горько было рассказывать о том, как рухнули наши надежды, как мы покидали Европу, скрывавшуюся вдали в дымке дождя.

На причале Чивитавеккьи нас провожал лишь один человек – секретарь кардинала Боргезе. Чтобы выразить свое расположение к японцам, кардинал передал через него трем посланникам свидетельства почетных граждан Рима. Для посланников, не собиравшихся когда-либо еще посетить эту страну, они были ничего не значащими бумажками. Папе было вручено бессмысленное послание, а кардинал в ответ вручил ничего не значащие бумажки.

В довершение в Испании обошлись с нами весьма холодно. Нам приказали, не выезжая в Мадрид, направиться прямо в Севилью. Там нас тоже никто не встречал, кроме моей семьи, – японцы, лишившиеся всяких привилегий, превратились в жалких скитальцев. Мой орден и семья, предоставившие нам 3300 дукатов на обратный путь в Японию – у нас таких денег не было, – потребовали взамен, чтобы я отправился в монастырь Новой Испании или Манилы. В общем, я потерпел полное поражение.

Теперь я уже не знаю, чего хотел Всевышний. Долгое время старался убедить себя, что Он хочет, чтобы я нес Его Слово в Японию, – и я посвятил этому всю свою жизнь. Во имя этого я сносил любые страдания. Но теперь не только утратил веру в себя, но – страшно даже сказать – временами мне кажется, что Всевышний просто насмехается надо мной.

Путь от Чивитавеккьи до Севильи занял месяц. Плавание по Атлантическому океану заняло три месяца, дважды попадали в шторм. Все это время я чувствовал себя опозоренным, раздавленным. Но японцы, в отличие от меня, казалось, быстро примирились с несчастной судьбой – иногда даже слышался смех, когда они все вместе собирались на палубе. Возможно, радовались, что их долгое тяжелое путешествие подходит к концу и они наконец снова смогут ступить на родную землю.

Из посланников лишь Кюскэ Ниси, как и в прошлое плавание, часто подходит к членам испанской команды и на ломаном испанском языке, помогая себе жестами, задает разные вопросы. Интерес этого юноши к культуре и ремеслу огромен, и он аккуратно записывает полученные сведения.

Тародзаэмон Танака теперь уже не ругает его. Он лишился своей обычной суровости и иногда снисходит даже до того, что хлопает в такт песне, которую поют слуги. В такие минуты даже представить себе невозможно, что он способен совершить поступок, которого опасается Рокуэмон Хасэкура. Кажется, мысль: «Я сделал все, что обязан был сделать» – вселила покой в сердце этого человека.

Лишь несколько японцев ходят к утренней мессе. Мне известно, что они приняли крещение не по велению сердца, а ради выполнения своей миссии, и все же, когда к заутрене приходит только один японец, я испытываю невыразимое чувство унижения.

Но один японец ходит к мессе каждый день. Чтобы его товарищи не заметили этого, он обычно появляется посреди службы и, получив Святое причастие, тотчас же исчезает. Он напоминает мне того, похожего на бродягу, христианина, которого я исповедовал за грудой бревен в Огацу.

Он не посланник. Ни Танака, ни Хасэкура, ни Ниси с самой аудиенции у Папы ни разу не пришли к мессе. Я не услышал от них ни слова осуждения, но своим отсутствием они откровенно выказывали отношение ко мне. Этот человек – Ёдзо, слуга Хасэкуры. Его глаза всегда по-собачьи испуганные, грустные. Поклявшись своему господину в верности, он никогда не покинет его. Вспоминая, как он в течение долгого путешествия не отходил от Хасэкуры, я подумал, что он не покинет и Господа...

Снова долго не брал в руки перо. Пережив две бури, мы наконец прибыли в Веракрус. Когда мы отплывали отсюда, здесь дули муссоны, сейчас ветра нет, но на улицах все равно ни живой души, пусто – как в наших отчаявшихся сердцах.

Ничего не изменилось. Мы остановились в том же монастыре на площади, непо-

далеку от него по-прежнему каждые два часа раздается звон колокола. Так же, как тогда, у коменданта крепости Сан-Хуан-де-Улуа на лбу след от головного убора, а на стене кабинета теперь красуется подаренный японцами меч.

Он пригласил нас на ужин. На нем присутствовали и офицеры с женами – они тепло приветствовали нас. Японцы тоже чувствовали себя свободнее, чем в прошлый раз, они даже пили вино и с аппетитом ели непривычную для них пищу. Наконец бесконечный ужин, сопровождавшийся глупейшими вопросами и пустой болтовней, закончился, и Танака от имени посланников церемонно поблагодарил за прием. Он сказал, что выполнить своей задачи они не смогли, но их радует хотя бы то, что удалось повидать много стран и земель.

Когда на обратном пути экипаж выехал на площадь недалеко от монастыря, они увидели в кабачке трех человек в белой одежде и сомбреро, игравших на каких-то музыкальных инструментах. Танака вдруг тихо промолвил, что мотив напоминает ему песню, которую часто поют на его родине.

Вернувшись в монастырь, посланники разошлись по своим комнатам. Я зажег свечу и, сев за стол, написал два письма. Одно – в Севилью дяде, второе – настоятелю монастыря в Мехико, в котором просил его подыскать нам корабль, отправляющийся на Филиппины, чтобы японцы могли вернуться на родину, и сообщал, что я вместе с ними поплыву в Манилу и до конца своих дней останусь в монастыре.

Написав письма, я испытал удивительную умиротворенность. Одержимость моя бесследно исчезла, и меня объял покой, которого я не мог обрести с тех пор, как покинул Рим. Отложив перо и глядя на колеблющееся пламя свечи, я думал о том, что моя долгая жизнь в Японии завершилась.

Впервые я услышал о стране, именуемой Японией, в 1595 году – в монастыре Сан-Диего, в Севилье. Меня уговаривали отправиться проповедником в Новую Испанию, но меня почему-то это не привлекало. Видимо, это было наследственное стремление к опасности. Мне не подходило лишенное риска распространение веры среди индейцев в мирной к тому времени Новой Испании.

В глубине души я всегда мечтал оказаться в стране, где преследуют верующих, и вести сражение как солдат Господа. Меня постоянно корили за отсутствие добродетельного смирения и покорности.

Через два года я уже кое-что знал о Японии. Произошло это так: годом ранее поступило донесение от находившихся в Японии иезуитов, что правитель этой страны, именуемый тайко, начал преследование христиан. Двадцать шесть миссионеров и верующих японцев были отправлены в Нагасаки и сожжены на костре. Это событие обсуждалось даже в Севилье, и вот тогда-то я и подумал, что Япония именно та страна, где я должен жить до конца своих дней. В ушах моих звучал голос Господа, приказывающего своим ученикам: «Идите и несите благовестив».

В 1600 году Папа Климент VIII издал буллу «*Onerosa Pastoralis*», в которой всем орденам дозволялось распространять веру в Японии, что до сих пор было разрешено лишь иезуитам.

Однако родные не согласились с моим желанием. Особенно женщины – мать и тетя – настаивали, чтобы я отправился в монастырь безопасной Новой Испании, и предприняли даже практические шаги, надеясь, что я изменю свои намерения.

В том же году я присоединился к группе миссионеров, которые направлялись на Филиппины, и двенадцатого июня взшел на борт отплывающего туда судна. Плавание было намного тяжелее нынешнего, но, пережив неисчислимые бедствия – бури, нехватку воды и пищи, болезни, – я в конце концов высадился в Маниле. Однако могут ли все эти тяготы сравниться со страданиями Господа, распятого на кресте?

Манила – первый увиденный мной восточный город был грязен, шумен и вульгарен. В невыносимой жаре – будто это была огромная плавильная печь – кричали, толкали друг друга испанцы, негры, местные жители – тагалы, китайцы. Братья нашего ордена уже совсем было отчаялись обратить в истинную веру китайцев, во множестве населявших этот город. Но благодаря тому, что в то время крещеных китайцев стали на десять лет освобождать от уплаты налогов – выгода немалая, – количество верую-

щих среди них быстро возрастало, хотя справедливости ради надо сказать, что христианами они становились лишь по расчету. Даже приняв крещение, они не следовали христианским обычаям, жили, как все язычники, погрязнув в гадких суевериях, поклоняясь своим отвратительным божествам. По сравнению с китайцами, которых насчитывалось тысяч двадцать, японцев в Маниле было совсем немного, тысячи две, и большинство занималось торговлей. Среди них примерно двести приняли христианство. Эти японские христиане научили меня своему языку, от них я узнал, что за народ японцы. Я увидел, что по сравнению с другими народами они гораздо сообразительнее и любознательнее. Они обладают таким чувством собственного достоинства, что даже испанцам до них далеко. Я не мог постичь, как они живут, не ведая истинной благодати.

В течение двух с половиной лет я самозабвенно мечтал о Японии, грезившейся мне невообразимо прекрасной, подобной легкому летнему облачку. К тому времени прежний правитель Японии умер, власть перешла к роду Токугава, но преследование христиан продолжалось. Я слышал также, что миссионеры-иезуиты изгнаны с Кюсю и их миссионерская деятельность почти прекратилась. Всякий раз, когда подобные слухи достигали Манилы, я не только не унывал, наоборот, преисполнялся боевым духом.

В июне 1603 года счастливый случай представился. Правитель Филиппин решил направить посольство к японскому королю в ответ на его дружественное послание, и я был включен в его состав, но не в качестве проповедника, а как переводчик. Течение влекло наше судно на север, и через месяц я наконец увидел на горизонте возделенную Японию. Над морем летали птицы. Множество рыбацких суденышек качалось на волнах, сверкавших в лучах летнего солнца. Через некоторое время вдали появились очертания острова, покрытого мягкими, пологими холмами. Это и была Япония. Казалось, в такой благодатной стране не могут преследовать христиан.

Однако стоило нам войти в бухту, как нас тотчас же окружили лодки. Надменный чиновник в сопровождении вооруженных ружьями солдат поднялся на борт нашего корабля. Нас, словно преступников, проводили под конвоем на берег, и после долгого ожидания на раскаленном побережье мы наконец убедили их, что являемся посланниками губернатора Филиппин. Высадились мы в бухте Адзиро, неподалеку от Эдо, где была резиденция правителя Японии.

Глядя сейчас на колеблющееся пламя свечи, я вспоминаю покрытый мягкими холмами остров, море, омывающее Японию. Она представлялась мне воплощением спокойствия и мира. Тогда я подумал, что эта земля достойна слов Господа: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Однако подлинная Япония не была кроткой. Я вспоминаю старика, сидевшего в бархатном кресле во внутренних покоях эдоского замка, куда нас привели. Эдо – город, не уступающий своим порядком многим европейским столицам. Там, где живут даймё и самураи, тянутся длинные черные ограды, такой же черный ров окружает величественный угрожающе-мрачный замок. Внутренние покои замка, куда нас привели, в отличие от королевского дворца в Мадриде, представляли собой хитроумное переплетение полутемных галерей, с множеством раздвижных перегородок, украшенных поблекшими золотыми рисунками. Пройдя по бесчисленным галереям, напоминающим ходы в муравейнике, мы наконец увидели невысокого старика лет шестидесяти, сидящего в бархатном кресле. Он принимал самого могущественного князя Японии – а тот, точно раб, ползал перед ним по полу и кланялся так низко, будто целовал землю. Старик пристально посмотрел на нас и что-то сказал. Вопросы задавал секретарь, стоявший шагах в пятидесяти от правителя. Из его слов явствовало, что правитель желает торговать не только с Филиппинами, но и с Новой Испанией, желает, чтобы в Японию приехали испанские рудокопы. Посланники обещали сообщить об этом в Маниле.

Посольство покинуло Японию, а я, переговорив с братьями нашего ордена, уже довольно давно живущими в Японии, остался в Эдо. Предлогом была необходимость завершить дела, не законченные посольством, а в дальнейшем выполнять роль переводчика. Японцы знали, что я христианский священник, поэтому секретарь строго напомнил мне, что правитель еще в 1602 году направил послание в Манилу, в котором

сказано, что иностранцам разрешается жить в Японии, но воспрещается проповедовать чуждую Японии религию.

Но я не пал духом. Под предлогом строительства в Асакусе скромной больницы для прокаженных я вместе с двумя своими товарищами, ухаживая за больными, тайно распространял веру. Скрывавшиеся японские верующие стали приходить ко мне – с этого началась моя миссионерская работа, но такая осторожная деятельность не отвечала моим идеалам. Я все время помнил о старике в бархатном кресле в дальних покоях замка, жаждавшем завязать торговые отношения с Новой Испанией.

Я больше не буду сражаться с этим стариком. Япония, бывшая смыслом моей жизни, далеко – теперь мне не бывать в ней. Потерпев поражение, я плыву в Манилу, чтобы остаться там в монастыре, окруженном белыми стенами, с хорошо ухоженными цветочными клумбами во внутреннем дворе. Изо дня в день я буду давать монахам ни к чему не обязывающие наставления, проверять счета, писать донесения. Добросердечный настоятель, благословляющий матерей, глядящий детей по головкам. Такова воля Господа.

Опустившись на колени, я прошептал: «Да свершится воля Твоя» – и почувствовал, как вспотели мои ладони. Я изо всех сил старался сдержать накатившую на меня ярость.

Неожиданно я заметил, что в дверях кто-то стоит.

– Что случилось, господин Хасэкура?

– Господин Танака покончил с собой, – не двигаясь с места, прошептал тот.

Хасэкура сказал это так буднично, словно напоминал, что пора трогаться в путь. Господин Танака... покончил с собой. Не вставая с колен, я неотрывно смотрел на пламя свечи, которую он держал в руках. Пламя дрожало. «Да свершится воля Твоя», но сегодня Твоя воля была для меня холоднее льда.

Хасэкура молча повел меня в комнату Танаки. На стенах темного коридора мелькали две тени. Мы молчали. Лишь в одной из дальних комнат горел свет, около нее стояли Ниси и несколько слуг. Мы вошли. На залитой кровью простыне, откинув голову, лежал Танака, у подушки валялись ножны и короткий меч, которым он вспорол себе живот. Возле подсвечника с горящими свечами сидели неподвижно двое слуг Танаки и неотрывно смотрели на хозяина, точно в ожидании его приказа.

Увидев меня, они молча встали, я не заметил в них никакого волнения, будто они давно были готовы к тому, что их хозяин покончит с собой. Мне даже показалось, что об этом было договорено заранее. В монастыре, за исключением нас, кажется, никто не проснулся, никто не заметил происшедшего.

Мертвое лицо Танаки было умиротворенным. Суровость, неприветливость, которые часто можно было увидеть на нем во время путешествия, бесследно исчезли, оно стало спокойным, будто смерть освободила от всех тягот жизни, так долго мучивших его. Я даже подумал, что не Господь, а смерть дала ему успокоение.

Один из слуг хотел поставить у изголовья покойного маленькую статую Будды, но я, вспомнив, что все-таки являюсь священником, а Танака принял крещение, сказал:

– Будда не нужен. Господин Танака христианин.

Слуга посмотрел на меня укоризненно, но тут же убрал Будду от изголовья и поставил на свое колено.

Habeas requiem aeternam [40].

---

⁴⁰ Да обретешь вечный покой (лат.).

Когда-то в банановой роще я читал ту же молитву, держа за руку раненого индейца. Но в отличие от него Танака умер, совершив смертный грех. Церковь не разрешает хоронить самоубийц рядом с добродетельными христианами. Но мне это было все равно. Я знал о страданиях, выпавших на долю Танаки во время путешествия. Знал и о том, с какими мыслями скитались по свету Танака, Хасэкура и Ниси. Знал, почему Танака коротким мечом сделал себе харакири. Так же как я не мог бросить индейского юношу, не мог оставить теперь и Танаку один на один со смертью.

Requiescant in pace ^[41].

Я закрыл невидящие глаза Танаки, словно закрывал последние врата жизни. Все это время слуги, Хасэкура и Ниси неподвижно стояли в углу, не сделав ни малейшей попытки помешать мне.

Немного спустя один из слуг отстриг у хозяина прядь волос и ногти и спрятал в мешочек, висевший у него на шее. Потом, выбросив окровавленную простыню, завернул тело в кусок чистого шелка. Хасэкура, проследив за всем этим, спросил меня:

– Утром нужно попросить прощения у падре и монахов. Помогите мне.

Японцы, по буддийскому обычаю, до утра сидели подле покойного. Я вместе с ними провел ночь у тела.

Наступило бледное утро. Получив разрешение настоятеля монастыря, мы похоронили Танаку рядом с индейским кладбищем, находившимся между городом и портом Сан-Хуан-де-Улуа. На церемонию не пришел ни один священник, ни один монах. Они не желали хоронить человека, совершившего столь тяжких грех, как самоубийство. Из двух сухих веток я соорудил крест и воткнул его в могильный холм. Утреннее солнце окрасило лес. Неподалеку стояли совершенно голые индейские дети – они сосали палец, неотрывно наблюдая за нами. Ниси присел на корточки, а Хасэкура стоял, выпрямившись во весь рост и закрыв глаза.

Вскоре прискакал комендант крепости Сан-Хуан-де-Улуа вместе со своим помощником.

– Они как индейцы. – Спешившись, он отер пот со лба. – Отсталые народы любят кончать жизнь самоубийством.

– Для японцев смерть лучше, чем позор, – сказал я, осуждающе глядя на него. – Этот японский посланник был убежден, что, только умерев, он сможет считать свою миссию выполненной.

– Я не совсем понимаю... – пожал плечами комендант. – Судя по вашим словам, падре, вы одобряете самоубийство, осуждаемое Церковью.

В его взгляде я прочел смущение и настороженность. Не исключено, в письмах из Испании ему сообщили, что я бунтовщик, предавший Церковь.

Да, я в полнейшей растерянности и отчаянии – не могу постичь воли Господа. Одолевает страх, что вера моя ослабнет.

Мое путешествие было предпринято лишь с одной целью – сделать Японию страной Господа. Но не таились ли тут своекорыстие и честолюбие? Неужели Господь проник в мои тайные умыслы и покарал меня?

– Церковь действительно считает самоубийство тяжким грехом, – прошептал я, потупившись. – Но мне не хочется думать, что Господь оставит японца, покончившего с собой... Не хочется так думать.

Комендант не разобрал моего хриплого шепота. Если Танака и совершил тяжкий грех, виновен в этом я. Его привели к гибели мои честолюбивые планы. Танака досто-

---

⁴¹ Да починут в мире (*лат.*).

ин наказания, но прежде должен быть наказан я.

«Господи, не оставляй его душу. Или накажи меня за грехи мои».

«Огонь пришел Я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорался!

Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

«Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». В мире существуют миссии, которые можно выполнить лишь ценой жизни.

Мы направляемся из Веракруса в Кордову. Небо над нами затянуто тучами, временами сверкает молния. Пустыня поросла агавами и кактусами самой причудливой формы. Мы молча продвигаемся по ней.

Сверкнула молния, и вслед за ней вдали громыхнул гром. Мое сердце тоже пронзила молния. Я обязан отдать жизнь ради служения людям – для этого священник живет на земле. Я вспомнил оборванного человека на берегу бухты Огацу, попросившего меня об отпущении грехов. Я должен служить ему, таким же, как он, японцам. «Сын человеческий пришел, чтобы послужить многим, – говорил я себе, едва передвигая ноги, – и отдать жизнь свою...»

Все, что творит Господь, имеет глубокий смысл. Смерть Танаки тоже не была бессмысленной – хотя бы потому, что объяснила мне это.

– Что с нами будет потом? – прошептал Ниси, сидя на кровати в отведенной нам комнате в городском собрании Кордовы и глядя в окно.

Комната была той же самой, в которой по дороге туда ночевали японцы, но тогда еще был жив Тародзаэмон Танака. Кроме этого, в комнате ничего не изменилось, на стене в слабом свете по-прежнему поблескивал жалкий, худой мужчина с пригвожденными к кресту руками.

– Что значит «потом»?.. – спросил Самурай хриплым голосом.

Он чувствовал, что обессилел не только телом, но и душой. Ему было непереносимо грустно, тяжело думать о том, что будет потом.

– Я имею в виду после того, как мы вернемся в Японию.

– Понятия не имею. Но мне кажется, Его светлость и члены Совета старейшин должны оценить трудности и лишения, которые нам пришлось пережить.

– Хотя мы и возвращаемся ни с чем?

Самурай вспомнил, каким молодым, полным энергии был еще совсем недавно Ниси. Глаза на его сверкавшем белозубой улыбкой лице всегда блестели от любопытства, чему Самурай даже завидовал. Теперь этот блеск исчез, пропало оживление, лицо стало серым, как у больного.

– Если бы я мог, то остался бы в Испании учиться, – слабым голосом проговорил Ниси, повернувшись к свече. – Мир в самом деле необъятен. Но я даже помыслить не мог о таком возвращении.

Его слова неожиданно воскресили в памяти Самурая отплытие из Цукиноуры. Мачты скрипели, волны били о борт, морские птицы с громкими криками носились над самой палубой, корабль вышел в открытое море, и в эту минуту Самурай подумал, что теперь в судьбе его наступила перемена. В то время он еще не знал, что мир столь необъятен. Но сейчас, когда он уже увидел этот мир, не представлявший ему раньше столь необъятным, он испытал лишь безмерную усталость. Усталость, разъедавшую его душу.

– Не испугало ли и господина Танаку то, что будет потом?

– Что же его испугало?

– То, что Его светлость и члены Совета старейшин отвернутся от нас.

По своей обычной привычке Самурай заморгал. Ему было горько, даже страшно думать о смерти Танаки. Умерев, Танака сохранил честь в глазах своей семьи. Да и самому Самураю хотелось умереть, стоило представить себе осунувшееся лицо дяди, который, сидя у очага, ожидает его возвращения домой. Он завидовал Танаке, покончившему с собой. Но он не имел права умереть. Ради Ниси, ради слуг, перенесших такие тяготы, он обязан рассказать Совету старейшин всю правду о путешествии. И если необходим человек, который возьмет на себя эту обязанность, это следует сделать ему, считал Самурай.

– От нас не должны отвернуться, – с необычной для него твердостью сказал Самурай. – Бы-

вают случаи, когда, даже отдав все силы, не достигаешь цели. Это и нужно будет сказать Совету старейшин.

Но в тайниках души он и сам не верил тому, что говорил. Хотя углубляться в подобные мысли было страшно. Какой смысл задумываться над будущим? Самураю пришлось пережить горечь смирения.

В распахнутое настежь окно вливалась ночная прохлада. Запах земли напоминал Ято. Даже если и не вернут землю в Курокаве, у Самурая есть Ято, и этого ему достаточно. В отличие от отца и дяди его душа и тело были накрепко привязаны к Ято, а не к Курокаве.

– Не станет ли Совет старейшин порицать нас за то, что мы не привезли ответа от Папы? – мрачно спросил Ниси.

– Ладно, хватит. Все равно ничего не придумаешь. А если так, то и думать нечего.

Самурай, чтобы прекратить разговор, поднялся. И Ниси ему надоел, и хотелось пойти во двор подышать ночным воздухом, напоенным запахом земли.

Во дворе было так прохладно, что дневной жары, казалось, вообще не было. Несколько человек сидели на корточках и о чем-то разговаривали.

Это были Ёдзо и двое слуг. Ёдзо за что-то сердито отчитывал их.

– Не спится?

Слуги смущенно поднялись. Они исподлобья смотрели на хозяина, боясь, что тот слышал их разговор.

– Запах ночи напоминает Ято, верно? – Самурай засмеялся, чтобы успокоить слуг. – По ночам так пахнут земля и деревья в Ято. Теперь уже скоро... мы будем вдыхать этот запах.

Из недавней перебранки этих трех человек Самурай ясно осознал, что усталость и раздражение испытывают не только Ниси, но и слуги. И сказал себе, что хотя бы он обязан быть сильным и терпеливым.

На следующее утро они покинули Кордову. И снова перед ними жаркая пустыня. А когда она закончилась, опять потянулись посадки олив, лачуги индейцев, дома энкомьендерос с островерхими крышами, как в Испании. Тот же пейзаж, что по дороге сюда. Но в глазах японцев уже не появлялось даже проблеска любопытства. Они понимали, разумеется, что каждый шаг приближает их к Японии, но почему-то даже это их не радовало.

Самурай обратил внимание, что с лица Веласко, покачивавшегося на лошади рядом с ним, уже давно исчезла улыбка. Честно говоря, ему никогда не была приятна самоуверенная улыбка этого южного варвара. Она появлялась на его лице, когда он стремился подчинить японцев своей воле. И всякий раз Самурай, видя эту многозначительную улыбку, сомневался в искренности его намерений, но не единожды она его обманывала. После отъезда из Рима высокомерная улыбка исчезла с лица Веласко и место ее заняла задумчивость отрешенного от жизни человека.

– Теперь ничего не поделаешь, – начал было Самурай, обращаясь к Веласко, но тут же осекся.

Южный варвар, доставивший им столько горя, вызывавший их злость и даже ненависть, неотрывно смотрел на горы, покрытые тучами. Самураю стало жаль его. Он знал, что этот человек уже не сможет вернуться в Японию. Ему не удалось выполнить обещания, данного Его светлости и членам Совета старейшин.

В ворота серой крепостной стены, окружающей город Пуэбла, они вошли вечером на десятый день своего путешествия. Так же как и в прошлый раз, у крепостной стены шла бойкая торговля; индейцы, разложив на земле глиняную посуду, ткани, фрукты, сидели молча и неподвижно, как каменные изваяния.

– Господин Хасэкура, вы помните того японца?

– Бывшего монаха?

Еще до того, как Ниси задал ему этот вопрос, Самурай вспомнил соотечественника, с которым они встретились в Мехико. Бывшего монаха, живущего с индеанкой в Текали в крытой тростником лачуге рядом с озером, которое было тогда залито кроваво-красными лучами утреннего солнца. Он еще сказал, что им вряд ли доведется встретиться еще раз.

– Я хотел бы еще разок сходить туда, на озеро, – тихо сказал Ниси на ухо Самураю, чтобы Веласко не услышал.

– Ехать туда бесполезно, я думаю. Он ведь сказал, что индейцы дважды не пахут одно и то же поле.

– Если и не встречу с ним – неважно.

– Для чего же тогда ехать?

– Мне бы хотелось узнать, почему он... – Ниси горько улыбнулся, – почему у него нет желания вернуться в Японию.

– Неужели и ты хочешь остаться здесь?

– Тому, кто увидел бескрайний мир, в Японии будет трудно дышать. У меня сердце сжимается от одной мысли о Японии, такие, как мы, должны всю свою жизнь сидеть на одном месте. Но меня тоже ждут на родине.

Своеволие недопустимо. Их ждут. Так же думал и Самурай. В Ято живут дядя, домочадцы, крестьяне, которые надеются на его помощь – он ведь глава рода. Он, конечно, вернется в Ято. И будет, конечно, жить так же, как жил раньше. Второй раз ему уже вряд ли придется покинуть Ято и отправиться в бескрайний мир. Все, что с ним произошло, – сон. И лучше всего думать об этом как о сне, который непременно рассеется.

На следующее утро, еще затемно, Самурай и Ниси, всю ночь не сомкнувшие глаз, как и тогда, тихо вышли из монастыря. Дорогу они знали. Когда, миновав пустынный, еще спящий в прохладе город, они углубились в лес, небо стало розоветь. Птицы щебетали. Взбивая пену, лошади перешли вброд сверкающую чистотой горную речку. Озеро у Текали, освещенное пробивающимися сквозь густую листву деревьев лучами утреннего солнца, было, как и в тот раз, тихим, чуть слышно шелестел тростник. Спешившись, Ниси прикрыл рот рукой и позвал бывшего монаха – на его голос из дверей лачуги вышли несколько полуобнаженных индейцев. Они помнили Самурая и Ниси и улыбнулись им.

Наконец, едва держась на ногах и опираясь о плечо толстой жены, появился бывший монах. Он был болен и, шурясь от яркого утреннего солнца, прикрыл глаза – но, разглядев наконец Самурая и Ниси, вскрикнул от радости.

– О-о... вернулись? – Он протянул к ним руки, будто снова встретился с близкими родственниками, которых давно не видел. – Думал, мы больше никогда не увидимся... – Неожиданно он замолчал. И, начав задыхаться, прижал руки к груди. – Не беспокойтесь, сейчас пройдет.

Но приступ длился довольно долго. Солнце уже поднялось высоко, оно щедро залило озеро; наступила обычная здесь жара. Индейцы некоторое время издали наблюдали за ними, потом это им надоело, и они ушли.

– Как только найдется корабль, отплывающий в Манилу, мы вернемся на родину. Если вы хотите что-то послать знакомым в Японии...

– Нет-нет, ничего не нужно, – грустно улыбнулся бывший монах. – Если кто-нибудь узнает, что вы дружите с христианским монахом, у вас могут быть серьезные неприятности.

– Нам самим пришлось стать христианами, – стыдливо потупился Самурай. – Не от чистого сердца, но все же...

– И сейчас тоже не верите?

– Не верим. Мы сделали это только ради выполнения возложенной на нас миссии. Неужели вы верите в человека, именуемого Иисусом?

– Верю. Я вам уже говорил об этом. Но верю я не в того Иисуса, о котором толкуют падре. Я не могу быть заодно с падре, которые сжигали индейские храмы, толкуя о Слове Божьем, изгоняли индейцев из их деревень.

– Как можно почитать такого жалкого человека? Как можно молиться ему? Не возьму этого в толк...

В вопросе Самурая прозвучало искреннее недоумение. Ниси тоже, сидя на корточках и глядя на бывшего монаха, терпеливо ждал ответа. С озера доносились гортанные голоса стиравших индейцев.

– У меня тоже когда-то были подобные сомнения, – кивнул бывший монах. – Но теперь я верю в Него, потому что Он единственный из всех людей прожил в этом мире самую удивительную жизнь. Ему были хорошо известны наши беды. Он не мог закрывать глаза на горести и страдания людей. Потому-то Он и стал таким худым и неприглядным. Если бы Он жил в величии и могуществе и был бы недоступен для нас, я бы не питал к Нему тех чувств, которые питаю.

Самурая были непонятны эти слова бывшего монаха.

– Он сам прожил несчастную жизнь и потому понимает несчастных людей. Его смерть была жалкой, и потому ему ведомы горести людей, умирающих жалкой смертью. Он совсем не был мо-

гучим и красивым.

– Но посмотрите на церкви. Посмотрите на Рим, – возразил Ниси. – Церкви, которые мы видели, все до одной похожи на золотые дворцы, а дом, в котором живет Папа, украшен так, что здесь, в Мехико, этого и представить себе невозможно.

– Вы думаете, что такова была Его воля? – сердито покачал головой бывший монах. – Вы думаете, Он живет в этих разукрашенных церквях?.. Нет. Он обитает вот в таких хижинах. Да, я уверен, в бедных индейских лачугах.

– Почему?

– Потому что такой была вся Его жизнь, – уверенно ответил бывший монах и, опустив глаза, повторил, будто говорил сам с собой: – Такой была вся Его жизнь. Он ни разу не посетил домов гордецов и богатеев. Он входил лишь в неприглядные, жалкие, бедные лачуги. Но сейчас епископы и священники в этой стране – гордецы и богатеи. Они стали не теми людьми, которые Ему нужны.

Бывший монах вдруг прижал руки к груди. У него начался новый приступ, и пока он не прошел, Самурай и Ниси молча смотрели на него.

– Ради меня индейцы остались здесь, на озере. Иначе, – он смущенно улыбнулся, – я был бы далеко от Текали. Иногда мне удается увидеть среди индейцев Иисуса.

Отекшее серое лицо его ясно свидетельствовало, что дни его сочтены. Он и умрет у этого заросшего озера. И будет похоронен на краю маисового поля.

– Нет, я не могу без конца думать об этом человеке, – прошептал Самурай извиняющимся тоном.

– Это неважно. Даже если вы не отдадите Ему своего сердца, Он все равно отдаст вам Свое.

– Я проживу и без этого.

– Вы в этом уверены?

Бывший монах с жалостью глядел на Самурая, теребя в руках лист. Солнце стало припекать, в камышах застрекотали насекомые.

– Если человек может жить в одиночестве, почему же тогда мольбы о помощи переполняют мир? Вы побывали во многих странах. Пересекли моря. И везде должны были собственными глазами видеть, как люди, стеная и плача, просят Его о чем-то.

Монах не ошибался. Во всех землях, во всех деревнях, во всех домах, где побывал Самурай, он видел изображение жалкого, худого человека с раскинутыми в стороны руками и поникшей головой.

– Плачущий ищет того, кто будет плакать вместе с ним. Стенающий ищет того, кто прислушается к его стенаниям. Как бы ни менялся мир, плачущий, стенающий всегда будут звать к Нему. Ради этого Он и существует.

– Я этого не понимаю.

– Когда-нибудь поймете. Когда-нибудь вы это поймете.

Взяв лошадей под уздцы, Самурай и Ниси попрощались с больным человеком, которого им уже не суждено было увидеть.

– Вы ничего не хотите передать своим близким на родине?

– Ничего не хочу. Мое сердце утешает Его образ.

Озеро сверкало в солнечных лучах. Лошади медленно брели вдоль его берега. Самурай и Ниси обернулись и увидели индейцев, которые смотрели им вслед. Среди них был и оборванный монах, опиравшийся о плечо женщины.

Третьего ноября. Чалко. Снова по той же пустыне мы направляемся в Мехико.

Четвертого ноября. Стоим под городской стеной у Мехико. Отправили посыльного, чтобы получить разрешение войти в город.

Отсюда видны улицы с высящимися шпилями соборов, белые стены. Среди врезающихся в лазурное небо шпилей – шпили Кафедрального собора, где японцы приняли крещение, монастыря, в котором мы жили.

Однако от вице-короля мы получили приказание, не заезжая в Мехико, проследовать прямо в порт Акапулько. Было сказано, что в Мехико ничего не подготовлено для приема, но каждому ясно, что это не более чем предлог, чтобы избежать встречи с

японцами. Сделано это, несомненно, по указанию из Мадрида. Правда, настоятель францисканского монастыря в Мехико пожалел нас и прислал вина и еды. Двое монахов, которые привезли нам все это на ослах, передали мне письмо настоятеля. В нем он описал положение в Японии гораздо подробнее, чем мне сообщили в Риме. Это была копия донесения, посланного из францисканского монастыря в Маниле.

Гонения на христиан по всей стране начались через год после того, как мы покинули Японию. Это произошло как раз в то время, когда мы ждали отплытия из Гаваны. Именно тогда старик, сидевший в бархатном кресле, приказал изгнать из Японии не только миссионеров, но и множество верующих японцев и запретил по всей стране исповедование христианства.

Мы с посланниками тогда ничего об этом не знали. И, ничего не зная, настойчиво стремились в Испанию, к общей цели. Но мы строили призрачные замки.

В донесении говорилось, что, как только был издан приказ, миссионеров стали сгонять со всей Японии в Нагасаки. Наверное, среди них был и отец Диего, с нетерпением ждавший моего возвращения в нашей лачуге в Эдо. Я представил себе дрожащего от страха, доброго, беспомощного товарища с красными, словно заплаканными, глазами, покидающего Эдо.

Миссионеров и японских монахов собрали в Фукуде, неподалеку от Нагасаки, и в течение почти восьми месяцев держали в грязных, крытых соломой лачугах. В Нагасаки начались беспорядки, жители разделились на тех, кто отрекся от христианства, и тех, кто продолжал тайно исповедовать его. Братья нашего ордена, доминиканцы и августинцы, устроили двухдневное молебствие, а на Пасху прошли по городу с криками: «Мы мученики веры».

Седьмого ноября. Дождь. Сидевших под арестом восемьдесят восемь миссионеров и японцев посадили в пять джонок и выслали из Японии в Макао. На следующий день еще тридцать священников, монахов и японских верующих на углу суденышке отправились в Манилу. Все они навсегда изгонялись из страны. На судне, направлявшемся в Манилу, находились также могущественные в прошлом военачальники, принявшие христианство, – князя Такаяма и Найто.

Читая донесение, я представлял себе сидевшего в бархатном кресле старика. В конце концов он все же одолел христиан, как Нерон апостолов. Но все равно мы победим в битве за человеческие души. Ему, видимо, не было известно, что, несмотря на жестокие преследования, японские верующие продолжали укрывать более сорока миссионеров. А те, в свою очередь, зная, что их ждет неминуемая гибель, были преисполнены желанием отдать свою жизнь ради этой страны, вытянувшейся в море напоподобие ящерицы.

Они шли тем же путем, что и Господь. В мире, где правил первосвященник Каиафа, Господа предали и в конце концов распяли на кресте. Но Он все же одержал победу в битве за души людей. Я тоже не признаю поражения.

Господи, укажи мне наконец, что я должен свершить.

Господи, да свершится воля Твоя.

Акапулько. В сверкающей бухте стоит галеон, на котором мы отправимся в Манилу. Мысы замыкают бухту с двух сторон, островки в бухте поросли оливами. Здесь теплее, чем в Мехико, расположенном на высокогорье.

Японцев поселили в казарме, они целыми днями спят как убитые. Все время спят и даже на улицу не выходят, точно изнурительное путешествие совершенно лишило их сил. Вокруг казармы тишина.

И лишь резкие крики птиц, доносящиеся из бухты, временами нарушают ее.

Отплытие ожидается через месяц. Мы снова поплывем по Великому океану, будем бороться с волнами, сносить штормы и, если будет на то воля Господня, в начале весны достигнем Манилы. Я останусь там, а японцы подыщут корабль и вернуться на родину. Расставшись с ними, я, исполняя наказ дяди и отцов ордена, буду жить в бело-

каменном монастыре с хорошо ухоженными цветочными клумбами...

Господи, укажи, что я должен свершить?

Господи, да свершится воля Твоя.

Глава X

Его разбудили до рассвета. Перед глазами, еще затуманенными сном, возникло лицо Ёдзо. Слуга улыбался, как заботливая мать, склонившаяся над ребенком, но Самурай сразу же понял – он хочет что-то сказать.

Самурай вскочил, точно подброшенный пружиной, и стал расталкивать спавшего рядом Ниси.

– Рикудзэн!.. – В это слово он вложил все свои чувства.

Японцы опрометью выскочили на палубу. Море было залито солнцем, и спокойная гладь казалась оранжевой. Вблизи виднелся знакомый остров. За ним в розоватом тумане высились горы, густо поросшие знакомыми деревьями. В знакомой бухте стояли небольшие суденышки.

Они долго молча разглядывали остров, бухту, суденышки.

Почему-то никто не радовался. И даже не плакал. Так долго ждали этой минуты, а теперь смотрели на родной пейзаж будто во сне. Во время путешествия они много раз видели его в своих снах.

Марсовой-китаец, указывая на остров, что-то кричал. Может быть, сообщал о прибытии. Или объяснял, что это Цукиноура.

Все будто онемели. Они задумчиво смотрели на медленно плывущий перед их глазами родной пейзаж, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Волны с шумом бились о борт корабля и рассыпались брызгами, сверкающими как осколки стекла. Птицы, точно оторвавшиеся от ветки листья, порхали, почти касаясь гребней волн.

В эту минуту в памяти Самурая из множества воспоминаний возникло одно – день отплытия. Тогда тоже скрипели мачты, волны ударяли о борт корабля, птицы, как и сейчас, кружили над самым судном, и тогда он тоже неотрывно смотрел на море, где клыками вздымались гребни волн, и думал о том, что он вручает себя неведомой судьбе.

Действительно, судьба была неведома ему, но теперь уже конец, он вернулся. Почему же вместо радости в его душе лишь опустошенность и усталость? Он повидал так много, что теперь ему казалось, он не видел ничего. Он испытал так много, что ему казалось, он не испытал ничего.

– Чиновники! – раздался громкий крик. Из глубины бухты вышло небольшое судно, на котором развевался флаг с княжеским гербом. Стоя под флагом, низкорослый чиновник внимательно смотрел на их джонку. За судном следовало две лодки. Чиновник, козырьком приставив руку ко лбу, долго рассматривал японцев, которые тоже внимательно смотрели на него. Между кораблем и судном начались переговоры, и наконец чиновник разрешил сойти на берег.

Глазам прибывших, разместившихся в лодках, во всю ширь открывалась бухта Цукиноура. На мысе, далеко вдающемся в море, стояли полуразвалившиеся дома, крытые соломой. За ними виднелись небольшие красные ворота синтоистского храма с ярко-красным флагом. По дороге бежали дети. Да, это была Япония, японский пейзаж.

Вернулись!..

Только сейчас Самурай впервые почувствовал разрывающую сердце радость. Он невольно посмотрел на Ниси. Посмотрел на Ёдзо, Итискэ, Дайскэ.

– Японский... берег... – запинаясь произнес Ниси. Когда они ступили на берег, заваленный морскими водорослями, набегала легкая волна, достигнув их ног. Наслаждаясь этим ощущением, они долго стояли в воде, закрыв глаза. Чиновники, выйдя из конторы, подозрительно смотрели на них. Вдруг один из них что-то закричал и побежал к ним; песок летел у него из-под ног.

– Вернулись?! – Он схватил Самурая и Ниси за руки, долго не отпускал. – Вернулись?!

Чиновникам ничего не было известно об их возвращении. Письмо, которое они послали с Лусона, где им пришлось прожить больше года из-за того, что не было попутного судна, не достигло Японии. И теперь чиновники, пораженные их неожиданным возвращением, не знали, что делать.

Царила тишина, так не похожая на оживленную суету в день отплытия. Самурая, Ниси и их

слуг встречали лишь эти чиновники, наблюдавшие издалека дети да волны, с грустным журчанием накатывавшие на берег. Самурай смотрел на море, где тогда покачивался на волнах похожий на крепость огромный корабль, на борт которого им предстояло подняться. А сейчас, насколько хватал глаз, простиралось спокойное море и не было видно никаких кораблей. Он вспоминал, как по берегу бегали носильщики, в бухте сновали тяжело груженные лодки. Теперь ничего этого не было.

В сопровождении чиновников они направились в храм, где ночевали в день отплытия. В храме с тех пор ничего не изменилось. Настоятель провел их в отведенную им комнату – увидев порыжевшие от солнца циновки, Самурай вдруг подумал о Танаке. На этих же циновках тогда спали Танака, Мацуки и он с Ниси. Теперь здесь нет Танаки и Мацуки. Могила Танаки в Веракрусе. В Японию вернулись лишь его волосы и ногти.

В их комнате постоянно толпились люди – чиновники заходили, выходили, снова возвращались. Отдохнуть было невозможно. Гонец, которого отправили известить Совет старейшин об их прибытии, уже выехал из Цукиноуры. Самурай и Ниси были готовы к тому, чтобы на другой же день после получения указаний Совета старейшин отправиться в замок.

Им все было приятно. И специфический запах японского жилища, и привычная утварь, и еда, которая подавалась на низких столиках, – все было японским, родным – таким, как они мечтали все эти годы. Слуги, которых поселили в соседней комнате, даже плакали, глядя опорные столбы.

Настоятель и чиновники недоверчиво слушали рассказы Ниси о странах южных варваров. Им было трудно поверить, что бывают многоэтажные каменные дома, соборы, шпили которых устремлены высоко в небо. Было бесполезно объяснять, что представляет собой пустыня Новой Испании, где растут лишь агавы и кактусы – сколько ни иди по ней, одни агавы и кактусы.

– Мир... – Ниси улыбнулся, понимая, что ему все равно не поверят, – гораздо больше, чем можно представить себе здесь, в Японии.

После того как Ниси закончил свой рассказ, настоятель и чиновники стали рассказывать о том, что произошло в княжестве после их отъезда. Примерно в то время, когда Самурай и его товарищи покинули Рим, Японию потрясло огромное сражение. Род Токугава уничтожил род Тоётоми. К счастью, Его светлость ограничился тем, что послал лишь подкрепление, а сам в Осацком сражении не участвовал. Господин Исикава погиб. Примерно тогда же вернулись на родину купцы и матросы, совершавшие путешествие вместе с Самураем и его товарищами. Свой корабль они бросили на Филиппинах и приплыли на другом корабле южных варваров.

– Господин Мацуки тоже?

Чиновник кивнул. Он сказал, что Мацуки после возвращения на родину был назначен в сыскное ведомство Совета старейшин. Для самурая его звания получить такую должность – завидная карьера.

Самурай и Ниси хотели спросить, как обстоят дела с христианством. Им хотелось знать, имеет ли еще влияние в Совете старейшин господин Сираиси, отправлявший их в Новую Испанию. Но у обоих точно ком подступил к горлу, и они не смогли вымолвить ни слова. Мрачное предчувствие заставило их не задавать этого вопроса. А сам настоятель и чиновники не сказали об этом ни слова.

Наступила ночь. Самурай лежал рядом с Ниси, он был слишком взволнован и не мог уснуть. Издали доносился шум волн. Это была первая ночь после возвращения – спустя четыре года – на родину. Перед глазами Самурая возникла Ято, куда он должен вернуться через несколько дней. Морщинистое лицо дяди – он наверняка заплачет, – лицо Рику, которая будет молча смотреть на него, лица детей – они, конечно, сразу же бросятся к нему. Он вспомнил свое короткое письмо к ним.

«Пишу в спешке. Мы прибыли в Цукиноуру. Все здоровы. Закончив дела, мы сразу же вернемся домой. Обо всем расскажу подробно...»

Ниси тоже ворочался с боку на бок, видимо, как и он, не в силах уснуть. Самурай кашлянул, и Ниси тихо сказал:

– Даже не верится... что мы вернулись.

– Мне тоже. – Самурай тяжело вздохнул.

На следующий день, после полудня, гонец вернулся. Он привез указание Совета старейшин.

Сидя в почтительной позе, Самурай и Ниси выслушали его. Чиновник сообщил, что им предписывается ждать в Цукиноуре прибытия старейшин, а до этого встреча и переписка с семьями запрещена.

– Кто дал такое указание? – спросил Самурай, побледнев.

– Господин Кагэясу Цумура.

Господин Цумура был одним из членов Совета старейшин, в который входили также господа Сираиси, Аюгаи и Ватари. Самураю и Ниси не оставалось ничего другого, как подчиняться приказу.

– Не беспокойтесь, – поспешил чиновник утешить Самурая и Ниси, – купцы и матросы подверглись такой же процедуре.

Это было выше их понимания. Всем было известно, что они отправились в дальние страны в качестве посланников Его светлости. Члены Совета старейшин это хорошо знали. Кроме того, было досадно, что с ними обращаются как с простыми купцами и матросами.

Мало того, в отличие от вчерашнего дня, теперь в их комнату не заходил ни один человек. Было ясно, что они получили приказ поменьше общаться с прибывшими.

– Уж не под арестом ли мы?

Ниси зло смотрел вниз с веранды. Он чувствовал, что чиновники стали относиться к ним настороженно.

Сидя в комнате, щедро залитой вечерним солнцем, Самурай смог наконец сообразить, почему с ними так обращаются. Они не выполнили возложенную на них миссию. Но если бы им дали возможность как следует объяснить Совету старейшин, объяснить, что, несмотря на все свои старания, они не смогли этого сделать...

Утром на третий день затворнической жизни в храме в их комнату влетел чиновник, не появлявшийся все это время.

– Сегодня прибывает господин Цумура, – объявил он.

После полудня Самурай, Ниси и слуги выстроились перед храмом, чтобы встретить господина Цумуру. Наконец на дороге, ведущей от побережья к храму, послышались цоканье копыт и топот людей и показался господин Цумура с сопровождающими. Безмолвно проследовав мимо низко склонившихся Самурая и Ниси, они скрылись в храме.

Господин Цумура заставил себя ждать. Видимо, в храме он выяснял подробности их возвращения, сколько с ними было человек, их имена. Наконец вышел чиновник и вызвал Самурая и Ниси на дознание.

Они вошли в комнату, где величественно восседал господин Цумура. Их встретил пристальный, острый и беспощадный взгляд сановника. Рядом сидело еще трое из его сопровождения, и Самурай узнал среди них худую фигуру Тюсаку Мацуки, с которым они расстались в Мехико. Избегая взгляда Самурая, в котором он прочел удивление, смешанное с радостью, Мацуки отвернулся.

– Ваше долгое путешествие было трудным. Мы уверены, что вы стремились как можно скорее вернуться на родину, и ценим это, – начал со слов благодарности господин Цумура. – Однако с прошлого года сёгун предписал тщательно проверять всех, кто возвращается в Японию из чужих стран. Это моя обязанность – вы должны понять.

После этого господин Цумура стал расспрашивать Самурая и Ниси, почему их судно, минуя Нагасаки и Сакаи, прибыло прямо в Цукиноуру. Они ответили, что их судно, разгрузившись на китайском острове Формоза, пошло на север, назад – в Новую Испанию.

Господин Цумура выпрашивал их, пытаясь выяснить, не было ли на судне миссионеров и монахов, не высадились ли они тайно в Японии.

– Нет, – ответили они.

По тому, как держался этот сановник, по его вопросам Самурай в конце концов отчетливо понял, что в период их долгого отсутствия в княжестве начались жестокие гонения на христиан. Он колебался, должны ли они с Ниси честно признаться в том, что они приняли в Испании христианство.

– Что с Веласко?

– Мы распрощались с ним в Маниле.

– Что он собирается делать в Маниле? – настойчиво спрашивал Цумура. – Не говорил, что снова приедет в Японию?

Самурай решительно покачал головой. Он, разумеется, прекрасно помнил признания Веласко, но считал, что сейчас говорить о них не место.

– Княжеству Веласко больше не нужен. Сёгун запретил исповедование христианства во всей Японии. И тем, кто проповедует и распространяет христианство, Его светлость не разрешит появляться в своих владениях. Это относится и к Веласко.

Самурай почувствовал, что у него на лбу выступил пот. Почувствовал, как дрожат колени Ниси, в почтительной позе сидевшего рядом с ним.

– Принял ли христианство кто-нибудь из ваших слуг?

– Нет. – Голос Самурая звучал пронзительно.

– Вы уверены?

Самурай молчал потупившись.

– Ну что ж, на этом и покончим, – впервые улыбнулся Цумура. – Насколько мне известно, путешествовавшие вместе с вами купцы приняли христианство, но сделали они это ради торговых выгод, это была простая уловка, и я ограничился тем, что потребовал от них письменного отречения. Но вы самураи. И ваше поведение заботит меня значительно больше.

Самурай чувствовал на себе взгляд Мацуки, сидевшего рядом с Цумурой. Он с грустью вспоминал его слова, сказанные при расставании в Мехико. Мацуки по-прежнему старался не смотреть на него.

– Знайте, что взгляды Его светлости и позиция Совета старейшин изменились. Княжество больше не стремится к торговле с южными варварами и не станет добиваться каких бы то ни было привилегий. Его светлость отказался от мысли о торговле с Новой Испанией.

– Значит... – сказал Самурай сдавленным голосом, – причина, побудившая послать нас в Новую Испанию...

– Да, обстоятельства изменились. Ваше долгое путешествие в страны южных варваров, как я могу предположить, было трудным. Но Совет старейшин уже не нуждается в Новой Испании. И огромные корабли, способные пересекать море, тоже больше не нужны.

– Значит... наша миссия...

– Вы освобождены от выполнения миссии. Самурай с трудом сдерживал дрожь в коленях.

Он изо всех сил пытался не дать вырваться наружу воплю возмущения и горя. Старался держать себя в руках, чтобы не выдать охватившую его досаду и печаль. Господин Цумура как о бездельце говорил о том, что их путешествие было совершенно бессмысленно, абсолютно бесполезно. Зачем же тогда они пересекали бескрайнюю пустыню Новой Испании, путешествовали по Испании, добрались даже до Рима? Он вспомнил горестные похороны Тародзаэмона Танаки в Веракрусе. Ради чего умер Танака?

– Я... – Самурай по-прежнему сидел потупившись, – я и Кюскэ Ниси не представляли себе ничего подобного.

– Вы и не могли это представить себе. Совет старейшин не имел возможности сообщить вам об этом.

Если бы в комнате никого не было, Самурай бы громко рассмеялся – от бессмысленности того, что они совершили. В этот момент потупившийся Ниси, изо всех сил прижимая кулаки к коленям, мертвенно побледнев, закричал:

– Какими же глупцами мы были!

– Вы в этом не виноваты, – сказал господин Цумура сочувственно. – Запрет сёгуната исповедовать христианство все изменил.

– Я принял христианство.

Цумура удивленно посмотрел на Ниси, сделавшего такое признание. В комнате воцарилась напряженная тишина. И в наступившей тишине Мацуки впервые посмотрел на Самурая и Ниси.

– Это правда? – произнес наконец Цумура тихо. – Тогда...

– Это было сделано не по доброй воле. – Самурай решительно удержал Ниси, пытавшегося что-то выкрикнуть. – Мы думали, что это благоприятно отразится на выполнении нашей миссии.

– Вы, Хасэкура, тоже приняли христианство?

– Да. Но так же, как и купцы, не от чистого сердца.

Не проронив ни слова, Цумура сурово взглянул на Самурая и Ниси. Через некоторое время

он сделал знак, и один из сопровождавших его чиновников поднялся и поспешно покинул комнату. Цумура тоже встал. Их одежды издавали шуршащий звук. Последним шел Мацуки, на мгновение он остановился и обменялся взглядом с Самураем и Ниси.

Оставшись одни, они долго сидели в прежней почтительной позе, опершись руками о колени. В комнате было тихо, слабый свет проникал со стороны веранды.

– Я... – Глаза Ниси были полны слез. – Я сказал то, чего говорить не следовало.

– Оставь. Все равно Совету старейшин рано или поздно это стало бы известно.

«Я прекрасно понимаю, почему тебе хотелось во весь голос закричать, что ты принял христианство, – хотел было сказать Самурай, но удержался. – Я и сам готов был выплеснуть переполнявшую меня досаду и горечь на господина Цумуру, на Совет старейшин, на стоящие за Советом старейшин могущественные силы».

– Что же теперь будет с нами?

– Не знаю. Решать господину Цумуре.

– Это... – Ниси улыбнулся сквозь слезы, – неужели это и есть вознаграждение?

«Нет, это наша судьба, – подумал Самурай. – И это было предопределено в тот момент, когда мы покинули Цукиноуру». Ему даже казалось, что он уже давным-давно знал, что все так и будет.

Оставив в Цукиноуре Ёдзо и остальных слуг, Самурай и Ниси последовали за господином Цумурой, чтобы доложить обо всем Совету старейшин и написать отречение от христианства. Это делалось по приказу господина Цумуры.

Замок Его светлости за время их отсутствия значительно разросся. Была сооружена новая белоснежная угловая башня, вход в замок преграждали теперь массивные главные ворота, доставленные сюда с Кюсю. Вошедшему в ворота дорогу преграждали несколько рядов укреплений: изогнутые, как мечи, каменные изгороди и неприступные, с многочисленными бойницами, стены. Самурай и Ниси провели в какое-то помещение.

Дощатый пол в комнате блестел темным лаком. Был еще день, но здесь царили полумрак и тишина, не было никакой мебели, лишь в дальнем углу виднелась почти вертикальная лестница.

– Теперь этот мрак для меня непереносим, – прошептал Ниси.

– В каком смысле?

– В Новой Испании и в Испании здания светлые, солнечные, не то что здесь. Мужчины и женщины разговаривают, смеются. А здесь нам нельзя свободно разговаривать, свободно смеяться. Мы даже не знаем, где находится Его светлость. – Ниси глубоко вздохнул. – Но пока мы живы, нам не уйти от этого мрака. Каждый живет здесь в соответствии со своим положением. Высшие сановники – как высшие сановники, военачальники – как военачальники, простые самураи – как простые самураи.

– Может быть, мы увидели то, чего нам видеть не следовало?

Да, это была Япония. Замоквые башни с крохотными, как бойницы, оконцами – они служат лишь тому, чтобы следить за приближающимися путниками; увидеть через них бескрайний мир невозможно. Самураю хотелось встретиться с господином Сираиси. Ему казалось, что ни господин Сираиси, ни господин Исида не обошлись бы с ним так сурово, как господин Цумура. Они бы поняли, почему посланникам не удалось выполнить свою миссию, у них нашлись бы теплые слова благодарности, они воздали бы им должное.

Тут раздался звук шагов, но появились не они, а господин Оцука из «Сюмон Аратамэ»^[42], и с ним еще один чиновник. Этот старик, худой, как дядя Самурай, стал снова спрашивать их, почему они приняли христианство.

– Потому что ни в Новой Испании, ни в Испании, не приняв христианства, мы не смогли бы выполнить свою миссию, – начал подробно объяснять Самурай. И закончил рассказом о Веласко, о смерти Танаки. – Все это мы сделали ради выполнения миссии, – воскликнул он. – Мы только для виду стали христианами. Наши слуги... То же самое.

– И сейчас совершенно не верите?

– Мы никогда не верили.

---

⁴² Организация «Сюмон Аратамэ» («Врата очищения») была учреждена в 1640 г. в столице и представляла собой своего рода «Святую инквизицию». В 1644 г. было решено усилить ее организациями в провинциях.

– Нужно обязательно указать это в письменном отречении от христианства. – Господин Оцука, с жалостью посмотрев на них, еще раз подчеркнул: – Именно это.

Чиновник положил перед ними бумагу и кисти и сказал, чтобы они писали отречение.

Водя кистью, Самурай вспомнил худого, жалкого человека с распростертыми руками. Человека, которого во время своего долгого путешествия он видел каждый день, каждую ночь в городах, куда они прибывали, в монастырях, где останавливались. Разумеется, он никогда не верил в этого человека. Не было у него и желания поклоняться ему. И вот теперь этот человек доставляет ему столько неприятностей. Он всячески старается изменить его судьбу.

После того как они написали отречение, их повели в другое здание, где находился Совет старейшин. Но там не оказалось ни одного члена Совета, и вместо них рассказ Самурая и Ниси о путешествии деловито выслушали трое чиновников. Они не выразили ни сочувствия, ни благодарности за труды. Видимо, Совет старейшин распорядился именно так обращаться с ними.

– Господин Сираиси и господин Исида ничего нам не передавали? – не выдержал Самурай.

Один из чиновников холодно ответил:

– Нет, не передавали. – И добавил, что им не будет дана аудиенция. – Дальнейшее ваше обращение признано нецелесообразным. Таков приказ Совета старейшин.

– Почему Совет старейшин считает, что господину Хасэкуре нельзя общаться со мной? – сжал кулаки Ниси.

– Принявшие христианство ни в коем случае не должны поддерживать между собой отношений – таково решение Его светлости, – заявил чиновник, криво улыбнувшись. Он сказал также, что они свободны и, переночевав в отведенной им комнате, могут отправиться по домам.

После этих слов Самурай и Ниси поняли, что их возвращение на родину доставило немало хлопот и поэтому каждый старается поскорее от них избавиться. Они почувствовали также, что и члены Совета старейшин избегают встречи с ними. Их никто не проводил до главных ворот. Самурай и Ниси покинули замок с чувством, будто их вышвырнули. Мощенную камнем дорогу освещало солнце, пробивавшееся сквозь густую листву деревьев, росших по обеим ее сторонам; казалось, что бойницы холодно смотрят им вслед. Они не знали, где в этом замке находится Его светлость. Может быть, ему вообще неизвестно, что они вернулись в Японию?

Спускаясь от главных ворот вниз, Самурай вдруг сказал, будто разговаривая сам с собой:

– Да, земли в Курокаве... – Он вспомнил обещание господина Исиды, что если их миссия будет успешно выполнена, то вопрос о землях в Курокаве рассмотрят благожелательно. Господин Сираиси и господин Исида наверняка знают об их возвращении. Почему же они не встретились с ними?

Даже вернувшись в отведенное им помещение, Самурай и Ниси не смогли разговаривать. Они уже ничего не понимали. Завтра они уедут обратно в Цукиноуру, а оттуда вместе со слугами вернутся каждый к себе домой.

– Неужели мы уже никогда не сможем увидеться? – заморгал глазами Самурай. – Но если таково повеление Его светлости, придется подчиниться. Когда-нибудь они все поймут, я уверен в этом.

– У меня это просто в голове не укладывается. Такое обращение с нами Совета старейшин оскорбительно, – до самого вечера причитал Ниси.

Наступила ночь. Устроившись рядом с Ниси, который после ужина так и не поднялся со своего места и сидел, понуро опустив голову, Самурай при тусклом свете свечи писал дневник путешествия. За каждым иероглифом стояло множество воспоминаний, всплывали в памяти пейзажи, их цвета, запахи. В каждом иероглифе, в каждой строке заключались незабываемые ощущения, порой горестные. Пламя свечи колебалось и потрескивало.

Пришел посетитель. Его фигура, как тень огромной птицы, отразилась на стене, где оставили следы потеки от дождя. Это был Тюсаку Мацуки.

– Пришел попрощаться.

Мацуки стоял, прислонясь к стене, по привычке слегка отвернувшись в сторону. Он не смотрел им в глаза – возможно, чувствовал неловкость от того, что не разделял судьбу своих товарищей, а может быть, его удручало их жалкое положение.

Самурай и Ниси молчали, и Мацуки, словно оправдываясь, сказал:

– Теперь нужно делать вид, будто никакого путешествия вовсе и не было.

– Я не могу. – Ниси зло глянул на него. – Вы другое дело – вы служите в Совете старейшин. Сделали карьеру. А нам не удастся устроить свою жизнь так умело, как вы, господин Мацуки.

– Не будь ребенком, Ниси. Сколько раз я говорил тебе это. Еще на корабле. Без конца повторял, предупреждал, что мнения в Совете старейшин разделились, что господин Сираиси и господин Аюгаи по-разному смотрят на все это дело. Но ты никогда меня не слушал.

– А что случилось с господином Сираиси? – спросил Самурай, чтобы утихомирить спорящих. – Он еще возглавляет Совет старейшин?

– Нет, он больше не в Совете. Всеми делами княжества заправляет сейчас господин Аюгаи.

– Наверное, поэтому с нами и обошлись таким образом? Ни слова сочувствия, ни слова благодарности от Совета старейшин мы так и не дождались, – криво усмехнулся Ниси.

Мацуки с холодным презрением глянул на него:

– Разве не в этом и заключается государственная мудрость?

– Что значит «государственная мудрость»?

– Новый Совет старейшин обязан отказаться от всего, что замышлялось господином Сираиси и старыми членами Совета. Обязан забыть все его начинания. И, как это ни печально, осудить, отвергнуть тех, кто претворял в жизнь эти начинания, даже если этим людям ничего не было известно об их сути. Такова государственная мудрость.

– Я, мелкий самурай, всего лишь мэсидаси... далек от всякой государственной мудрости. Я честно выполнил приказ, отправился посланником... – Ниси потупился, плечи его дрожали.

Мацуки отвернулся, чтобы не видеть этого.

– Послушай, Ниси. Неужели ты до сих пор думаешь, что был посланником? Неужели не понял, что служил лишь ширмой, – прошептал он сочувственно.

– Что значит «ширмой»? – воскликнул потрясенный Самурай.

Мацуки вздрогнул.

– Оказывается, в то время ни сёгун, ни Его светлость даже не собирались завязывать торговые отношения с Новой Испанией. Я узнал об этом, как только вернулся в Японию...

– Как это?

– Выслушайте меня до конца. У них и в мыслях не было приглашать в страну христианских монахов. Таким хитрым путем сёгун хотел разведать секреты строительства крупных кораблей, секреты кораблевождения. Он хотел выяснить, где пролегают морские пути южных варваров, именно с этой целью вместе с купцами было отправлено на корабле много матросов. А купцы и мы служили лишь ширмой для этого. Ширмой, чтобы у южных варваров не возникло никаких подозрений. Именно поэтому в качестве посланников были выбраны не люди высокого звания, а мэсидаси, мелкие самураи, возможная гибель которых никого особенно не волновала.

– Это и есть государственная мудрость? – в бешенстве стукнул кулаками по коленям Ниси. – И это вы считаете благородным?

– Да, именно в этом мудрость настоящего правителя. Сейчас я в этом убежден. То, что четыре года назад считалось хорошим, сегодня может рассматриваться как плохое. Такова государственная мудрость. Мысли господина Сираиси о благоденствии владений Его светлости в то время для княжества были правильными. Сейчас же, когда сёгунат не хочет возвышения какого-либо одного княжества, мысли господина Сираиси стали непригодными. Теперь господин Сираиси изгнан из Совета старейшин, владения его урезаны. Все естественно. Такова государственная мудрость.

Самурай, как раньше Ниси, сжал руки и молча смотрел на пламя свечи. Если бы он не сжал их так крепко, что ногти впились в ладони, ему бы не сдержать охватившей его досады. Он вспомнил полные сочувствия слова господина Исиды. Его добрую улыбку.

– Даже самые незнатные самураи – все-таки люди, – простонал он, как раненый зверь. – Люди, несмотря на свое низкое звание!

– Да, государственная мудрость – вещь жестокая, как сражение. Если заботиться о мелких самураях, победить в сражении невозможно.

– Его светлость... тоже так считает?

Совет старейшин, его члены – это еще куда ни шло, но Самураю не хотелось думать, что и Его светлость разделяет подобные мысли. Он видел Его светлость лишь издали. Самураям низкого звания до него было не дотянуться. Но за Его светлость беззаветно сражалась вся их семья, в том числе отец и дядя. Немало людей из их рода отдали за Его светлость свои жизни. А ведь князь не так бессилен, как тот худой, жалкий человек с распростертыми руками. Его светлости должно

быть известно все.

– Его светлость? – пробормотал Мацуки сочувственно. – Но ведь Его светлость и есть та самая государственная мудрость.

Под небом, сплошь затянутым тучами, деревья время от времени как бы вздрагивали, стряхивая на землю капли дождя. Крестьянин в соломенном плаще рубил в лесу ветки.

Самурай, сидя у очага, ломал сухие ветки. Дядя, устроившись рядом, не отрывал глаз от огня. Сухие ветки ломались с треском. Самурай бросал их в огонь. В очаге плясали языки пламени.

«Нужно делать вид, будто никакого путешествия вовсе и не было».

Самурай отчетливо помнил эти слова, сочувственно произнесенные Тюсаку Мацуки. Забыть, считать, что ничего вообще не было. Действительно, ничто другое не способно вернуть его истерзанной душе прежний покой. Сейчас уже бессмысленно страдать от того, что они были не уважаемыми посланниками, а всего лишь жалкой ширмой. Наконец-то он смог осмыслить слова Мацуки о разногласиях в Совете старейшин между господином Сираиси и остальными членами, понять, что господин Сираиси утратил свое влияние, понять, в чем состоит государственная мудрость. Ничего не поделаешь, решил он.

Самураю было тяжело смотреть на хмурое лицо дяди, возлагавшего большие надежды на племянника. Жена Рiku лишь грустно улыбнулась. Она не спрашивала о том, что происходило в замке, что их ждет в будущем. И вела себя так, словно ничего не случилось. Но временами и его охватывала невыносимая тоска от одной мысли о доброте Рiku к нему.

– Господин Исида... – не вытерпел однажды вечером дядя, сидя рядом с Самураем, ломавшим сухие ветки. – От господина Исиды нет никаких вестей?

– В Нунодзаве сейчас жатва. Потом, я думаю, обязательно позовет к себе.

Даже господин Исида, непосредственный военачальник Самурая, не прислал ему письма после возвращения на родину. Казалось, будто и он тоже избегает их семьи. Самурай послал к нему Ёдзо, чтобы передать привет и попросить о встрече, но господин Исида ответил, что, когда такая возможность представится, он сам сообщит ему. Самураю была невыносима мысль, что теперь, когда от него все отвернулись, господин Исида тоже избегает встречи с ним.

«Мир бескраен. Но я больше не верю людям», – с грустью сказал Кюскэ Ниси, изо всех сил вцепившись в поводья, чтобы сдержать досаду, когда они после возвращения из замка расставались в Цукиноуре. До сих пор в ушах Самурая звучал дрожавший от возмущения голос Ниси. Ничего не зная, ни о чем не догадываясь, они, выполняя чужую волю, скитались по бескрайнему миру. Сёгун использовал князя, князь использовал Веласко, Веласко, в свою очередь, обманывал Его светлость, иезуиты вели отвратительную борьбу с францисканцами, а они, втянутые, как в водоворот, в этот всеобщий обман, скитались по миру.

– А вдруг и господин Исида... отвернулся от нашей семьи? – едва слышно прошептал дядя.

Раньше он никогда не говорил таким тихим голосом. Дядя, обессиленный, точно мотылек глубокой осенью, неотрывно смотрел на яркие языки пламени. Он весь как-то усох. Самурай, сам не веря в то, что говорит, изо всех сил пытался утешить старика. Рiku потупившись слушала их разговор. Иногда, не в силах сдержать слезы от безмерной жалости к мужу, который вынужден был лгать дяде, она выходила из комнаты. А Самурай лгал без конца, чтобы хоть на один день продлить старику угасавшую жизнь. Единственным желанием дяди, навязчивой идеей было умереть на земле Курокава, на земле предков.

Когда Самураю становилось совсем неважно сидеть наедине с дядей, он, гоня от себя навязчивые мысли, работал вместе с крестьянами с утра до ночи. Теперь единственным утешением для него было взвалить на спину огромную вязанку дров и, преодолевая боль в спине, тащить ее по горной тропе до хижины углежогов. За ним молча следовал с такой же вязанкой дров Ёдзо в узких, едва не лопающихся штанах. После возвращения на родину Самурай ни разу не заговорил с ним о случившемся. Но когда они садились отдохнуть в долине, где траву нежно ласкали золотые лучи солнца, достаточно было видеть, как он молча смотрит в одну точку, чтобы без слов понять, что у него на душе.

«Ёдзо и его товарищей жаль еще больше, чем меня», – думал Самурай.

Самураю нечем было отблагодарить Ёдзо, Итискэ и Дайскэ за те тяготы, которые выпали на их долю во время путешествия. Совет старейшин не дал семье Хасэкура никакого вознаграждения. Может быть, Ёдзо и его товарищи завидуют погибшему Сэйхати? Он обрел свободу. А они, как и

Самурай, по-прежнему обречены влачить жалкую жизнь.

Поздней осенью от господина Исида прибыл посыльный. Самураю предписывалось приехать к нему для беседы.

Взяв с собой Ёдзо, он отправился в Нунодзаву. Вода во рву, окружавшем усадьбу господина Исида, была мутной, в ней колыхались водоросли и гниющий тростник, они как бы символизировали горечь утраты хозяином власти в Совете старейшин.

– Спасибо, что приехал. – Покашливая, господин Исида смотрел на низко склонившегося Самурая. А тот, подняв голову, увидел, как сильно постарел и осунулся его господин, – этот когда-то могучий человек напомнил ему дядю.

– Наверное... – грустно начал господин Исида после недолгого молчания. – Наверное, обидно тебе?

Самурай изо всех сил старался сдержать нахлынувшие на него чувства. После возвращения на родину это были первые ласковые слова. Ему хотелось завывать в голос. Обидно... Потрясенный, он, опершись руками о колени, молча опустил голову.

– Но теперь... ничего не поделаешь. Пока тебя не было, положение изменилось. Его светлости пришлось отказаться от всех своих помыслов. Да и тебе... нужно выбросить из головы мысль о Курокаве.

Хотя Самурай уже был готов к этому, но стоило услышать такой приговор из уст господина Исида, как перед глазами сразу же всплыло лицо дяди с беззубым ртом.

– И ни в коем случае не вздумай выражать недовольство. Объясни это как следует и дяде. Нужно считать благом, что хотя бы пока не тронули семью человека, принявшего христианство.

– Я это совершил... ради выполнения миссии.

Чуть не плача, Самурай старался убедить господина Исида, что не верит в Христа и никогда не верил, а принял христианство только ради выполнения возложенной на него миссии.

– Но все же не забывай, что семьи Сэммацу и Кавамура за то, что приняли христианство, лишились своих земель.

– Господин Сэммацу и господин Кавамура?! Он слышал об этом впервые. Эти семьи были гораздо родовитее Хасэкура. Особенно велики были заслуги господина Маготэя Кавамуры, который ведал осушительными работами и лесопосадками в княжестве, за что ему были пожалованы земли, приносящие доход свыше трех тысяч коку [⁴³] риса – в Сарусаве, Хаямато и Окаги. Самурай не знал, что даже эта семья пострадала из-за того, что глава ее принял крещение.

– Имей это в виду, – предостерег господин Исида. – Теперь ты должен жить тихо и незаметно.

– Тихо и незаметно?!

– Да, чтобы не привлекать к себе внимания. Ни у кого не должно закрасться подозрения, что ты христианин. Я уже не смогу прийти тебе на помощь. Раньше Его светлость призывал род Исида, когда нужно было вести сражения, но времена изменились, теперь мы ему не нужны и он отвернулся от нас. Я не жалею. Тебе же известно, что Его светлость являет государственную мудрость. – Господин Исида хрипло засмеялся, словно издеваясь над собой. – Ты в таком же положении. В тот год тебя сделали посланником и отправили в страны южных варваров, хотя ты и невысокого звания, а сейчас ты должен жить так, чтобы не привлекать к себе внимания. К сожалению, именно такое отчуждение, такие отвратительные отношения и бытуют между людьми – подумай об этом... Я позвал тебя сегодня специально... чтобы сказать это.

Самурай потупившись внимательно слушал унылый голос своего господина. Казалось, он обращается не к Самураю, а к самому себе лишь для того, чтобы сдержать переполнявшие его тоску и возмущение.

Вечером он покинул Нунодзаву. В ушах еще звучал хриплый голос господина Исида. Ёдзо покорно следовал за его лошастью. Самурай должен теперь жить в Ято тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания.

Вернувшись ночью домой, он сказал дяде, которому еще ничего не было ведомо, что разговор шел о странах южных варваров. Хотя, по правде говоря, господин Исида не задал ни одного вопроса об этих странах, о том, как проходило путешествие. И не только господин Исида – никто

---

⁴³ 1 коку – 150 кг.

в княжестве не проявил ни малейшего интереса к дальним странам.

– Ладно, пусть о землях в Курокаве он даже не упомянул. – Дядя прикрыл глаза, будто выражая этим покорность. – Но неужели и словом не обмолвился о вознаграждении?

– Сейчас ничего невозможно сделать. Он сказал, что придется подождать.

Самурай не считал себя вправе оборвать тонкую ниточку, еще связывающую дядю с жизнью. Он должен был говорить так, чтобы у того осталась хотя бы крупица надежды. Лгать было противно, и поэтому голос его звучал сухо. Лицо оставалось бесстрастным.

Когда все уснули, Самурай открыл шкатулку для писем – он не расставался с ней в течение всего путешествия. Шкатулку, которую много раз заливала морская вода, опалило жаркое солнце Новой Испании. Следуя совету господина Исиды, он должен был предать огню все, что хотя бы чуточку было связано с христианством. В ней лежали листки с записанными на них для памяти именами падре и монахов монастырей, в которых они побывали, и молитвами о благополучном путешествии, изображения святых, закладки для молитвенников. Они были ему не нужны, но он не выбросил их, думая, что, возвратившись домой, позабавит жену и детей.

Самурай порвал листки и картинки и бросил в огонь. Ведь Совет старейшин может посчитать эти бумаги крамольными и придерется к ним. Края листов завернулись, они стали темно-коричневыми, пробежало крохотное пламя – и все исчезло.

Глубокая ночь в Ято. Тому, кто не знает ночи в Ято, неведомы настоящая тьма, молчание тьмы. Тишина – не просто отсутствие звуков. Тишина – это шелест опадающей в лесу за домом листвы, раздающиеся временами резкие голоса птиц, тень на стене фигуры человека, сидящего у огня.

«Мир бескраен. Но я больше не верю людям», – повторял про себя Самурай слова Кюскэ Ниси, глядя на золу в очаге. «Теперь ты должен жить тихо и незаметно, чтобы не привлекать к себе внимания», – вспомнил он слова господина Исиды. Перед его мысленным взором возникли Ниси и господин Исида, как и он сидящие в эту ночь безмолвно, понурившись.

Со дна шкатулки появилась небольшая пачка полуистлевшей бумаги. Ее отдал ему при расставании тот японец, который жил у озера в Текали. Этот человек, наверное, уже покинул Текали и ушел вместе с индейцами в какое-нибудь другое место. А может быть, умер. Мир бескраен, но везде люди страдают, как и здесь, в Ято.

Он всегда рядом с нами,

Он прислушивается к нашим страданиям и скорби,

Он плачет вместе с нами,

Он говорит нам:

Блаженны плачущие – ибо на небесах они утешатся.

«Он» – это тот худой, жалкий человек, распростерший пригвожденные руки и уронивший голову на грудь. Закрыв глаза, Самурай вспоминал того человека, каждый вечер смотревшего на него со стен комнат, в которых он жил. Сейчас Самурай почему-то не испытывал к Нему ни презрения, ни отчуждения. Ему даже казалось, что этот достойный сострадания человек чем-то похож на него самого, горестно сидящего у очага.

Он скитался по миру, но навещал не высокомерных и знатных, а бедных и страждущих и беседовал только с ними. До утра Он сидел с умирающими и до рассвета держал их за руку, а потом страдал вместе с оставшимися в живых... Не для того Он пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Здесь жила женщина, многие годы продававшая свое тело. Однажды она узнала, что Он пришел по морю. Она побежала туда, где был Он, и пошла рядом с Ним, не говоря ни слова и лишь плача. Ее слезы мочили ступни Его ног. И Он сказал: перестань плакать, Бог знает о твоих страданиях и о твоей скорби; так что не страшись.

Точно обезумевшая, закричала птица – один раз, второй. Он сломал ветку и бросил в очаг, пламя слабо колыхнулось и стало пожирать сухие листья.

Самурай пытался представить себе, как японец в жалкой лачуге у озера исписывает страницу за страницей. Ночь там такая же непроглядно темная, как здесь, в Ято. Самураю казалось, что он смутно понимает, почему ему так необходимо было писать все это. Ему нужен был не тот бог, о

котором твердят в церквах богатые падре, а человек, который бы защитил его и индейцев, покинутых всеми. «Он всегда рядом с нами. Он прислушивается к нашим страданиям и скорби, Он плачет вместе с нами...» Самураю померещился бывший монах, исписывающий своими каракулями страницу за страницей.

Приближалась первая зима после возвращения Самурая на родину. Из леса, окружавшего его дом, каждый день неслись сухие листья, и однажды он увидел в оголенном лесу голые, переплетенные сетью серебристые ветки.

Самурай, как и в прежние годы, вместе со слугами ходил в лес рубить деревья. Срубленные деревья шли либо на дрова и складывались вокруг дома наподобие высокой ограды, либо на выжиг угля – так всегда делали в Ято. В таком же, как у крестьян, коротком кимоно с узкими рукавами и в рабочих штанах, он с утра до ночи обрубал топориком сухие ветки, пилил деревья. Физический труд позволял ни о чем не думать. Взвалив на плечи гору хвороста и возвращаясь с Ёдзо и остальными домой, он в такт шагам всегда шептал про себя слова господина Исиды: «Тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания, тихо и незаметно, не привлекая к себе внимания».

Во время работы, словно вспомнив что-то, он временами поглядывал на молча трудившегося Ёдзо. Как все крестьяне в Ято, он никогда не выдавал своих чувств и, встречаясь взглядом с хозяином, смотрел на него без всякого выражения. Но Самурай знал: в глубине его глаз таится та же покорность.

Даже этому преданному человеку Самурай после возвращения на родину не рассказал о горькой обиде, которую ему нанесли. А Ёдзо ни о чем не спрашивал. Но он был уверен, что ему лучше, чем остальным, лучше даже, чем Рику, понятна печаль Самурая. И, пусть немного, его утешало то, что рядом был Ёдзо, разделивший с ним все тяготы долгого путешествия.

К тому времени в Ято уже были убраны просо и редька и на голых полях, сверкая на солнце, стояли, точно буддийские монахи, скирды соломы. Увезут их – и до Нового года никаких дел, кроме выжигания угля, уже нет.

Однажды, когда и эта последняя работа, знаменующая конец осени, была закончена, Самурай увидел в небе Ято белых птиц.

Стоявший рядом с ним младший сын Гондзиро закричал:

– Белые лебеди!

– Верно, – кивнул Самурай.

Во время путешествия он много раз вспоминал этих огромных птиц.

На следующий день, взяв с собой Ёдзо, Самурай поднялся по горной тропинке к заросшему озеру у подножия горы. Этот холм, где когда-то стоял небольшой замок, густо порос кустарником; там и было озеро. Когда они подошли, оттуда взлетело несколько небольших уток.

Все это он уже видел в своих мечтах. На поверхности воды, освещенной неярким солнцем, плавали утки, они кричали, чистили клювы, а потом стайкой плыли к берегу. В некотором отдалении от них сгучились криквы с темно-зелеными шейками. В отличие от остальных уток они взлетали не стайей, а поодиночке.

Лебеди плавали на другом конце озера, вдали от остальных птиц. Время от времени они, покрутив головой, погружали ее в воду. А когда голова снова появлялась над поверхностью, в желтом клюве серебром сверкала рыбка. Устав плавать, они выбирались на берег и, широко раскинув крылья, чистили перья.

Он не знал, откуда прилетают сюда эти птицы и почему избрали крохотное озеро для своей зимовки; наверное, во время долгого путешествия некоторые из них погибают от голода.

– Эти птицы... – прошептал прищурившись Самурай, – они тоже пересекли безбрежное море и видели много стран.

Ёдзо, обхватив руками колени, неотрывно смотрел на озеро.

– Пожалуй, и правда... путь был долгим.

На этом разговор прекратился. Самурай подумал, что больше ему нечего сказать Ёдзо. Горьким был не только путь этих птиц. Несладким было и его прошлое, и прошлое Ёдзо, хотелось сказать Самураю.

Поднялся ветер, по озеру побежала рябь, утки и лебеди тихо поплыли в сторону от берега. Склонив голову, Ёдзо сидел с закрытыми глазами – Самурай догадался: он старается сдержать нахлынувшие на него чувства. Он даже подумал, что в профиль его верный слуга очень похож на

того человека, который склонив голову был готов стерпеть любые мучения. «Он всегда рядом с нами. Он прислушивается к нашим страданиям и скорби...» Нет, Ёдзо никогда не оставлял Самурая, не оставит его и сейчас. Он всегда тенью следовал за ним. И ни разу и словом не обмолвился о горестях хозяина.

– Я думал, что стал христианином лишь для видимости. Чувство это не изменилось и сейчас. Но, поняв, что такое государственная мудрость, я стал временами думать о том человеке. Мне даже кажется, что я понял, почему его изображение в каждом доме в тех странах. Любой человек в глубине души хочет, чтобы рядом с ним всегда был кто-то, кто не предаст, не покинет – будь это даже приبلудная собака. *Тот* человек для каждого – вроде такой собаки. – Точно говоря сам с собой, Самурай повторил: – Да, *тот* человек вроде такой собаки, которая всегда с тобой. Это написал на своих листках японец из Текали. Он всю жизнь говорил это своим друзьям. Говорил, что Сын Человеческий пришел, чтобы служить людям.

Ёдзо наконец поднял голову и задумчиво посмотрел на озеро, стараясь понять слова хозяина.

– Ты веришь в Христа? – тихо спросил Самурай.

– Да, – ответил Ёдзо.

– Никому не говори. Ёдзо кивнул.

– С наступлением весны перелетные птицы покинут наши места, а нам до конца жизни оставаться в Ято, – сказал Самурай веселым тоном, чтобы сменить тему разговора. – Ято – наш родной дом.

Побывал он во многих странах. Пересекал безбрежное море. И вот вернулся к себе, где все те же нищие деревни и скудные земли, – это чувство все сильнее овладевало им. Так и должно быть. Бескрайний мир, множество стран, безбрежное море. Но люди везде одинаковые. Повсюду воюют, ловчат, хитрят. И в замке Его светлости, и в мире, в котором живет Веласко, – везде одно и то же. Самурай не просто увидел множество земель, множество стран, множество городов – он убедился, что над всеми властвует карма. Но над кармой возвышается *тот* худой, жалкий человек с пригвожденными к кресту руками и упавшей на грудь головой. «Мы плачем в долине скорби и припадаем к Твоим стопам» – этими словами заканчивались записки монаха из Текали.

Чем отличается наша жалкая Ято от бескрайнего мира? Ято – это весь мир, так хотел сказать Самурай Ёдзо, но не нашел нужных слов.

Япония. Япония, где свирепствует буря гонений, где живет лишь вражда к Богу. Почему же мое сердце привязано к тебе? Почему же я мечтаю вернуться к тебе?

Двенадцатого июня. Я сел в китайскую джонку и покинул Лусон, где прожил год. Сосланные в Манилу японские верующие тайно собрали для меня деньги. На них я смог купить изъеденную термитами джонку и нанять матросов.

Мне неизвестно, что Господь наш Иисус подумает о моем безрассудстве. Я не могу понять, какова воля Господа: чтобы я до конца своих дней прожил в тихой Маниле или снова отправился в Японию вести сражение? Но я уверен, что рано или поздно он даст мне знак. И да свершится воля Его.

Мой поступок безрассуден. Я решил вернуться в Японию, где преследуют христиан. В глазах людей это действительно может показаться безрассудством. Даже сосланные в Манилу японцы, узнав о моем плане, качали головами и говорили, что это безрассудство. Говорили, что это глупо, потому что не успею я высадиться, как меня схватят. Но если я веду себя безрассудно и глупо, то разве не столь же безрассудно поступил Господь наш Иисус, отправившись в Иерусалим? Зная, что его убьют, он вместе со своими учениками отправился в Иерусалим. Господь знал, что умрет, но знал также, что смерть Его послужит людям. Нет большей любви, чем та, когда человек отдает жизнь за ближнего.

Я все время думаю об этом. Ближние, за которых я должен отдать свою жизнь, – не монахи, которые спокойно молятся в манильском монастыре, а японские верующие и тот человек в лохмотьях, просивший в Огацу отпущения грехов. «Успокойся. Настанет день, когда уже никто не будет смеяться над твоей верой», – поучал я его. Где он сейчас? Я обманул его. В Японии так и не настал день, когда верующие могли бы с гордостью говорить: я христианин. Но я не забыл этого человека. Из-за него я не смог

остаться в Маниле.

Плавание продолжается. Море спокойное. Я каждый день молюсь о Японии. Молюсь о японских посланниках, с которыми расстанусь на Лусоне. Молюсь о том человеке в лохмотьях. Я полжизни был связан с этой бесплодной страной. Я пытался посадить там Божью лозу, но она не прижилась. Все равно эта земля – моя. Земля, которую я обязан покорить во имя Бога. Мое сердце приковано к Японии именно потому, что земля ее бесплодна.

На востоке показался скалистый остров. Крушась о скалы, волны, взбивая пену, рассыпаются мелкими брызгами. Я здесь уже плыл когда-то. Это южная оконечность Формозы. Вскоре мы минуем острова Рюкю, пройдем архипелаг Ситито, известный как самое гиблое место, и подойдем к южному побережью провинции Сацума.

Плавание по-прежнему проходит спокойно. Уже несколько дней думаю о последнем плавании святого Павла, описанном в «Деяниях святых апостолов». Павел во время последнего путешествия предвидел свои муки, но, даже зная о неминуемой гибели, все же направился в страну, где правил деспот Нерон. В «Деяниях» об этом сказано туманно, но между строчек можно понять, что Павел предвидел свою ужасную смерть.

С молодости меня почему-то больше всех апостолов, даже Петра, которого возлюбил Господь, влечет к себе Павел. Потому что он так же, как я, жаждал покорять. Мне даже кажется, у него были точно такие же недостатки, как у меня. Из-за своей пылкости он мог обидеть других, в том числе и Петра. Защищая свою веру, он спорил с остальными апостолами. По-моему, я чем-то похож на него. Павел отвергал бездельность, нерешительность апостолов. Так же как я не могу простить иезуитам недопустимое малодушие, проявленное в распространении веры в Японии. Павла пытались оклеветать, очернить – и этим тоже моя судьба похожа на его. Только благодаря неустанным трудам Павла, его стремлению обращать в христианство язычников вера Христова распространялась среди других народов. Вот и я: как бы ни клеветали на меня иезуиты, осмелятся ли они утверждать, что я ничего не сделал для распространения веры в Японии? Сегодня, стоя на палубе, пронизываемой ветром, я много раз повторял поучения Павла, приведенные в конце «Деяний апостолов», особенно прекрасные слова из «Книги пророка Исайи», которые он цитировал:

*Пойди к народу сему и скажи:
Слухом услышите, и не уразумеете;
И очами смотреть будете, и не увидите.
Ибо огрубело сердце людей сих,
И ушами с трудом слышат,
И очи свои сомкнули, да не узрят очами,
И не услышат ушами,
и не уразумеют сердцем,
и не обратятся, чтобы Я исцелил их.*

Позавчера нас настиг шторм. Волны обнажили белые клыки, пенились, в снастях стонал ветер, небо покрыли свинцовые тучи. Китайцы забеспокоились, что шторм обрушится на нас у архипелага Ситито. Готовясь к худшему, я связал в узелок все самое необходимое – молитвенник, свои записи, хлеб и вино для причастия – и думал только о том, чтобы не выпустить все это из рук.

После полудня море разбушевалось, китайцы решили укрыться у острова Кутиносима, одного из островов архипелага Ситито, и направили джонку к берегу. Часа в три начался проливной дождь, поднялся ветер. Паруса надулись, джонка то взлетала на

волнах вверх, то стремительно летела в пропасть между валами. Чтобы не смыло в море, пришлось привязаться веревкой и лечь ничком на палубу.

Шторм, длившийся четыре часа, порядком потрепав нас и отогнав джонку к Японии, утих. Руль сломался. До самого утра нас носило по темному морю, и мы были бессильны что-либо сделать. Когда наступило тихое ясное утро, так не похожее на вчерашнее, на горизонте в спокойно переливавшемся в лучах яркого солнца море показался остров Кутиносима. Нам помогли японские рыбаки, подплывшие к джонке на своих углых суденышках.

Сейчас я нахожусь в рыбацкой хижине. Думая, что я купец, направляющийся в Боноцу, они накормили меня, дали одежду.

После шторма небо ярко-голубое, словно его выстирали. Остров – потухший вулкан, и прямо передо мной высится огромная гора с тремя вершинами. На отлогом берегу, усыпанном вулканическим пеплом, стоит тридцать рыбацких хижин – только эти рыбаки и живут здесь. И нет ни одного чиновника. Чиновники, по рассказам островитян, приезжают сюда раз в год из Сацумы – с проверкой архипелага Рюкю.

Ничего не ведающие островитяне обещали, как только я немного окрепну, отвезти меня в Боноцу, но китайские матросы сказали, что им удастся починить руль на джонке.

Вот я и вернулся. Четыре дня назад мы покинули Кутиносиму, и наконец передо мной Япония. Япония, которую во имя Господа я должен покорить.

Вскоре на востоке показалась конусообразная гора. Она напоминала маленькую Фудзи. Не знаю ее названия. Море ярко сверкало под жарким солнцем, побережье ослепительно белое и безлюдное. За ним холмы, густо поросшие кустарником, точно джунгли.

Некоторое время джонка двигалась вдоль побережья на запад, и тут в тени утеса я увидел с десяток неказистых домишек рыбаков. На берегу сушились три лодки. Слева громоздились черные вулканические глыбы – это был причал. Здесь тоже – ни живой души. Похоже, что разразилась эпидемия и все жители в страхе бежали отсюда.

Китайцы уговаривали меня высадиться, но я колебался. Мне почему-то была неприятна тишина, окутавшая деревушку. Казалось, что в темных рыбацких хижинах кто-то прячется и исподтишка наблюдает за каждым моим шагом. Я даже подумал, что кто-то уже тайно донес властям о моем прибытии. Я знал, как коварны и ловки японцы.

Прошло довольно много времени. Все точно оцепенело от жары. В конце концов я решился высадиться и сказал об этом китайцам. Джонка стала медленно двигаться к причалу, я стоял на носу с узелком в руках (тем самым, с которым не расставался во время шторма), но тут из-за восточного мыса появилось судно. На нем развевался флаг с гербом здешнего князя, двое чиновников неотрывно смотрели на нас.

Стало ясно, что им уже известно о нашей джонке. Я поспешно выбросил в море узелок, чтобы не обнаружили молитвенник и вино для причастия. Скажу им, что я купец, направляющийся в Боноцу, что мы попали в бурю, судно повреждено и поэтому нас отнесло сюда.

Они стремительно приближаются к нам. Скоро решится моя судьба, определенная Господом. На все Его воля. Воспойте Господу, вся земля; пойте Господу, благословляйте в гимне Его...

Я предал себя в руки Его. Это не было слабостью или отчаянием, а только неколебимой верой, которой научил нас Господь на кресте.

Меня схватили. Чиновники из Боноцу оказались не такими глупыми: мне не удалось обмануть их. Делая вид, будто поверили, что я купец, они посадили меня в тюрьму.

му, пока не будет закончено дознание. В темнице уже было несколько человек, подозреваемых в принадлежности к христианству, и чиновники подслушивали все наши разговоры. Большой старик попросил соборовать его. Это и доказало им, что мы христиане.

Из тюрьмы в Боноцу меня перевезли в Кагосиму и там допрашивали до самой зимы, а после Нового года на судне отправили в Нагасаки. Сейчас я в Омуре, недалеко от Нагасаки. Из окна видно спокойное море.

Вместе со мной и японскими христианами здесь же находятся доминиканец отец Васкес и монах-японец Луис Сасада. Темница – это клетка из толстых бревен, в щели между ними можно просунуть два пальца; в углу дверь, через которую к нам входят стражники, – она, разумеется, на замке.

Когда меня водили на допрос, я увидел, что тюрьма окружена двумя рядами остроконечных кольев, а между ними посажены колючие кусты терновника, чтобы никто не мог проникнуть снаружи. За оградой – крытая соломой лачуга стражников, дом начальника тюрьмы и кухня.

Изо дня в день мы получаем лишь рис с приправой из овощей и свежую или соленую редьку, иногда соленую рыбу. Стричься и бриться нам не разрешают, и мы стали похожи на отшельников. Стирать и мыться нам не позволяют, поэтому мы заросли грязью, но хуже всего то, что и нужду мы вынуждены справлять здесь же. Из-за этого стоит страшная вонь – дышать невозможно. Никаких свечей нам не дают, и вечерами сидим в полной тьме.

От отца Васкеса и прочих узников я узнал, что преследования миссионеров после моего ареста стали особенно жестокими. Недалеко от той деревни, где скрывался отец Васкес, пряталось еще восемнадцать миссионеров. Хотя их осталось немного, они продолжали свою проповедническую деятельность, но большая часть из них скрывалась в пещерах, а если случалось остаться на ночь в доме верующего, то они прятались в тайнике между специально сделанными для этого случая двойными стенами.

– Я тоже много раз ночевал в таких закутках, – сказал отец Васкес. – Спал там весь день, а ночью покидал дом и шел в другой – у нас было твердое правило: ночевать в одном и том же месте лишь один раз. Придя в дом, куда меня пригласили, я прежде всего исповедовал больных, потом, когда собирались верующие, наставлял их и отпускал грехи. И это продолжалось до того часа, когда все дома должны были запираться.

Он был предельно осторожен, но власти Нагасаки тоже не дремали. Подобно тому как первосвященник Каиафа вознаградил Иуду за то, что тот предал Господа, японские власти вознаграждали доносчиков. А тех, кто укрывал у себя священников и монахов, казнили. Христиан подвергали страшным пыткам, не только чтобы заставить отречься от веры, но и чтобы принудить их выдать скрывающихся миссионеров.

– Самое ужасное, – говорил отец Васкес, – что мы уже не можем верить даже своей пастве. Мы всегда опасались, что те, кому мы верили, отрекутся от нас. Поэтому я и верующим не рассказывал, где скрываюсь. Я знаю священников, которые были схвачены властями на следующий же день после того, как доверили свою тайну. Жить, никому не доверяя, – это был суший ад.

Я спросил, жив ли мой старый товарищ отец Диего. Я не мог забыть этого беспомощного, но добрейшего человека с красными, точно заплаканными, глазами.

– Отец Диего заболел и умер, – сказал Луис Сасада. – Это случилось, когда нас собрали в Фукуде, недалеко от Нагасаки, чтобы выслать из страны. Могилы нет. Чиновники сожгли труп и пепел бросили в море. Они делают это для того, чтобы в Японии не осталось даже праха тех, кто был христианином.

– Наверное, нас тоже скоро сожгут и пепел бросят в море...

Я покорно приму любую судьбу, уготованную мне Господом, подобно тому как плод вбирает в себя ласковые лучи осеннего солнца. Я не воспринимаю близкую смерть как поражение. Я сражался с Японией и ею же повержен... В памяти моей вос-

крес образ старика, сидевшего в бархатном кресле. Наверное, он думал, что победил нас. Но ему никогда в жизни не понять смысла того, что смерть Господа нашего на кресте перевернула мир. Видимо, он считает, что все вернется на круги своя, когда меня сожгут, а пепел бросят в море. Но это будет только началом. Подобно тому как смерть на кресте Господа нашего Иисуса явилась началом всех начал. Я превращусь в один из камней, которыми рано или поздно будет замощена японская трясина. Когда-нибудь уже другой миссионер, стоя на этом камне, превратится в еще один камень на японской трясине.

В темноте я молился за Хасэкуру и Ниси, с которыми расстался на Лусоне, за покойного Танаку. Где сейчас Хасэкура и Ниси, что с ними? Не знаю. Не знаю и того, сохранили они в своем сердце хоть капельку христианской веры или нет. С каждым днем меня все сильнее охватывает желание просить прощения за мои грехи перед ними – пусть они и проистекали из самых добрых побуждений и уверенности в своей правоте.

Я и впрямь прибегал к обману, уговорам, посулам, использовал их в собственных целях. Я и христианство заставил их принять ради своих честолюбивых целей. Но ведь благодаря этому они теперь воедино связаны с Господом. Одно это – великое утешение для меня. И поэтому вместе с глубоким раскаянием меня охватывает чувство радости. Господь не покинет их!

Господи, не оставляй Хасэкуру, Ниси и Танаку. Лучше возьми мою жизнь во искупление того, что я совершил. И, если это возможно, сделай так, чтобы они поняли, что все мои помыслы были чисты – я хотел нести свет их стране, Японии.

Отец Васкес заболел. Он уже давно говорил, что чувствует себя скверно, а три дня назад у него началась рвота, и он уже не вставал с постели. Я попросил, чтобы ему дали лекарство, но стражник принес лишь глиняный чайник со сваренными кореньями, а врача позвать отказался. Нам с Луисом Сасадой пришлось прикладывать ко лбу отца Васкеса полотенце, смоченное в грязной воде, чтобы его не так мучил жар.

Если нас казнят не скоро, то рано или поздно мы тоже заболеем. Хотя я готов к такой судьбе, временами страх смерти острой иглой пронзает сердце. Я в отчаянии, но все же не забываю, что и Господу был ведом страх близящейся смерти. Я все время думаю о Его страданиях. Пытаюсь представить себе, как Иисус, предчувствуя смерть, преодолевают страх.

Господь предсказал ученикам свою смерть:

«Крещением должен Я креститься, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

«Какие же страдания придется мне вынести, пока сие свершится» – эти Его слова служат мне великим утешением.

Однако Господь, умерев, преобразил мир. Я, отдав жизнь Японии, пролив кровь за Японию, стану частицей этого мира.

«Я свет миру». Это тоже слова Господа.

Япония, я тоже нес тебе свет. Тебе, занятой лишь мирскими благами и мирским счастьем. Тебе, проворной как ящерица, добывающая пищу.

Япония, я пришел дать тебе свет. Сейчас тебе не понять, почему я сел на корабль и приплыл к тебе. Я снова пришел к тебе, чтобы умереть, – сейчас ты вряд ли способна понять, почему я это сделал. Сейчас ты вряд ли способна понять, почему Господь наш Иисус пришел в Иерусалим, где его поджидали враги, и принял смерть на Голгофе.

Но Господь никогда не покинет тех, кто хоть однажды произнес Его имя. Господи, не оставляй Японию. Лучше возьми мою жизнь во искупление того, что я совершил, и спаси эту страну.

Страх смерти. Днем, ухаживая за отцом Васкесом, я убежден, что готов принять

любую судьбу, но с наступлением ночи – стражники не дают нам даже свечи – я слушаю во тьме, пропитанной вонью, стоны отца Васкеса – и душу разрывает страх смерти, разрывает острыми когтями. Я обливаюсь потом. Потом, подобным крови. Отче мой! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля Твоя!

Страх смерти. Поздно ночью отец Васкес умер. Жалкая смерть, совсем не подобающая этому выдающемуся проповеднику, приехавшему в Японию нести Слово Божье. Я и монах Луис Сасада проснулись от его звериного воя и стонов. Это были последние звуки, с которыми он оставил мир живых для вечной жизни. Я в темноте закрыл ему глаза (слава Богу, что не видел их) и стал читать молитву. Ту же, которую читал над телом индейского юноши и Танаки...

На рассвете стражники завернули тело в циновку и унесли. Торчавшие грязные руки и ноги были тонкие как спицы. Вместе с Луисом Сасадой мы смотрели, как выносят тело отца Васкеса, и вдруг я постиг всю убогость земной жизни; это было как откровение свыше. Наша жизнь, сколько бы мы ни приукрашивали ее, сколько бы ни обманывали себя, жалка, как это грязное тело отца Васкеса. Даже Господу не удалось избежать мерзости этой жизни. Он принял смерть, покрытый потом и пылью. И смерть Его осветила земную грязь.

Я сейчас думаю даже, что все испытания, выпавшие на мою долю, ниспосланы Господом, чтобы я собственными глазами увидел и прочувствовал это. Думаю, что Господь хотел этого, чтобы уничтожить, – я взглянул жизни в глаза, чтоб я сам разрушил все то, что приукрашивал. Подобно тому как Его смерть осветила весь мир, моя смерть должна осветить Японию...

Тело отца Васкеса будет сожжено, и пепел брошен в море. Та же участь постигла многих миссионеров в Японии.

Сегодня нас снова допрашивали. Скорее даже не допрашивали – чиновник из Нагасаки предлагал отречься от христианства (японцы называют это «поворотом»). Но он и сам был уверен, что мы не совершим «поворота», мы и в самом деле не собирались этого делать. Но сегодня он выяснял у меня совсем другое. Он спрашивал, от чистого ли сердца приняли христианство Хасэкура и Ниси, совершавшие вместе со мной путешествие. Я, заботясь об их безопасности, ответил:

– Они приняли христианство ради выполнения возложенной на них миссии.

– Значит, их нельзя называть христианами? – спросил чиновник, пристально глядя мне в глаза,

Я промолчал. На человеке, принявшем крещение, почиет Божья благодать. Посмотрев на меня, он что-то записал на листе бумаги.

– Не кажется ли тебе... что твой поступок безрассуден? – Уже собравшись уходить, чиновник с состраданием посмотрел на меня. – Если бы ты спокойно сидел на своем Лусоне, ты мог бы еще послужить христианству и людям... Вместо этого ты приезжаешь в Японию, чтобы тебя сразу же схватили и казнили, – какой в этом смысл? Это же просто безумие.

– Нет, не безумие, – ответил я улыбаясь. – Таков уж мой неумный нрав. Это похоже на то, что буддийские монахи называют кармой. Да, это именно карма. Так я себе представляю. Но я верую, что Господь возьмет мою жизнь во благо Японии.

– Как может Бог взять твою жизнь для Японии? – удивленно спросил чиновник.

– Ваш вопрос и есть ответ, – сказал я, подчеркивая каждое слово. – Вы назвали мой поступок безрассудным. Что ж, я вас прекрасно понимаю. Но почему же я, зная заранее, что задумал глупое дело, все же вернулся сюда? Зачем я совершил то, что кажется вам безумием? Я ведь сознавал это. Неужели я приехал в Японию лишь затем,

чтобы просто умереть? Задумайтесь над этим. Одно то, что я умру, заставит вас задуматься над этим вопросом, это и есть смысл моей жизни.

– Не понимаю.

– Я жил... так или иначе я жил. И ни в чем не раскаиваюсь.

Чиновник молча вышел. Возвращаясь в тюрьму, я попросил стражника позволить мне посмотреть на море, он не возражал. Стоя у частокола, окружающего тюрьму, я неотрывно смотрел на зимнее море.

Море сверкало в лучах послеполюденного солнца. В нем было разбросано несколько совершенно круглых островков. И ни одного судна: мертвая тишина. Это была могила отца Васкеса, могилы многих других миссионеров. Скоро оно станет и моей могилой.

В Ято существовал обычай: когда выпадал первый снег, готовили пресные клецки, втыкали в каждую по три стебля мисканта и совершали приношение Будде. Потом клецки варили и ели всей семьей. Говорили, что тому, кто первым вытащил клецку из котла, улыбнется счастье. Рику тоже приказала служанкам поставить на огонь большой котел. Младший сын Гондзиро в ожидании угощения от души радовался – такого веселья давно не было в их доме.

На следующий день, однако, от господина Исиды прибыл посыльный, сообщивший, что по приказанию Совета старейшин Самурай должен не отлучаясь ждать его распоряжений.

Дядя, болевший с конца осени, опять взялся за свое: может быть, речь идет о землях в Курокаве? Или, возможно, Его светлость решил вознаградить за тяготы, которые пришлось пережить во время путешествия? Дядя считал, что нужно тайком послать слугу и все разузнать. Однако Самурай не надеялся на хорошие вести.

Через несколько дней прибыли двое чиновников. Войдя в чисто убранный дом, они пошли переодеваться. Самурай с помощью Рику тоже облачился в парадное кимоно с фамильным гербом и торжественно сел в гостиную.

Один из чиновников, устроившись на почетном месте, тихо произнес: «Приказание Совета старейшин» – и зачитал бумагу:

«Рокуэмон Хасэкура принял христианство в стране южных варваров, что является нарушением указа и должно быть наказано строжайшим образом. Согласно особому решению Совета старейшин, ему предписано не покидать дом».

Самурай, низко склонив голову и опершись руками о пол, покорно выслушал приказ. Он чувствовал, что летит в бездонную пропасть. Но был так опустошен, что не испытал даже досады. Моргая глубоко сидящими глазами, он выслушал объяснения чиновника. Благодаря снисхождению господина Аюгаи и господина Цумуры ему лишь запрещено покидать Ято – в этом и будет состоять наказание. Чиновник добавил еще, что раз в год ему придется представлять Совету старейшин письменное отречение от христианства.

– Я вам сочувствую от всей души.

Выполнив возложенную на них миссию, чиновники почли себя обязанными высказать слова утешения. Один из них, сев на лошадь, сказал тихо:

– Строго между нами, Тюсаку Мацуки просил кое-что передать вам. Из Эдо сообщили Совету старейшин княжества, что в Сацуме схвачен Веласко. Если бы не это, решение относительно вас не было бы таким суровым.

– Господин Веласко? – снова заморгал глазами Самурай.

– Кажется, его отправили в Нагасаки, и он с другими падре находится в тюрьме в Омуре. Я слышал, что он еще не совершил «поворота».

После отъезда чиновников Самурай, не снимая парадного кимоно с фамильным гербом, остался сидеть в гостиную, где уже начала сгущаться темнота. Жаровня остыла, и было холодно. Самурай вспомнил слова чиновника и подумал, что тот высокомерный, самолюбивый южный варвар ни за что не совершит «поворота», никакие муки, никакие пытки не заставят его предать самого

себя.

«Вот как, вернулся, значит, в Японию?..»

С той минуты, как они расстались, он знал, что это произойдет. Одержимая, горячая натура этого человека не могла вытерпеть тихой, спокойной жизни. Из-за своей одержимости и горячности он не раз обижал Самурая, Танаку и Ниси. Во время долгого путешествия Самурай постоянно ощущал отличие этого южного варвара от них, японцев, и не мог внутренне сблизиться с ним.

Самурай почувствовал какое-то движение. Повернувшись, он увидел, что за раскрытой перегородкой в коридоре сидит Рику. Даже в темноте было видно, что ее плечи трясутся. Она изо всех сил сдерживала рыдания.

– Не беспокойся, – ласково сказал он ей. – Спасибо и на том, что род Хасэкура не прекратится, что Ёдзо и остальные слуги не подверглись наказанию.

С этого дня Самурай, когда все уже спали, подолгу сидел в одиночестве и смотрел, как огонь перебегает с одной ветки на другую. Что сейчас поделявает Ниси? Видимо, получил то же приказание, но связаться с ним невозможно. Перед его закрытыми глазами одна за другой проплывали картины, как он с Ниси и остальными попутчиками в сопровождении тяжело груженных лошадей пересекает Новую Испанию. Раскаленный диск солнца, поросшая кактусами и агавами пустыня, стада коз, поля, возделываемые индейцами. Неужели он и в самом деле видел все это? Может быть, приснилось? И он до сих пор видит этот сон? Нет, он помнит, что на стенах монастырских комнат, где их поселяли, всегда был жалкий, худой человек с распростертыми руками и поникшей головой.

«Я, – думал Самурай, ломая сухие ветки, – преодолел два безбрежных моря, добрался даже до Испании, чтобы встретиться с королем. Но короля так и не увидел, а вместо него мне без конца показывали этого человека».

Тут Самурай вдруг вспомнил, что в странах южных варваров его называли Господом. Но во время путешествия он так и не смог понять, почему его называют то Господом, то царем. И понял лишь то, что судьба свела его не с настоящим царем, а с обычным смертным, похожим на бродяг, побиравшихся иногда в Ято.

Хотя Самурай находился под домашним арестом, Новый год в Ято отпраздновали. В каждом доме складывали в корзинку рисовые колобки с воткнутыми палочками для еды и ставили ее у алтаря, а в доме Самурая из поколения в поколение сохранялся обычай подносить божеству года еще и рисовые лепешки и украшать вход в дом сосновыми ветками, вставленными в вязанки хвороста.

На Новый год в доме Самурая всегда собирались родные, но сейчас обстоятельства помешали этому. Из-за болезни не было даже дяди, который приезжал всегда. Кандзабуро – ему недавно отпраздновали совершеннолетие – как взрослый поздравил Самурая с Новым годом, чем очень его порадовал. Но, так или иначе, Новый год есть Новый год. На крыше снег, мелодично падают капли с сосулек, свисающих с застрехи, со стороны конюшни слышатся радостные возгласы Гондзи-ро, скачущего на игрушечной лошадке.

Временами издали доносятся ружейные выстрелы. В княжестве разрешена охота только на Новый год, и поэтому Кандзабуро вместе с крестьянами отправился на озеро. Эхо от выстрелов долго разносилось над Ято.

Охотники принесли убитых уток. Среди тех, что они свалили в прихожей, был один лебедь.

– Я же просил не стрелять лебедей, – отругал Самурай Кандзабуро.

Он вспомнил, что во время путешествия много раз видел во сне себя в окружении лебедей.

Тело лебедя уже окоченело. Когда он поднял его, на пол, точно снежинки, упало несколько перьев. На шее запеклась багровая кровь и грязь. Голова лебедя, которого держал на весу Самурай, бессильно свисала вниз, как у того человека. Глаза заволокла серая пленка. Самурай почему-то подумал о своей несчастной судьбе.

В конце месяца умер дядя. Самурай примчался в его дом – тело дяди было усохшее, крохотное, точно у ребенка, лицо – костлявое и морщинистое. Ну вот, теперь конец его непреодолимой жажде земель в Курокаве, подумал Самурай.

Похоронная процессия, в середине которой плыл гроб, по дороге, покрытой остатками снега, медленно двигалась к подножию горы. Гроб опустили в ту же могилу, где был похоронен отец, и засыпали землей, смешанной со снегом. Самурай отправил посыльного к их военачальнику, гос-

подину Исида, чтобы сообщить ему о смерти дяди.

Ночами ветер с завыванием скреб наст, покрывавший долину Ято. Неожиданно прибыл посыльный от господина Исида. Узнав о смерти дяди, он ни словом не выразил сочувствия – видимо, опасаясь, что это может не понравиться Совету старейшин. Поэтому, когда появился посыльный от военачальника, Рику подумала, уж не собираются ли освободить ее мужа из-под домашнего ареста, даже самому Самураю так показалось. Хотя Советом старейшин ему было запрещено покидать Ято, господин Исида приказал явиться в Нунодзаву в сопровождении слуги.

Взяв с собой Ёдзо, Самурай отправился в путь. В дороге было холодно, и, хотя временами сквозь свинцовые тучи – казалось, вот-вот они разразятся снегом – проглядывало солнце, снежная пыль, срываемая ветром с деревьев, больно била по лицам. Направляя лошадь вдоль реки, покрытой толстым льдом, Самурай подумал: сколько раз он уже проделывал этот путь. Когда его призывали на службу, когда подавал прошения о возврате земель в Курокаве, когда после отказа с тяжелым сердцем возвращался домой. Дорога, связанная со множеством воспоминаний. И всегда он ехал по ней вместе с Ёдзо.

Время от времени Самурай, сидя на лошади, оборачивался и смотрел на молча следовавшего за ним Ёдзо. Он и сейчас ни на шаг не отставал от него, как и во все время их долгого путешествия.

– Замерз? – заботливо спросил Самурай слугу, на котором была лишь легкая шерстяная накидка.

В Нунодзаве было так же ветрено, но небо очистилось. Под голубым небом вдали тянулась белая цепь гор; поля, насколько хватал глаз, были покрыты снегом. Здесь, в отличие от Ято, обрабатываемых земель было много, и они хорошо орошались.

Ров вокруг усадьбы господина Исида замерз. С навеса крытого соломой дома, точно белые клыки, свисали сосульки. Оставив Ёдзо во дворе, Самурай вошел в приемную с деревянным полом; ждать ему пришлось долго.

– Року? – хрипло окликнул его господин Исида, усаживаясь на почетное место. – На твою долю выпало много испытаний, от души соболезную. Как только представится возможность, обязательно посету могилу твоего дяди. Но ты должен быть счастлив хотя бы тем, что род Хасэкура не прекратит своего существования.

«Для чего меня вызвали, чем я провинился?» – хотел спросить Самурай, но вовремя сдержался. Вопрос его был бы бессмыслен.

– Здесь нет твоей вины. Тебе просто не повезло. Князь... – Господин Исида умолк. – Если бы Его светлость отнесся к тебе иначе... ему бы ни за что не оправдаться, – тяжело вздохнул господин Исида.

– Оправдаться? – Не понимая, в чем дело, Самурай укоризненно посмотрел на своего военачальника. – Что вы имеете в виду, говоря «оправдаться»?

– Оправдаться перед Эдо. Сёгун сейчас взялся за крупные княжества – он старается сокрушить могущественных князей. Он обвиняет Его светлость в том, что он долгое время укрывал христиан, бежавших из района Канто, что, поддавшись уговорам Веласко, в своем послании в Новую Испанию обещал приглашать христианских священников. Его светлость должен дать четкие объяснения всему этому.

Самурай, опершись руками о холодный пол, не промолвил ни слова. Большая капля пота упала с его лба.

– Тебе не повезло, ты оказался втянутым в высокую политику, а она переменялась. – Господин Исида тяжело вздохнул. – Прискорбно. Я, старик, лучше, чем кто-либо, понимаю, как это для тебя прискорбно.

Подняв голову, Самурай пристально посмотрел в глаза господина Исида. В его сочувственных словах, ласковом лице он чувствовал фальшь. В хриплом голосе, тяжелом дыхании ощущалась ложь. Господин Исида не мог понять, какую обиду и горечь испытывает Самурай. Лишь делал вид, что понимает.

– Однако, Року, род Хасэкура не прекратит своего существования. Это обещали и Совет старейшин, и господин Аюгаи. – Господин Исида твердо повторил: – Для Кандзабуро... я сделаю все, что только смогу.

Самурай не мог понять, почему вдруг старик заговорил об этом.

– Не обижайся.

– Я... и не обижаюсь.

– Поступило новое приказание Совета старейшин.

Сообщив это, точно освободившись от непомерного груза, господин Исида с трудом поднялся и ушел. Послышались шаги. Появился чиновник Совета старейшин, уже приезжавший в Ято.

– Приказание Совета старейшин.

Низко склонившись, Самурай, как и в прошлый раз, слушал раздававшийся над его головой голос чиновника.

– Поскольку Рокуэмон Хасэкура перешел в чужеземную веру, необходимо новое дознание, для чего он обязан явиться в Совет старейшин...

Самураю почудилось, что за дверями в коридоре притаилось несколько человек. Наверное, там были люди, готовые схватить его, если он, догадавшись об истинном смысле приказа, решит оказать сопротивление.

Написав несколько слов жене и Кандзабуро, он отрезал прядь волос и вложил ее в письмо. Потом обратился к находившемуся в той же комнате управляющему господина Исиды:

– Позови, пожалуйста, моего слугу Ёдзо. Когда тот вышел, он оперся руками о колени и закрыл глаза. Чиновник Совета старейшин и господин Исида, несомненно, находятся в дальних комнатах, но в доме гробовая тишина.

Время от времени слышно, как по соломенной крыше под собственной тяжестью сползает и падает вниз пласт снега. Когда звук падения замирает, тишина становится еще более гнетущей.

«Тебе не повезло, ты оказался втянутым в высокую политику, а она изменилась, – отчетливо звучал в его ушах голос господина Исиды. – Прискорбно. Я, старик, лучше, чем кто-либо, понимаю, как это прискорбно».

Как и в прошлый раз, чиновник добавил в конце, уже от себя:

– Хотя я выполняю лишь свой долг, но тем не менее мне очень тяжело.

Самурай сидел неподвижно. В доме удивительно тихо, его сердце стало бесчувственным. Новое дознание. Новое дознание не более чем предлог. Все необходимые объяснения он уже дал господину Цумуре и господину Оцуке.

«Если бы князь отнесся к тебе иначе, ему бы ни за что не оправдаться перед Эдо», – снова зазвучал в его ушах голос господина Исиды.

Все было решено в самого начала, он двигался по заранее проложенной колее. И теперь летит в бездонную пропасть.

Новый пласт снега со скрипом сполз по крыше и упал вниз. Звук напомнил самураю скрип снастей. Его судьба была решена еще в то время, когда стонали снасти, над мачтами с громкими криками низко носились чайки, волны били в борт и корабль направился в открытое море. Теперь долгое путешествие привело его туда, куда и должно было привести.

Ёдзо, опустив голову, сидел во дворе прямо на снегу. Он, конечно, уже все знал от управляющего господина Исиды. Прищурившись, Самурай некоторое время смотрел на своего верного слугу.

– За всю твою службу... – только и мог он вымолвить, горло перехватило.

Ёдзо не расслышал, что пробормотал Самурай: то ли «за всю твою службу благодарю», то ли «за всю твою службу осуждаю». Продолжая сидеть опустив голову, он почувствовал неуловимое движение – видимо, хозяин вместе с управляющим господина Исиды собрался уходить.

Самурай увидел, что идет снег. Пляшущие в небе снежинки напомнили ему лебедей из Ято. Птиц, которые прилетают из дальних стран и снова улетают в дальние страны. Птиц, видевших множество стран, множество городов. Он почувствовал себя таким же, как они. И вот он отправляется в другую, неведомую страну...

– Теперь... сопровождать вас буду не я, – послышался неожиданно хриплый голос Ёдзо.

Самурай остановился, повернулся к нему и кивнул. Потом двинулся по темному, поблескивающему коридору в свое последнее путешествие.

День казни был назначен. Накануне Веласко и монаху Луису Сасаде разрешили под присмотром стражника помыться и надеть чистую одежду. По словам стражника, это была «особая милость властей». Их тела исхудали так, что торчали ребра. На последний ужин они получили, тоже в виде особой милости, кроме обычной миски овощей еще по одной тухлой рыбке. Это была

их последняя еда, потому что, как объяснил стражник, по существующему правилу приговоренным в день казни завтрака не дают. Причина в том, что у некоторых приговоренных от страха начинается рвота.

– Есть какие-нибудь просьбы? – спросил стражник.

Веласко и Луис Сасада попросили чистой бумаги. Им нужно было написать предсмертные письма.

При тусклом свете, проникающем сквозь решетку, Веласко написал следующее письмо братьям из монастыря на Лусоне.

«Приближается мой последний час. Благодарение Богу, ниспосылающему благодатные дожди Японии – этой бесплодной земле, покрытой скалами. Надеюсь, что вы простите мне мои преступления. В своей жизни я совершил немало ошибок. Как человек, не добившийся особых успехов и стремящийся разом решить все, я жду своей мученической смерти за веру. Пусть воля Божия свершается на дикой земле Японии – подобно тому как она свершается на небесах. Простите меня за то, что я не смог до конца выполнить дело, вверенное мне Господом. Забудьте о тех обидах, которые я причинял вам своим тщеславием, своей гордыней. Пусть каждый из вас возделывает поле Господне, пусть окрепнут наши узы во славу Владыки Небесного».

Веласко подумал, что во искупление нанесенных им обид он обязан достойно встретить завтрашний день.

Когда они вручили письма стражнику, в темнице уже воцарилась обычная тьма и холод. Завтра в это время их не будет здесь, а в пустой тюрьме останется та же тьма и тот же холод; стоило Веласко подумать об этом, как он почувствовал себя оскорбленным.

Веласко и Луис Сасада молились, когда слышались приближающиеся шаги и зарешеченная дверь открылась. В колеблющемся пламени свечи появилась плоская рыба физиономия стражника.

– Заходи.

Послушная приказу стражника, огромная тень склонившись неловко вошла в камеру. Повернувшись к Веласко и Луису Сасаде, тень пробормотала:

– *Rex Domini* [⁴⁴].

Из-за темноты им не были видны лицо и фигура нового узника, но от него исходил тот же запах, что и от них.

– Вы падре?

Хриплым голосом он назвал себя – брат Общества Иисуса Карвальо.

– Я сидел в тюрьме Судзуда. Завтра меня казнят вместе с вами.

Он рассказал, что скрывался недалеко от Нагасаки, но в конце прошлого года был схвачен, а теперь переведен сюда и здесь его завтра казнят.

Веласко улыбался в темноте. Но это не была его обычная высокомерно-снисходительная улыбка. Его заставило непроизвольно улыбнуться открытие: он не испытывал ни малейшего злорадства от того, что перед ним иезуит. Один из тех, кто клеветал на него, старался поймать в ловушку, стремился воспрепятствовать осуществлению его планов. Но, хотя в их тюрьму попал иезуит, он питал к нему не ненависть, а жалость и сострадание. Все смыло чувство, что завтра они разделят одну судьбу – пойдут на смерть. Перед лицом смерти злоба и ненависть недостойны.

– Я... Веласко, – назвал он себя.

Отец Карвальо ничего не ответил. Его молчание лишь подтвердило, что ему известно и имя Веласко, и его прошлое.

– Не волнуйтесь, – мягко сказал Веласко. – Я теперь иначе отношусь к иезуитам. Завтра мы окажемся в одной обители.

Он попросил отца Карвальо исповедовать его. И опустился перед ним на колени, вдыхая запах его дурно пахнущего тела. Он понимал, что Луис Сасада слышит каждое слово, но теперь его ничто не беспокоило.

– Из-за своего тщеславия, из-за своей гордыни я обижал людей. Именем Господа я пытался удовлетворить свое тщеславие. Я пугал волю Божью со своей собственной. Иногда я даже ненавидел Господа за то, что Его воля не совпадала с моей. Я богохульствовал. Я тешил себя надеждой,

---

⁴⁴ Мир во Христе (*лат.*).

что гордыня моя служит Всевышнему.

Отец Карвальо отпустил грехи и хрипло произнес:

– Ступай с миром.

Слушая его, Веласко вспомнил профиль человека, который исповедовался у него в Огацу. Где сейчас этот человек, что с ним случилось? Он солгал ему и теперь уходит из мира с этой ложью. Да, он должен умереть во искупление этой лжи. Несмотря на отпущение грехов, душа Веласко не обрела покоя.

Среди ночи Луис Сасада вдруг расплакался. Им снова овладел страх смерти. Как обычно, Веласко взял его худую руку и стал истово молиться Господу, чтобы все горести Луиса Сасады Он возложил на него. Отец Карвальо тоже встал рядом с ним на колени и стал молиться за дрожащего, рыдающего юношу. Вскоре в камере стало светать. Наступило утро казни.

Утро.

Светило солнце, но дул сильный ветер. Когда их вывели в тюремный двор, там уже были выстроены стражники и воины с пиками и ружьями, на ветру трепетало знамя князя Омура. Под ним в торжественной позе сидели на скамейках высшие сановники княжества, среди них – тот самый чиновник из Нагасаки.

Встав со стула, он назвал по имени каждого из трех осужденных и, склонившись, видимо, к старшему, что-то прошептал ему; пожилой, полный человек, развернув бумагу, зачитал смертный приговор.

Дул пронизывающий ветер. Видневшееся вдали холодное море катило пенившиеся свинцовые волны. Когда чтение приговора закончилось, стражники окружили осужденных и связали им руки. Каждому набросили веревку и на шею, но не затянули ее.

Процессия двинулась вперед. Чиновники – на лошадях, осужденные, стражники и воины пешком спускались по дороге, идущей через мандариновую рощу. Крестьянки, оставив работу, со страхом смотрели на них.

Пошатываясь они спускались по крутой дороге, и тут вдруг отец Карвальо запел «*Crucem passus*»^[45].

Ни чиновники, ни стражники не прервали его.

Пройдя через мандариновую рощу, они оказались в городе Омура. По обеим сторонам улицы, вдоль которой тянулись крытые соломой дома, стояли мужчины с корзинами за спиной, женщины, прижимавшие к себе детей, безучастно смотрели на проходящую мимо процессию. Время от времени Веласко поддерживал Луиса Сасаду, у которого подкашивались ноги, и тот едва не падал на Веласко.

– Теперь уж скоро... Теперь уже скоро... Господь ждет нас.

Ряды зевак стояли вдоль всей улицы.

– Господи, прости их. – Этими словами отец Карвальо закончил свое пение. – Они не ведают, что творят.

Город кончился, и ветер стал еще сильнее. Море было бурным. Ни одна лодка не отважилась отойти от берега. Жалкая сосновая рощица, высаженная для защиты от ветра, содрогалась.

Вдали показалась бамбуковая ограда. Вокруг нее тоже были выстроены воины с ружьями. Они пришли к месту казни, именовавшемуся Хокомбару.

Веласко, поглядывая на море, шел по песчаному берегу, усеянному ракушками и морской травой. Ветер бил в лицо. В заливе вдали виднелась синеватая гряда пологих гор острова Харио; волны, разбиваясь о скалы, тысячами брызг, словно туман, застилали остров. А над морем ярко сияло солнце. Это был последний кусочек Японии, который видели Веласко и его товарищи.

Ворота в ограде открылись. Процессия остановилась. У приговоренных к смерти лица, даже губы, побелели на сильном морском ветру. Посреди ограды стояли, точно палачи-великаны, врытые в землю три столба, и под каждым из них были сложены дрова и солома.

Стражники проверили, крепко ли связаны у осужденных руки, и к ним подошел чиновник из Нагасаки.

– Ну как, все еще не хотите совершить «поворот»? Это последняя возможность.

Оба миссионера решительно покачали головой. Луис Сасада, поколебавшись, тоже отказал-

---

⁴⁵ «Крест несущий» – строки из заупокойной молитвы (лат.).

ся.

Кивнув, чиновник сделал было несколько шагов, но, будто что-то вспомнив, снова подошел к Веласко и потупившись сказал:

– Могу сообщить вам по секрету: Хасэкура и Ниси, с которыми вы побывали в странах южных варваров, казнены как христиане.

На посиневших губах Веласко впервые появилась улыбка.

– О-о, – воскликнул он, повернувшись к отцу Карвальо. – Теперь я могу со спокойным сердцем последовать за ними.

Направляясь к столбам, все трое пели хором «Pater Noster». Палачи-великаны издали смотрели на них, замерев в ожидании. Поставив приговоренных к столбам, стражники крепко-накрепко привязали их. Ветер завывал все сильнее.

– Возродитесь в новой жизни, – закричали стражники и разбежались в стороны. Чиновники, спасаясь от ветра, стояли у самой ограды, наблюдая за казнью.

Один из солдат с факелом в руке поднес огонь к сложенным у столбов дровам и соломе. Забушевало пламя, раздуваемое ветром, взметнулись ввысь три столба дыма. Оттуда неслась молитва:

*Libera me, Domine
De morte aeterna* ^[46].

Голоса сначала были громкими, но, когда пламя разбушевалось еще сильнее, умолк Луис Сасада, за ним – отец Карвальо, и слышался лишь шум ветра и треск дров. Вдруг прозвучал голос, доносившийся из белого дыма, окутавшего столб, к которому был привязан Веласко:

– Я... жил!..

Долго, все время, пока полыхало пламя, чиновники и стражники стояли в отдалении, ежась от холода. После того как огонь погас, показалось три дымящихся столба, на которых не осталось ничего. Стражники собрали пепел, ссыпали в мешок из рогожи и, положив в него камни, бросили в море.

Набежавшая пенная волна слизнула мешок и, отступив, протащила его дальше. Так продолжалось много раз. Наконец вода поглотила его. Будто ничего не произошло, зимнее солнце заливало пустое побережье и расстилавшееся за ним море, по которому свистя гулял ветер. За бамбуковой оградой не было ни чиновников, ни стражников.

---

⁴⁶ Избавь меня, Господи,
от вечной смерти (лат.).